84 (2 Poc- Pgc) 1 ФЁДОР АЛЕКСЕЕВИЧ nc 52 ЖЕЛТОВ ПЕРЕД ЛЮДЬМИ-

КОНТРОЛЬНЫЙ ЛИСТОК СРОКОВ ВОЗВРАТА

КНИГА ДОЛЖНА БЫТЬ
ВОЗВРАЩЕНА НЕ ПОЗЖЕ
УКАЗАННОГО ЗДЕСЬ СРОКА

Колич. пред. выдач.						
						HC53
					S. S	52 Salve
48246-3		-			HON MU	F
Типография "ДЕКОМ" п	ел: 47-04-63	.			1.19 4.01	711 X 11-
	1	1		300	7	مل
1) 1	1 1	1	1	90		

ПЕРЕД ЛЮДЬМИ

ЖЕЛТОВ

Фёдор Алексеевич

8-94484- 5 m

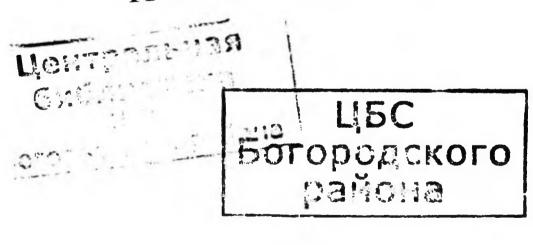

do Acerticolo

ФЁДОР АЛЕКСЕЕВИЧ ЖЕЛТОВ

передлюдьми

ИЗБРАННОЕ

2014

84(2Poc=Pyc)1 Ж52

Составитель В.А. ГУРЬЕВ

g de a

Тексты печатаются в авторской редакции (кроме статьи «Перестанем пить вино и угощать им») с сохранением особенностей стиля, пунктуации и орфографии, характеризующей речь персонажей.

Желтов Ф.А.

Перед людьми: избранное. – Богородск [Нижегор. обл.]: [Печатный дом «Вариант»], 2014. – 232 с.: ил., портр.

Знак информационной продукции 16+

На обложке: село Богородское 26 мая 1913 года. Открытие памятника Александру II.

ОН СЕЯЛ СВЕТ...

(Фёдор Алексеевич ЖЕЛТОВ: жизнь, творчество, судьба)

Желтовский пруд – одно из памятных мест города Богородска Нижегородской области...

Он приютился между улицами им. Свердлова и Московской, в том месте, где их пересекает переулок Песочный. Ещё в начале XX-го века, когда город Богородск был селом Богородским, улица Свердлова именовалась Стрелецкой, а Московская носила название Банные зады. По берегам пруда растут вековые вётлы – главное его украшение. Высокая безмолвная стать деревьев словно хранит в себе историческую память, которой буквально дышит этот маленький тихий уголок, расположенный недалеко от центра города...

В самом названии пруда запечатлена память о замечательном человеке земли богородской Фёдоре Алексеевиче Желтове. Его жизнь пришлась на правление трёх последних Российских императоров, смуту, вылившуюся в революцию и государственный переворот, установление диктатуры пролетариата, образование СССР; он чудом уцелел среди первых волн большевистского террора, но 1937 год захлестнул и его, 78-летнего старца, проповедовавшего добро, мир, любовь...

К середине XIX века все Желтовы в селе Богородском Горбатовского уезда Нижегородской губернии считались старожилами и были уважаемыми людьми. Не исключение и родители Фёдора Алексеевича, местные крестьяне Алексей Григорьевич и Мария Ивановна, духовные христиане (молокане) по вероисповеданию. А. Г. Желтов немало способствовал удалению из Богородского его последнего владельца Сергея Васильевича Шереметева, порой неумеренно злоупотреблявшего помещичьей властью. «Отец мой был уполномоченным от общества по жалобе на поме-

щика С.В. Шереметева и имел личное сношение с тогдашним губернатором Муравьёвым»¹, – писал Фёдор Алексеевич в своих воспоминаниях о В.Г. Короленко. Неудивительно, что после отмены крепостного права Алексей Григорьевич стал первым, единогласно выбранным сельским обществом волостным старшиной.

Фёдор Алексеевич Желтов родился в 1859 году 12 числа... С месяцем же до сих пор неясно, поскольку сам Фёдор Алексеевич в автобиографии от 1913 года указал март, а шестнадцать лет спустя в анкете при письмах Л.Н. Толстого для редакционной комиссии по подготовке к изданию Полного собрания сочинений Льва Николаевича - февраль... Отец его имел небольшое шорное производство в Нижнем Новгороде, что позволяло семье жить в достатке. Из упомянутой автобиографии, написанной Ф.А. Желтовым от третьего лица, следует, что он «нигде не учился кроме начальной сельской школы и получил только домашнее образование»². Фёдор Алексеевич рано пристрастился к чтению, посвящая этому занятию всё свободное время, благо отец позаботился о домашней библиотеке. Когда она перестала удовлетворять познавательные интересы сына, Алексей Григорьевич стал брать для него книги из частных библиотек знакомых ему людей, в том числе «из обширнейшей библиотеки известного исследователя Нижегородского края Александра Серафимовича Гациского, бывавшего в дому А.Г. Желтова по исследованию сектантства с писателем нижегородцем П.И. Мельниковым»³. Страсть к чтению заставляла Фёдора Алексеевича приобретать впоследствии всё новые и новые книги. Так он собрал большую собственную библиотеку, которой безвозмездно пользовалось всё читающее население села Богородского.

До семнадцати лет Ф.А. Желтов, кроме самообразования, занимался также домашним хозяйством. В 1876 году внезапно умирает Алексей Григорьевич. Мария Ивановна не только сумела сохранить производство мужа, но и расширила его, организовав в Богородском кожевенный завод, конторой которого заведовал Фёдор Алексеевич до тех пор, пока сам не стал хозяином предприятия. В девятнадцать лет он женился на дочери местного промышленника Елене Ивановне Кукиной, и в начале XX века в большой и дружной семье Желтовых было шестеро детей: четыре сына – Алексей, Александр, Иван, Анатолий и две дочери – Надежда и Лидия. Ф.А. Желтов успешно справлялся с делами на производстве, вёл занятия в руководимой им местной общине секты молокан, а также занимался сочинительством.

«Первые робкие шаги к выступлению в литературе начались с простых корреспонденций, а потом и мелких рассказов, печатавшихся сначала в «Нижегородских губернских ведомостях» и Нижегородской же газете «Волгарь», а потом в Московских – «Русском курьере» и «Совре-

менных известиях»⁴, – отмечал Фёдор Алексеевич в автобиографии. Публикации, увидевшие свет в середине 80-х годов XIX века, по большей части представляли собой очерки на разнообразные темы. Ф.А. Желтов писал о проблемах крестьянского быта в деревне, археологическом интересе Горбатовского уезда, природных явлениях (например, о солнечном затмении, которое наблюдал 7 августа 1887-го в Нижнем Новгороде), молоканской общине села, легендах и былях родного края, знаковых событиях, таких, скажем, как празднование 25-летия отмены крепостного права 19 февраля 1886 года в Богородском, когда была освящена часовня в память Царя-Освободителя Александра II. Стоит отметить, что именно Фёдор Алексеевич составил текст всеподданнейшего адреса царствующему Государю Императору, после богослужения прочитанного волостным старшиной перед народом и отправленного затем монарху через начальника губернии.

В это же время Ф.А. Желтов знакомится с отрывками из «Краткого изложения Евангелия» Льва Николаевича Толстого. Книга была запрещена и распространялась в литографиях и рукописях. Фрагменты одной из копий случайно оказались у Фёдора Алексеевича. «... Приводимые понятия, - вспоминал он, спустя более тридцати лет, - совпадали с усвоенными сектантскими мировоззрениями духовных христиан (молокан), той среды, в которой я родился и получил воспитание... Простота изложения, глубина мысли и близкое к жизни освещение вопросов Евангельской истины захватили меня...» Под впечатлением от прочитанного Желтов 18 апреля 1887 года пишет Льву Николаевичу, начав обращение к нему словами из Евангелия от Иоанна (4; 15): «Господин! дай мне этой воды, чтобы не иметь жажды...» Кратко изложив воззрения на окружающее в соответствии с молоканской верой, Фёдор Алексеевич просит наставить его на литературном пути, дабы нести свет Евангельской истины: «... Я хочу, чтобы свет, если он во мне есть, - не угасал; хочу, чтобы он если не ярко горел, то хоть мерцал, ибо и то есть благо. Но вопрос в том, что есть истинный хлеб, какие истинные задачи литературы?.. Я желаю знать тот истинный путь, по которому должно идти на этом поприще. Укажите мне его. Направьте на дело мои молодые силы. Дайте работы, не бесплодной работы, а полезной, плодотворной, животворящей»⁷. К письму были приложены несколько ранее опубликованных статей.

Искренность двадцативосьмилетнего молоканина тронула великого писателя. Немедленно откликнувшись, он так рассуждал о литературном труде: «Я полагаю, что задача пишущего человека одна: сообщить другим людям те свои мысли, верования, которые сделали мою жизнь радостною. Радостной, истинно радостной, делает жизнь только уяснение и применение к себе, к разным условиям своей жизни евангельской исти-

ны. Только это можно и должно писать во всех возможных формах: и как рассуждения, и как притчи, и как рассказы. Одно только опасно: писать только вследствие рассуждения, а не такого чувства, которое обхватывало бы всё существо человека... Одинаково по-моему дурно и вредно писать безнравственные вещи, как и писать поучительные сочинения холодно и не веря в то, чему учишь, не имея страстного желания передать людям то, что тебе даёт благо»⁸. Довольно критично отозвавшись о присланных Желтовым очерках, Толстой, тем не менее, утверждает: «Писать вы, как мне кажется, можете и потому, что владеете языком и, главное, потому что вы с молодых лет всосали в себя учение Христа в его нравственном значении, как это видно из вашего письма»⁹. Более того, предлагает прислать что-нибудь для печатания в организованном по его инициативе издательстве «Посредник», которым в то время руководил друг и соратник Льва Николаевича – Владимир Григорьевич Чертков.

Вдохновлённый участием Толстого Фёдор Алексеевич через два с небольшим месяца отправляет ему для «Посредника» своё первое серьёзное произведение – повесть «На Волге, или Злом горю не поможешь». С незначительными исправлениями по рекомендации Льва Николаевича повесть вышла отдельной книжкой в 1888 году. Имя автора на обложке указано не было. Оно появилось лишь в последнем, девятом издании «На Волге...» через тринадцать лет после первого.

В марте 1888-го состоялось и личное знакомство Фёдора Алексеевича с Толстым в московском доме писателя. Во время встречи, по-видимому, речь зашла и о «Кратком изложении Евангелия», потому что рукопись этой книги Лев Николаевич на время передал Желтову, который не только прочёл её, но и полностью переписал для себя.

Период с конца восьмидесятых годов XIX века и до начала нового столетия оказался для Ф.А. Желтова самым насыщенным и плодотворным. Веря, благодаря Толстому, в свои писательские возможности, он создаёт новые произведения, которые печатаются по большей части в издательстве «Посредник». Например, рассказы «На сходке (Вдова)» (1888) и «Перед людьми» (1892), посвящённые проблемам крестьянской жизни, таким как расслоение общины, обнищание семей, уход с земли на производство, трагически сказывающийся на судьбах людей, непонимание имущими неимущих, распространение пьянства, от которого гасла в человеке искра Божья. Об отношении Фёдора Алексеевича к последнему стоит сказать особо. Как и все молокане, он вёл абсолютно трезвый образ жизни, обходясь без табака и спиртного. Вот почему Желтов не только вступил в организованное Толстым согласие против пьянства, но и не без успеха агитировал за присоединение к нему крестьян родного села Богородского. В его письмах Льву Николаевичу в качестве постскриптума

можно прочитать: «Запишите в члены согласия против пьянства: Пётр Привалов, крест. с. Богородс. 41 г., Иван Иванов Балакин, крест. с. Богор. 36 л.» (2 мая 1888 г.). «Запишите члена в обществ. трезв.: Василий Иванов Хохлов, крестьянин села Богородского. 20 лет.» (16 июня 1888 г.). «Запишите в члены общества трезвости: Михаил Иванов Фролов, крестьянин села Богородское Ниж. Губ. 55 лет.» (4 июля 1888 г.). Фёдор Алексеевич написал также статью, обличающую пристрастие к алкоголю, и отправил её Л.Н. Толстому 31 января 1889 года с письмом, в котором высказал своё мнение относительно оформления и подачи материала: «Спецу Вам послать статью о пьянстве. Мне хотелось

Фёдор Алексеевич написал также статью, обличающую пристрастие к алкоголю, и отправил её Л.Н. Толстому 31 января 1889 года с письмом, в котором высказал своё мнение относительно оформления и подачи материала: «Спешу Вам послать... статью о пьянстве... Мне хотелось бы, чтобы она была непременно напечатана брошюрками, так как это я считаю удобнее для народа – книжечки в руках долее хранятся, впрочем, хорошо бы отпечатать и книжками и листами»¹³. Статья Льву Николаевичу понравилась. Подредактировав, он озаглавил её «Перестанем пить вино и утощать им», после чего передал В.Г. Черткову, отметив важность скорейшей публикации. Материал увидел свет в марте 1990-го. Статью отпечатали в типографии И.Д. Сытина в виде плаката на простой бумаге, украшенного незатейливой рамкой. Фамилия автора под текстом отсутствовала. После первого последовало ещё несколько изданий, причём не только «Посредника», но и Александро-Невского общества распространения религиозного просвещения в духе Православия при Воскресенской церкви. С 1910 года статья выходила уже с подписью Ф.А. Желтова в серии «Посредника» – «Борьба с пьянством» под № 18. В этом издании она представляла собой хорошо оформленный стенной листок с воспроизведением посередине картины Максимова «Хомут пропивает».

изведением посередине картины Максимова «Хомут пропивает». В год своего тридцатилетия Фёдор Алексеевич Желтов, стараясь больше узнать о живущих в Российской Империи молоканах, посещает общины духовных христиан в Тамбовской, Саратовской и Самарской губерниях. В начале пути он, словно за благословением, заезжает в Москву к Льву Николаевичу Толстому, которому позже, 15 октября 1889 года, напишет: «Весной я в первый раз так близко ознакомился с некоторыми молоканскими обществами, и это знакомство дало мне новые взгляды на ту степень духовного возраста, в котором большая часть молокан теперь находится» Представив Льву Николаевичу довольно-таки обстоятельный отчёт о поездке, поделившись размышлениями относительно бесед с молоканскими старцами, Фёдор Алексеевич заключает: «Приходится только радоваться за тот свет, который всё более и более возгорается в сознании людей; не далёк тот от царствия Божия, кто веру свою переносит прямо в практический склад своей жизни – в этом его благо и благо других людей» Ни единожды бывая потом в разбросанных по России молоканских общинах, Желтов тем самым способствовал их сближению.

Судя по немногим сохранившимся воспоминаниям современников, Фёдор Алексеевич был общительным и располагающим к себе человеком. Круг его знакомых составляли самые разнообразные люди: богородский астроном-самоучка Константин Иванович Каплин-Тезиков, писатели Владимир Галактионович Короленко, Николай Александрович Рубакин, Иван Фёдорович Наживин, революционеры, впоследствии видные партийные и государственные деятели Елена Дмитриевна Стасова и Владимир Дмитриевич Бонч-Бруевич, занимавшийся к тому же исследованием сектантства и, конечно, друзья и соратники Толстого. «По его указанию, – вспоминает Желтов, – заезжали к нам в село некоторые его друзья, из которых помню П.И. Бирюкова, Е.И. Попова, А.П. Архангельскую, Хохлова, Рахманова, А.Н. Дунаева, И.П. Брошнина, докт. Шкарвана, которые были в Богородском и повторяли посещения проездом» 16.

Более двадцати двух лет продолжалась переписка Ф.А. Желтова с Л.Н. Толстым, который благоволил к молоканину из нижегородского села, невольно восхищаясь его кристальной душой, о чём говорят записи. сделанные рукой великого писателя. «... Пришёл Желтов, и я с ним пошёл по книжным лавкам... Какой чистый человек Желтов!» 17 – отметил Лев Николаевич в своём дневнике 22 февраля 1889-го. Последнее известное письмо Толстого Фёдору Алексеевичу датировано 12 октября 1909 года. По тону и содержанию оно предполагало продолжение переписки. Так, похвалив вышедшие в серии «Книги свободомыслящих христиан» брошюры Желтова «Разумное служение» и «Два пути», Толстой в заключение сообщает: «Посылаю вам вновь вышедшую книгу «На каждый день» за июнь. Будут на все месяцы. Когда отпечатаются, пришлю вам» 18. Если книги высылались, то обязательно вместе с письмами. Однако трагические переживания великого писателя в последний год жизни могли помешать ему выполнить обещание, и эпистолярное общение близких по духу людей прервалось прежде, чем один из них ушёл из жизни.

Со времени личного знакомства с Толстым Желтов хотя бы раз в год навещал Льва Николаевича, когда тот жил в своём московском доме в Хамовниках. Лишь однажды проездом, 13 февраля 1890-го, Фёдор Алексеевич вместе с женой, сестрой и зятем навестили Л.Н. Толстого в Ясной Поляне. О воздействии этой встречи на Ф.А. Желтова можно судить по его восторженному посланию, отправленному знаменитому адресату через месяц: «Дорогой брат, Лев Николаевич! Только что возвратившись из своей поездки и находясь под влиянием живого впечатления от того братского общения, которое Вы оказали со всей Вашей семьёй нам, когда мы были у Вас в Ясной поляне, я не могу не написать Вам этого письма, чтобы не выразить Вам своей признательности за ту Вашу любовь, свет которой невольно и влёк нас заехать к Вам...» 19

В начале XX века Ф.А. Желтов передал управление производством старшим сыновьям, решив целиком посвятить себя литературе и общественной деятельности, которая не ограничивалась только рамками секты. Неравнодушие к проблемам крестьянства и, вероятно, подспудное чувство вины перед деревенской и сельской беднотой за собственное материальное благополучие побудили Фёдора Алексеевича вступить в Крестьянский союз Всероссийский, который образовался в ходе первой русской революции и предусматривал в своей программе национализацию земли. В 1906 году Желтов участвовал в работе нелегального съезда организации, а некоторое время спустя был арестован за агитацию от имени союза и представлен к высылке. Последнего, к счастью, не случилось.

Вековой рубеж стал своеобразной вехой и для литературного творчества Фёдора Алексеевича. В нём всё больше начинают преобладать просветительские тенденции в духе усвоенной с детства молоканской веры. Вот почему от художественной прозы Ф.А. Желтов постепенно переходит к религиозно-философским трактатам, в которых, на его взгляд, «отразилась та таящаяся в сектантстве свобода раскрепощённой мысли, которая иногда поразительно глубоко проникает в сущность и значение своеобразно понимаемого смысла религии и религии не как отвлечённого понимания, а как практического дела жизни, дела, определяемого благом всего человечества»²⁰. Свои новые произведения Фёдор Алексеевич публикует в журнале «Духовный христианин», в издании которого, будучи одним из видных представителей секты молокан, принимает активное участие. До начала революционных событий в России его трактаты не раз издавались отдельными брошюрами в издательстве А.С. Проханова (серия «Книги свободомыслящих христиан»). Среди них -«Два пути» (1909), «Свидетельство духа» (1910), «Плоды и листья» (1911), «О зелёной палочке» (1911) и другие, захватившие, по словам Желтова, «не только сектантский мир», но и привлекшие внимание «даже заграничных богословов, так как редактор журнала «Духовный христианин» получал из заграницы по поводу брошюр не мало запросов»21. Правда, первый шаг на этой стезе был сделан ещё в 1889 году, когда Фёдор Алексеевич написал легенду «Кость и золото», основанную на одном из эпизодов Талмуда. Главный герой этого произведения, всемогущий непобедимый царь, владеющий огромными пространствами и несметными сокровищами, пройдя через всевозможные испытания, убеждается, что счастье человека не в богатстве и пресыщении. Просветлев разумом, он произносит в финале: «Мы ищем счастья около, а оно - внутри нас. Оно не в праздности, а в труде; оно не в роскоши, а в довольстве необходимым; кто хочет быть счастливым, тому нужно понять прежде всего, к чему мы созданы и что для нас создано... Славлю Тебя, Господи, что Ты открыл

рабу Твоему истину, озарил меня светом правды Твоей! Отныне я знаю волю Твою, и подчиняюсь ей, и пойду не к бездушному облику лукавой и ложной жизни, а к разумному велению Творца моего. Глаза мои видят свет, и иду к нему, и знаю, что царство Твоё не там, где зависть, задор и вражда, а там, где люди – братья, где царит мир, правда и любовь!..»²²

С точки зрения Русской Православной церкви Ф.А. Желтов достаточно вольно интерпретировал как изречения, так и деяния Христа и Святых Апостолов в духе молоканства, отвергающего обрядность, почитание икон, таинства, например, водное крещение, относя его Ветхому завету и полагая, что по Новому - крестить следует духом, на практике - словом молитвы. Вот почему православные богословы не оставляли его работ без внимания. Так в газете «Нижегородский церковно-общественный вестник» за 1910 год были опубликованы статьи священника Николая Покровского «Разумное служение» (№ № 2 – 5) и «Дух и вода» (№№ 32, 33, 37 – 39), посвящённые критическому разбору одноимённых произведений Фёдора Алексеевича. Подвергнув тщательному анализу всё, что противоречит канонам господствующей в России церкви относительно Священного писания, отдавая дань уму Желтова, священник жалеет, что свои таланты тот употребляет на борьбу с «установленной Богом Церковью Православной» и остерегает как молокан, так и автора трактатов, приводя выдержку из его же «Разумного служения»: «В заключение считаю себя обязанным обратиться к уважаемому автору г. Желтову и всем его единомышленникам с конечными, заключительными словами разобранной брошюры: «Подумайте, подумайте хорошенько над своим положением, а то как бы (Откалываясь от Православной Церкви, считая себя подчас умнее Св. Апостолов) не ошибиться быть на Христовом пиру не в брачной одежде и не услыхать бы голоса, который говорит: что вы Мне говорите: Господи, Господи, а того, что приказано вам, не делаете?»²³

В начале 1908-го Фёдор Алексеевич познакомился с начинающим литератором из села Дуденева, расположенного на берегу Оки недалеко от Богородского, Николаем Степановичем Власовым, позже известным под псевдонимом «Н.С. Власов-Окский». Н.С. Власову шел тогда двадцать второй год, он уже печатался в нижегородских газетах и был приказчиком богородского книжного магазина, куда в поисках необходимого издания заглянул однажды Желтов. О своих встречах с Фёдором Алексеевичем Н.С. Власов-Окский написал в автобиографической повести «В сказочную страну», оконченной в 1941 году и до сих пор не опубликованной. Её машинописный вариант хранится у внука Николая Степановича – Валерия Павловича Черкасова, с разрешения которого я и привожу здесь отрывки из этого произведения. Хочу еще заметить, что себя в книге Власов-Окский называет Павлом Семёновичем Клёновым,

под псевдонимом выведен и хозяин книжного магазина. Остальные действующие лица носят реальные имена, скажем, одна из главок повести так и называется «Желтов» и посвящена первой встрече Власова с известным молоканином...

«В магазин вошёл высокий плотный мужчина, одетый в чёрное, совсем новое, демисезонное пальто из дорогого сукна и чёрную же, почти новую, широкополую шляпу. Белое продолговатое лицо, широкий морщинистый лоб, большие голубые задумчивые глаза, коротко остриженные борода и усы, плотно сжатые губы под крупным тонким носом, как и одеяние, показывали, что вошедший – не купец и не служащий, да и не заводчик-кожевник, какими они здесь выглядят.

Он внимательно посмотрел на Павла..., притронулся к правому полю своей шляпы и бархатистым баском произнёс:

- Здравствуйте»²⁴.

Нужной книги в магазине Фёдор Алексеевич не нашёл, зато, разговорившись с приказчиком, узнал, что тот пишет и публикуется. Видя искреннее желание молодого автора получить отзыв о своих произведениях от человека, имеющего отношение к литературе, пригласил к себе. Описание дома Желтова на бывшей Стрелецкой улице и окружающей его территории до сих пор узнаваемо.

«Павел попросил прислугу доложить о нём, а сам остался на просторном крыльце с двумя скамейками.

Широкий каменный двухэтажный дом стоял на солнечной стороне одной из лучших улиц. Перед ним лежал подо льдом огромный пруд. Позади дома – неоглядный двор, обнесённый тесовым забором. В конце двора – кожевенный завод, безмолвствовавший по случаю праздника.

Прислуга вернулась и позвала:

- Пожалуйте в кабинет»²⁵.

Обстановка кабинета также не осталась без внимания автора.

«Это была просторная комната в два окна. У одного из окон стоял большой стол из красного дерева. За столом – кресло, обтянутое кожей, пред столом – другое, и четыре таких же – у стены против входа. У задней стены огромный книжный шкаф со стеклянными дверцами. За стёклами виднелось множество книг в дорогих переплётах»²⁶.

Пока Фёдор Алексеевич внимательно читал принёсенную гостем поэтическую тетрадь, главный герой повествования продолжал осматриваться.

«Он опустил свой взгляд на стол, обставленный богатыми письменными принадлежностями. До сей поры он ни разу не видал мраморных подставок для чернильниц; самые чернильницы показались ему серебряными. Мраморное пресс-папье было скреплено винтом с набалдаш-

ником из неизвестного красного прозрачного сверкающего минерала. Слева от письменного прибора лежала стопка бумаги почтового формата, справа – книга Л.Н. Толстого «Круг чтения» в переплёте из чёрного шагреня, с золотым тиснением.

В такой обстановке писать удобно, – думал Павел и повернул лицо в сторону книжного шкафа. – И книг много!.. И – под рукой... И – никто не мешает заниматься: полное уединение и тишина... Тут удобно...» ^{27}

Трудно сказать, насколько точно воспроизведён последующий разговор, ведь Власов-Окский начал работать над повестью через тридцать лет после этой встречи, однако нельзя не заметить, что в рассуждениях Желтова прослеживается характерная интонация, запечатлённая в его произведениях. Отметив очевидное дарование автора, Фёдор Алексеевич указывает на разноплановость стихотворений, причём по содержанию некоторые поэтические опыты вызвали у него серьёзные возражения.

- «... Одно за другим прочитал четыре стихотворения...
- Видите? ... они по духу разные. Посмотрите. В первом стихотворении пейзаж с небольшой символикой. Во втором звучат уже духовные мотивы. А третье... третье никак не вяжется с двумя первыми... вы уж извините меня, ...жизнь у нас теперь совсем не такая уж жуткая, какою вы хотите изобразить её.

Конечно, несправедливость ещё встречается. Но всё же... Ведь крепостное право пережили!.. Тогда вот, действительно, тяжело было... А теперь – печать, гласность, земство, сельская община, даже коммуны толстовские, я хотел сказать – духовных христиан. «Тьма царит в стране глубокая», – пишете вы...

Он опять открыл тетрадь.

- Неверно. Какая же тьма, когда чуть не в каждой деревне школа!.. «Непокрытая нужда»... Это можно допустить только в отношении вдов престарелых и сирот... а то какая же нужда!.. Всякий, кто не ленится, может заработать себе кусок хлеба... Дальше: «рвут на части кулаки...» Да что это, собаки, что ли?.. А последнее стихотворение уже совсем нехорошо по духу своему...

Он перевернул несколько листков:

- Извольте. «Я люблю того, кто может ненавидеть нищих духом...» Нехорошо. Христос говорил как раз обратное: «Блаженны нищие духом, ибо их есть царство небесное».
- Но я ведь, Фёдор Алексеевич, если и думал о том, чтобы напечатать эти стихи, то отнюдь не в церковных или сектантских изданиях... досадливо возразил Павел.
- Видите ли, в чём дело, уважаемый Павел Семёнович, ...всякий издатель захочет печатать лишь то, что соответствует его нравственным

запросам. Это, во-первых. Во-вторых, зачем употреблять печатное слово, особенно слово художественное, как орудие для сеяния розни, неприязни и озлобления? К чему хорошему может это привести? Даже если и есть тени на лице жизни, нужно удалять их светлым словом. Второе ваше стихотворение вот как раз в нужном духе написано. Писатель должен быть сеятелем света, примирения и любви, а не мечом, разделяющим людей на два враждебных лагеря...

... дарование у вас есть, но пути своего вы ещё не нашли. Обратитесь к евангелию»²⁸.

И всё-таки Ф.А. Желтов сделал попытку помочь Н. С. Власову выйти за рамки нижегородских газет. Отобрав несколько стихотворений и рассказов Николая Степановича, он послал их в «Посредник», полагая увидеть напечатанными в одной из книжек издательства. Однако главный на тот момент руководитель «Посредника» Иван Иванович Горбунов-Посадов ответил отказом, заключив, что им такие произведения не подходят.

В 1913 году, завершая автобиографию, Желтов написал: «В настоящее время Ф. А-ч не оставляет своего литературного труда и продолжает скромно служить развитию нравственно-религиозной мысли на основах чистого Евангельского учения»²⁹. Это была пора, когда в жизни Фёдора Алексеевича, без преувеличения, царила гармония: окончательно определилась литературная стезя, пастырское служение в среде молокан укрепляло духовные силы, радовали дети: старшие успешно вели дела на заводе, младшие подрастали, помогая по дому... В родном же селе Ф.А. Желтов был, пожалуй, самым уважаемым человеком, даже имя его произносилось порой с невольным благоговением, о чём свидетельствует автобиографическая повесть Н.С. Власова-Окского.

Размеренное течение жизни всколыхнула война 1914-го. Сказалось не только тревожное состояние, вызванное первой мировой бойней, но и ситуация вокрут кожевенных предприятий Богородского: они стали работать на армию, получая немало казённых заказов. Для снабжения войска необходимыми кожтоварами и своевременного обеспечения заводов сырьём в селе начали действовать как правительственные, так и частные организации. Среди них – военно-промышленный комитет, в состав которого входил и Желтов.

Февральская революция 1917-го также не явилась для Фёдора Алексеевича добрым знаком: будучи уверенным в необходимости перемен, он не связывал их с изменением государственного устройства. Последовавший затем октябрьский переворот в судьбе Ф.А. Желтова отозвался трагедией. Новая власть не только национализировала его завод, лишив бывшего хозяина избирательных прав, а затем и выселив из собственного дома, но и отняла сына. 24 мая 1918 года в Богородском произошли

события, которые позже назовут контрреволюционным мятежом. Прибывшие из Нижнего Новгорода и Павлова отряды быстро навели порядок, не забыв и о мерах устрашающего характера. Специальные уполномоченные ходили по богатым домам и брали заложников. Не миновали и Желтовых. Вошедшие потребовали хозяина дома и велели следовать за ними. Однако вместо Фёдора Алексеевича, который был нездоров, вызвался идти его младший семнадцатилетний сын Анатолий. Нежданные гости не возражали. Анатолий ушёл навсегда... Заложников расстреляли на окраине кладбища у приготовленного рва и, прежде чем закидать землёй, засыпали известью. Думаю, в гибели сына Ф.А. Желтов винил только себя.

В последующие 20-е годы знания и опыт Фёдора Алексеевича оказались востребованными, причём не только на местном уровне. Ещё с 1918-го он состоял членом Нижегородской учёной архивной комиссии, осуществлявшей контроль над исполнением служащими декретов Совнаркома по уничтожению архивных документов. Четырьмя годами позже богородский педагог Валентин Аркадьевич Рождественский, организовав в селе выпуск литературно-художественного сборника «Искры творчества», пригласил к сотрудничеству и Ф.А. Желтова, чей очерк о зарождении кожевенной промышленности на родной земле завершал первый номер издания. Ещё через год в «Нижегородском сборнике памяти Вл. Гал. Короленко» (1923) были напечатаны воспоминания Фёдора Алексеевича об этом замечательном писателе, с которым он встречался и переписывался.

В 1921 году к Ф.А. Желтову за помощью обратился историк литературы Всеволод Измаилович Срезневский, занимавшийся организацией музея Л.Н. Толстого при Академии наук. Разбирая документы, связанные с жизнью великого писателя, он обнаружил среди бумаг статьи и письма Фёдора Алексеевича, после чего написал ему, попросив сделать необходимые комментарии. Эта переписка позволяет также установить, что Ф.А. Желтов до середины 1921-го жил ещё в собственном доме № 61 по улице Стрелецкой (ныне – им. Свердлова), именно такой адрес указывал он на конвертах и в самих письмах. Затем просил высылать корреспонденцию на почтовый ящик 12. Последнее, полагаю, свидетельствует о том, что Фёдор Алексеевич лишился своего дома, однако новое пристанище постоянным не считал.

Отрадные хлопоты сопровождали 1929-й год. Представитель Государственной редакционной комиссии по подготовке полного собрания сочинений Л.Н. Толстого В.С. Мишин, непосредственно занимавшийся эпистолярным наследием писателя, попросил Ф.А. Желтова предоставить для издания оригиналы писем Льва Николаевича, на что Фёдор

Алексеевич немедленно откликнулся, сопроводив документы подробными ответами на вопросы анкеты, предложенной комиссией.

Вместе с тем приходилось жить заботами богородской общины духовных христиан, которая прекратила своё существование лишь в конце 1937 года после ареста своего пастыря. «Теперь я очень занят хозяйст[венной] организацией молоканской сектантской общины» 30, - писал Ф.А. Желтов В.И. Срезневскому в конце июля 1921-го, когда для основания сельскохозяйственной коммуны молокане Богородского по инициативе Фёдора Алексеевича ходатайствовали перед Наркомзёмом об отводе земельного участка, который в количестве 300 десятин и был предоставлен им близ села. Из-за неурожая 1923 года и отсутствия необходимых подсобных средств коммуна преобразовалась в две артели: кожевенную и земледельческую. Первая, более многочисленная, занималась хорошо известным ремеслом, вторая работала на одной трети отведённого участка, передав 200 десятин местным крестьянам-земледельцам. Дела пошли значительно лучше, поскольку кожевенный промысел, принося стабильный доход, помогал развиваться и земледелию. С началом массовой коллективизации артели были упразднены: новая власть становилась всё более нетерпимой к обособленности и самостоятельности.

При общине имелась довольно-таки основательная библиотека, постоянно пополнявшаяся, в том числе и за счёт книг издательства «Посредник». Дабы связь эта не прервалась, Ф.А. Желтову пришлось написать специальное заявление в Народный Комиссариат Просвещения с просьбой разрешить «Посреднику», как и прежде, высылать книги для богородских молокан, что и продолжалось до закрытия издательства в 1935 году.

Начало 1930-х принесло новые заботы. Будучи уже в почтенном возрасте, Фёдор Алексеевич всерьёз обеспокоился судьбой своей уникальной библиотеки, значительная часть которой после его смерти оказалась бы в Богородске невостребованной. Обратившись по совету друзей к В.И. Срезневскому, Фёдор Алексеевич интересуется, нет ли возможности поместить имеющийся у него книжный фонд в музей Л.Н. Толстого или библиотеку Академии наук. «Подбор книг, – писал Желтов Всеволоду Измаиловичу 10 июля 1931 года, – был всё время под влиянием идей, близких к вопросам, затронутым Л. Н-м... В книгах библиотеки найдутся и редкие теперь некоторые сочинения и по религиозно-философским вопросам и по сектантству рационалистического направления... Мне хотелось бы, чтобы собиравшиеся мною книги в течение около 50 лет, не распылились бесследно, а остались бы сохранёнными, как ценность переживаемой эпохи, или при музее имени Толстого, или же при Академической библиотеке»³¹. Увыслосле ликвидации общинных трудовых

ранона

артелей к богородским молоканам постучалась нужда. Не обошла она и Фёдора Алексеевича, вот почему в том же письме он виновато замечает: «По стеснённым обстоятельствам я не могу передать все книги бесплатно, но в стоимости вознаграждения не буду очень настаивать»32. К несчастью, у В.И. Срезневского в тот период очень трудно складывались отношения с руководством Академии наук, да и директором музея вот уже несколько лет был не он, а один из секретарей Л.Н. Толстого Николай Николаевич Гусев. К нему и перенаправил Всеволод Измаилович Ф.А. Желтова. Н.Н. Гусев, правда, в том же году сложил полномочия директора, но помочь обещал. Однако из-за царивших в учреждении затяжных перемен в руководстве, некоторое время договориться ни о чём не удавалось. Наконец из музея уклончиво ответили о возможном размещении лищь небольшой части предлагаемой Фёдором Алексеевичем библиотеки. хотя последний уже не вёл речь о вознаграждении, желая лишь уберечь книги. Ответ не имел последствий... Ещё несколько попыток передать библиотеку в надёжное место успехом не увенчались. В итоге она погибла вместе с хозяином.

Нужда между тем становилась сильнее. На ситуацию не повлияло и решение Нижегородского краевого исполнительного комитета от 10 мая 1932 года, согласно которому Ф.А. Желтов был восстановлен в гражданских правах вопреки сопротивлению Богородского райисполкома. Видимо, отчаявшись найти средства к жизни в родном отечестве, Фёдор Алексеевич просит помощи у последнего секретаря Л.Н. Толстого Валентина Фёдоровича Булгакова, который, будучи выслан из РСФСР в составе «философского парохода», с 1922 года жил в столице Чехословакии. Первое письмо Желтова Булгакову утрачено. Во втором, от 20 июля 1933-го, он благодарит Валентина Фёдоровича за желание помочь: «Очень рад был получить от Вас письмецо и от души благодарю Вас за Вашу готовность оказать мне просимую братскую помощь, на что при первой возможности я постараюсь ответить Вам тем же. Попросите Ваших друзей, и хотя бы самую возможную сумму, не стесняясь размером, постарайтесь перевести. Даже в кажущейся незначительности суммы, это будет мне большим пособием при настоящем переживании»³³. Вместе с письмом Фёдор Алексеевич отправляет адресату изданную «Посредником» ещё в конце девятнадцатого века книжку со своим рассказом «Трясина», надеясь, что его, а впоследствии, возможно, и другие произведения удастся напечатать за рубежом, получив хоть какой-нибудь гонорар: «В дополнение... посылаю Вам свою книжечку под заглавием «Трясина», что в рукописи было у Льва Николаевича, и он одобрил тогда содержание... Если у Вас имеются какие-либо издательства, то предложите... напечатать даже и в переводе, причём я отдаю в полное Ваше использование и гонорарную плату за это, если только это возможно. Могу в случае прислать и ещё кое-что из своих печатавшихся произведений, а если пожелаете, то есть и в рукописях» ^{34} .

Издать рассказы Желтова Булгаков не сумел, но материальную помощь, подключив друзей из Голландии, организовал, и она достигла цели, о чём Фёдор Алексеевич сообщал ему 19 декабря названного года: «Дружески и сердечно уважаемый Валентин Фёдорович, не могу вполне высказать Вам того чувства благодарности, которое отразилось на моём сердце за Ваше доброе ко мне внимание... На днях я уже получил извещение от кассы «Торгсин» при Банке о получении ими сообщения о переводе, и на днях постараюсь получить что можно из продуктов продовольствия, что очень, очень поможет мне в переживании при моих годах престарелости и при тех занятиях, которым при этой братской помощи я хотел бы посвятить конечные дни своей плотской жизни»³⁵.

Трудно утверждать определённо, поскольку от переписки с В.Ф. Булгаковым сохранились лишь пять писем Фёдора Алексеевича: четыре за 1933 год и одно за 1937-й, – но, возможно, не без посредства Валентина Фёдоровича Ф.А. Желтов наладил контакты с протестантскими конфессиями за рубежом. Последние не оставили в нужде своих духовных братьев и не раз помогали посылками и денежными переводами, которые в середине тридцатых годов прошлого века оказались хорошим подспорьем для молокан теперь уже города Богородска.

В начале 1937-го Фёдор Алексеевич не испытывал трудностей четырёхлетней давности, о чём можно судить по его письму В.Ф. Булгакову, отправленному 21 января. В нём Желтов просит навести справки об аппарате «для тугоухих под названием «Vibraphon» выпуск которого налажен в Чехословакии, причём добавляет, что необходимые расходы готов оплатить. «Пожалуйста, – продолжает Фёдор Алексеевич, – исполните эту мою просьбу, за что очень буду благодарен Вам, тем более что это нужно лично для меня ввиду некоторого частичного понижения слуха при моей престарелости (мне 78 лет), а мне приходится часто участвовать на свободно-религиозных беседах нашей местной общины братства сектантов-молокан» за.

Занятия в общине духовных христиан продолжались до середины осени, пока в городе не начались аресты по делу № 11233 о контрреволюционной сектантской группировке, возбуждённому Богородским РО УНКВД Горьковской области. 15 октября 1937 года Фёдор Алексеевич был взят под стражу и препровождён в спецкорпус Горьковской тюрьмы. Как следует из протокола № 44 заседания тройки Управления НКВД Горьковской области, Желтова обвинили по ст. ст. 58-8-11 в том, что он «являлся руководителем к[онтр]р[еволюционной] группы молокан

в г. Богородске, подготавливал нелегальный выпуск молоканского журнала. Среди сектантов вёл к[онтр]р[еволюционную] агитацию против мероприятий Партии и Правительства и террористическую пропаганду, поддерживал связи с сектантскими а[нти]с[оветскими] организациями в Германии, в США, Эстонии, Латвии»³⁸. В доме, где последние годы жил Фёдор Алексеевич, произвели обыск, вследствие чего изъяли всю его переписку и личные тетради с рукописями. Уникальную библиотеку Ф.А. Желтова сожгли, как собрание вредных сектантских изданий, самого же приговорили к расстрелу с конфискацией имущества.

Согласно материалам следственного дела по обвинению Желтова Фёдора Алексеевича приговор вынесли 22 декабря 1937 года, а привели в исполнение ещё 14 декабря, то есть восемью днями раньше. Формальность с осуждением, как видно, значения не имела: такие как Фёдор Алексеевич были обречены с момента ареста. Своё последнее пристанище он нашёл в общей могиле на Бугровском кладбище города Горького, отчасти повторив судьбу своего младшего сына, который, сам того не ведая, пошёл за отца на расстрел.

Спустя почти двадцать два года, 12 августа 1959-го, решением Президиума Горьковского облсуда «постановление тройки УНКВД по Горьковской области от 22 декабря 1937 года отменено и дело в отношении ЖЕЛТОВА Фёдора Алексеевича ПРЕКРАЩЕНО за недоказанностью обвинения» В тому времени даже в родном Богородске крестьянского писателя стали забывать. Память уходила, и только одна природа, казалось, противилась забвению: пруд, который некогда был обустроен по распоряжению Фёдора Алексеевича, в народе именовался Желтовским.

Интерес к личности Ф.А. Желтова возник в 90-х годах прошлого века. Среди краеведов г. Богородска Нижегородской области первым начал собирать сведения о нём Андрей Евгеньевич Белехов: его статья «Рассказ о бородатом незнакомце», напечатанная в районной газете «Ленинская победа» (№ 20, 1991), для многих богородчан стала настоящим открытием. Чуть позже поисками материалов о знаменитом молоканине занялся известный в Богородске журналист Николай Алексеевич Пчелин, в год 140-летия А.Ф. Желтова при участии А.Е. Белехова выпустивший брошюру «Фёдор Желтов: судьба, окружение, гипотезы» (Н. Новгород, 1999). В кратком предисловии автор признавался, что «делает попытку дать беглый (пока!) анализ жизни и творчества известного далеко за пределами нашего края человека..., чтобы сдвинуть с места тяжёлый камень забвения» «Ф.

Юбилейный для Фёдора Алексеевича 1999 год отмечен ещё одним изданием. Благодаря Славянской исследовательской группе при Оттавском университете свет увидела книга «Л.Н. Толстой и Ф.А. Желтов. Переписка», где полностью представлено сохранившееся эпистолярное наследие двух замечательных людей. Кроме того, здесь в качестве приложения была напечатана статья на тот момент директора богородского исторического музея Владимира Васильевича Башкирова «Он встречался с Толстым», ранее опубликованная в «Богородской газете» (бывшей «Ленинской победе») от 19 июня 1997 года.

Исследовательская работа затруднялась тем, что в 1990-е книги Ф.А. Желтова были практически недоступны для чтения. После 1937-го они изымались и уничтожались в массовом порядке, а потому остались лишь в спецхранах главных библиотек Москвы и Ленинграда (Санкт-Петербурга) да редких частных собраниях. Сейчас некоторые произведения Фёдора Алексеевича можно найти на молоканских сайтах в интернете, фонды же Российской государственной и Российской национальной библиотек открыты настолько, что при случае можно заказать электронную копию интересующего издания...

Была у Ф.А. Желтова книга, которую он писал большую часть жизни. Как отмечал сам автор в письме В.Ф. Булгакову от 27 ноября 1933 года, это «дневник переживаний за много лет,... в котором изложены более всего религиозно-философские мысли из прочитанного и из личных бесед со многими, с кем приходилось иметь общение, в особенности с Льв[ом] Николаевичем и близкими к нему друзьями»⁴¹. «... Их я назвал просто: «Капельки», – продолжает Фёдор Алексеевич в следующем послании Валентину Фёдоровичу 19 декабря 1933-го, – ... как крупицы, падающие в сознание от вечного источника жизни, Того Космического Мирового Сознания, Которое объединяет всё и путём переживаний из несовершенного создаёт СОВЕРШЕННОЕ, в том числе и человека»⁴².

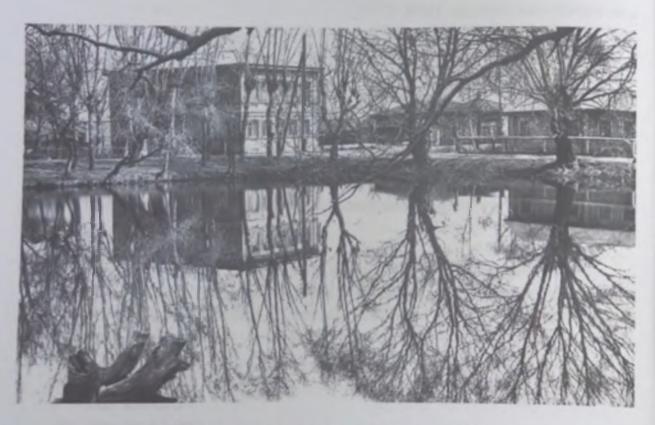
Эту своеобразную, наполненную всевозможными размышлениями книгу Ф.А. Желтов начал писать в 1889 году, когда ему исполнилось тридцать лет. Через четыре года, будучи тяжело больным и полагая, что дни его сочтены, хотел отправить рукопись либо Л.Н. Толстому, либо В.Г. Черткову. Однако болезнь отступила, и Фёдор Алексеевич вернулся к своему заветному труду, написав предисловие, в котором утверждал, что записки будут продолжаться. Понимая, что в Советской России книгу не напечатать, Желтов посылает машинописную копию предисловия Булгакову в надежде заинтересовать рукописью, дабы попытаться переправить её за границу и, может быть, издать. Ответ Валентина Фёдоровича неизвестен. Неизвестна и судьба самой книги. Видимо, она так и осталась у Фёдора Алексеевича в рукописных тетрадях, которые изъяли во время обыска. К счастью, среди бумаг В.Ф. Булгакова сохранилось предисловие Желтова к «Капелькам», которое читается как ду-

ховное завещание автора, желавшего, «чтобы всё..., что читатель найдёт хорошим в ... книге, послужило бы людям на их пользу, на пользу познания и разумения самих себя, жизни и Бога, и чтобы... помогло им освободиться от многих обманов и соблазнов, окружающих человеческую жизнь»⁴³. Но той же гуманной цели служат и другие произведения Фёдора Алексеевича Желтова. Их ещё предстоит постичь...

Примечания

- 1. Желтов Ф.А. Из воспоминаний о В.Г. Короленко // Нижегородский сборник памяти Вл. Гал. Короленко. Н. Новгород: Изд-е Нижгубсоюза, 1923. С. 110.
- 2. Желтов Ф.А.: [автобиография]. В кн.: Л.Н. Толстой и Ф.А. Желтов: переписка / Под ред. А.А. Донскова. Оттава: Славянская группа при Оттавском университете и Государственный музей Л.Н. Толстого, 1999. С. 12.
  - 3. Там же. С. 12.
  - 4. Там же. С. 13.
- 5. Российский государственный архив литературы и искусства (Далее РГАЛИ). Ф. 436. Оп. 1. Ед. хр. 2300. Л. 2.
  - 6. Л.Н. Толстой и Ф. А. Желтов: переписка. Оттава, 1999. С. 31.
  - 7. Там же. С. 30.
  - 8. Там же. С. 32.
  - 9. Там же. С. 33.
  - 10. Там же. С. 40.
  - 11. Там же. С. 50.
  - 12. Там же. С. 51.
  - 13. Там же. С. 52.
  - 14. Там же. С. 60.
  - 15. Там же. С. 69.
  - 16. РГАЛИ. Ф. 436. Оп. 1. Ед.хр. 2300. Л. 3.
  - 17. Толстой Л.Н. Полное собрание сочинений. Т. 50. 1952. С. 40.
  - 18. Л.Н. Толстой и Ф. А. Желтов: переписка. Оттава, 1999. С. 148.
  - 19. Там же. С. 74.
  - 20. Там же. С. 14.
  - 21. Там же. С. 14.
  - 22. Желтов Ф. Кость и золото. Москва, 1899. С. 30.
- 23. Покровский Н. Разумное служение // Нижегородский церковно-общественный вестник, 1910, № 5. С. 100.

- 24. Власов-Окский Н.С. В сказочную страну: повесть. Авторизованная машинопись. Л. 179. ЛБ В.П. Черкасова.
  - 25. Там же. Л. 191.
  - 26. Там же. Л. 191.
  - 27. Там же. Лл. 192-193.
  - 28. Там же. Лл. 193-195.
- 29. Желтов Ф.А.: [автобиография]. В кн.: Л.Н. Толстой и Ф.А. Желтов: переписка. Оттава, 1999. С. 17.
  - 30. РГАЛИ. Ф. 436. Оп. 1. Ед. хр. 2695. Л. 2.
  - 31. Там же. Л. 4-4 об.
  - 32. Там же. Л. 4.
  - 33. РГАЛИ. Ф. 2226. Оп. 1. Ед хр. 665. Л. 1.
  - 34. Там же. Л. 1 об.
  - 35. Там же. Л. 8 об.
  - 36. Там же. Л. 11.
  - 37. Там же. 11 об.
- 38. Центральный архив Нижегородской области. Ф. Р-2209. Оп. 3. Д. 12109. Л. 5.
  - 39. Там же. Л. 6.
- 40. Пчелин Н. (При участии А. Белехова). Фёдор Желтов: судьба, окружение, гипотезы. Н. Новгород, 1999. С. 2.
  - 41. РГАЛИ. Ф. 2226. Оп.1. Ед. хр. 665. Л. 6-6 об.
  - 42. Там же. Л. 8-8 об.
  - 43. Там же. Л. 9.

Желтовский пруд. Апрель 1991. На заднем плане двухэтажный дом Ф.А. Желтова. Фото В.А. Гурьева.

ХУДОЖЕСТВЕННАЯ ПРОЗА

ө. А. ЖЕЛТОВЪ.

ТРЯСИНА.

(отрывокъ изъ путевыхъ замътокъ).

MOCKBA.

Типографія "Разсийть", уголь Вондиншенки и Кислонии, д. Шинть. 1893. Дозволено Цензуров. Ківнь, 3 марта 1893 года.

ТРЯСИНА

(Отрывок из путевых заметок)

Посвящается моим детям

Нет, нет, я жить хочу, на что мне муки!.. Я слышу вечной жизни звуки – Её чарующий призыв;

Я слышу песню серафима Из голосов божественного мира О вечных радостях души.

Как нежны тоны его лиры, И как полны небесной силы Слова свободы и любви!

Зовут они не в мир страданий, Не к злобе ложных упований, Не к славе гордой и пустой –

Зовут они в тот мир блаженный, Где свет, любовью отраженный, На жизнь бросает отблеск свой!..

Ф. Ж.

--- Не ускоряйте смерти заблуждениями вашей жизни и не привлекайте их к себе погибели делами рук ваших. --

Соломон (Премудр. 1; 12)

... Ночь была тёмная, непроглядная, одна из тех осенних ночей, в которую, как говорится, хоть глаза выколи – ничего не видно. Мы уселись с товарищем в маленький ямской тарантас и, благословясь, двинулись в путь. Нам нужно было ехать почти сплошным лесом одной из лесных и болотистых местностей Вологодской губернии.

– Ну куда вас несёт в эдакую темь, – отговаривал нас хозяин квартиры, где мы остановились, – дорога теперь самая бедовая, да тут и трясины местами... Ночевали бы, а поутру и в путь.

Куда нам было слушаться таких наставлений; нам и так надоела езда в душных и тесных вагонах, а теперь русская тройка, ширь, простор – всё это было для нас ново; нам не терпелось, и мы рвались вперёд и вперёд, чтобы полюбоваться самой природой, а особенно нас влекли леса, эти девственные хвойные леса севера, которыми изобилует Вологодская губерния. Понятно, что мы желали поскорее двинуться в путь, и потому всякие предостережения нам были излишни; мы решили ехать, и дело кончено. Мы распростились и уехали.

Ямщик гикнул на лошадей, привычные лошади дружно взяли наш тарантас, и мы потряслись по городской мостовой, еле-еле освещённой тускло горевшими кое-где фонарями. Вот мы уже и за городом. Непроглядная тьма сразу охватила нас со всех сторон. Дорога пошла вязкая, лошади местами еле тащили тарантас. Стал накрапывать дождь; ветер начал крепчать. Я укутался в свой дорожный халат; мне как-то стало жутко среди непроглядной тьмы, и я уж начал раскаиваться и сожалел об уютной квартирке.

- Экая тьма-то, зги не видать, - словно угадывая мои мысли, проговорил товарищ.

– И надо же было ехать, – продолжал он, – лучше бы было обождать до утра.

Я молчал. Лошади мерно шлёпали по разбившейся и вязкой дороге. Яміцик то и дело подбодрял их кнутом, покрикивая иногда для утешения. Мы медленно двигались по выбитым колеям, рискуя ежеминутно опрокинуться. Дождь немилосердно хлестал в лицо. Ветер сильнее тянул свою монотонную песнь, то и дело приходилось заворачивать полу халата, которым я укутался. Вот вдали что-то зачернело, несмотря на окружающий мрак; слышен какой-то особенный гул и вой ветра. Мы въехали в лес. Ещё более непроглядная тьма охватила нас со всех сторон; еле-еле различишь что-либо, даже ямщик на козлах виднеется нам какой-то смутной, неопределённой тенью. Ещё более жутко стало на душе. Я прислушиваюсь к этому гулу и рёву ветра, раскачивающего вершины дерев, всматриваюсь в окружающую нас тьму; кругом обрисовываются стоящие гиганты - сосны, как чудовища, протягивающие лапы, цепляясь по временам своими ветвями и обдавая нас брызгами дождевых капель. Как мрачна эта ночная картина в лесу!.. В голове невольно рисуется что-то фантастическое, мне кажется, что я еду в каком-то мрачном . царстве теней, что меня влечёт куда-то какая-то неотразимая, волшебная сила, которая всё глубже и глубже завлекает в это царство тьмы. То кажется, что я плыву среди бушующего океана; этот глухой рёв ветра, эта непроницаемая, непроглядная тьма ещё более настраивает воображение... Вон там, среди этого мрака, рисуется что-то фантастически-неопределённое, разжигающее ещё больше воображение: то вдруг блеснёт что-то во тьме, то среди дикого воя ветра раздастся страшный гул и треск упавшего от бури дерева.

Я весь превратился в слух и зрение; напряженные мозги работали и работали, фантазия разыгрывалась. Мне как-то чувствовалось и жутко и вместе с тем хорошо; я вспоминал все путешествия и приключения, о которых мне привелось

и читать, и слышать. Как-то безотчётно хотелось перенести себя в положение героев этих приключений. Я воображал себя едущим по непроходимым лесам Америки. Вот-вот, думалось мне, из этой чащи дерев наскочит на нас вдруг какая-нибудь шайка полудиких разбойников... А что, в самом деле!.. Я слыхал, что и здесь бывают нападения; главное, не нужно терять присутствия духа; я слыхал также, что смельчаки-храбрецы прогоняли целую толпу бандитов одной бесшабашной смелостью; да что, попробуй, напади, – сумеем за себя постоять! – и я начал раздумывать, как буду разделываться с воображаемым врагом.

Как будто в возмездие за мою воображаемую храбрость и в ответ на мои мысли вдруг мне с размаху хряснуло в лицо здоровенной корявой орясиной.

От неожиданности и от страха я как-то сразу съёжился и захрипел, неистово толкая одной рукой в бок заснувшего товарища, а другой – в спину ямщика.

- Пошёл, пошёл!.. кричал я придавленным голосом. Гони!.. позабыл я и свою недавнюю храбрость и недавние мечты о ней.
- Что ты, во сне, что ли!.. проснулся от толчков мой товарищ.
- Го-о-нни!.. тузил я неистово ямскую спину. Меня кто-то в лицо... дубиной!..
- Чаво ж гнать-то? оборотился наконец ямщик. Это сучком вас пришибло; ишь они на самую дорогу лезут...

Товарищ мой рассмеялся и стал опять прилаживаться спать, а мне в утешение осталось нащупывать порядочную шишку, вскочившую от ушиба на лбу.

- Ты, братец, гляди на дорогу-то: куда прёшь?!.. сердился я на ямщика.
- Дорога-то, сударь, одна... место лесное, да и не видко:
   темь!..
  - Далеко ли до станции-то?

– Да почитай к свету только угадаешь туда, ишь какая несуразина... нно, ишь вы, миляги!.. – подбадривал он ло-шадей.

И я начал проклинать в душе несуразную дорогу и сожалеть, что пустился в ночной путь, ощупывая изредка вскочившую на лбу шишку. Тарантас наш качало из стороны в сторону, по временам натыкались на корни и пни; эта однообразная качка и этот однообразный лесной гул, смешанный с треньканьем бубенчиков, как-то начинал заволакивать и туманить мысли. И опять вереница мыслей как-то самопроизвольно и спутанно потянулась в голове.

«И что это за ямщики? – думал я. – Тянется как черепаха! А в самом деле дорога несуразная, ишь как трясёт, а слякоть-то, слякоть... Эх, если бы теперь мы спали в квартире... и в самом деле поутру ладнее ехать, а то вишь ты как раздувает, – думал я, кутаясь плотнее, – да и дождь не унимается.

А что, если на нас наскочит какой-нибудь обитатель северных лесов, вроде Мишеньки-Топтыгина? Говорят, что их здесь много водится. Вон, вон среди чащи виднеется какой-то зловещий блеск глаз...

Э-э, как гудит, как гудит, вот она где буря-то, – а темь-то, темь!.. фу, ты, какая дорога неровная! А славно бы соснуть.., а ямщик, что ямщик? и что это светится? А, это он закуривает... трень, трень, трень... И на что это ямщики бубенчики подвязывают? – трень, трень, трень, трень. Хозяин говорит – трясина; да что может быть? трясина, тря-сина... какая трясина? Помилуй Бог, если что... а говорят, эти трясины совсем человека засасывают, я читал где-то... да, ужасно.

И что это так холодно, так и леденит; так и леденит; ишь как воет, а вода-то, вода, бррр!.. Ну и дождь же разошёлся, а ветер-то, ветер; спасибо хоть в лесу не так берёт; ну уж и гудит... И дёрнуло же нас ехать ночью; ну, что мы увидим? Что это?.. чу! — что-то завыло, да так страшно, так страшно... вот затихло... вот опять... как-то жалобно, жалобно и страшно...»

- Стой, стой, тпру!.. - раздался вдруг неистовый крик ямщика.

И вдруг за этим криком – тарантас наш набок: раз, раз, трах!..

«Что это?.. Куда мы свалились?.. тина, мокро... да ведь это трясина! – с ужасом промелькнуло у меня в голове, – и странное дело: несмотря на этот ужас, у меня отчётливо промелькнуло в голове про полученную шишку на лбу, и потом мысли вдруг перескочили на хозяина, провожавшего нас и предупредившего о трясинах... – Накаркала ворона», – подумал я... Ужас, невыразимый ужас охватил меня; я стал ощупываться, всматриваюсь в темноту – ничего не видно.

- Куда ты нас, чёрт, завёз?!.. слышу вдруг в темноте неподалёку от меня голос товарища.
- Кто е знает, как это нас угораздило: должно леший обошёл, - отвечал откуда-то ямщик.
- Сам ты леший, дерево корявое!.. чуть-чуть, дубина, не убил; ишь в какую грязищу влопался... Да где ты, животное, иди сюда, что ли!.. Тут завязнешь и не выберешься...

Я стал выбираться на голос товарища, усиленно работая и ногами и руками, двигаясь туловищем по липкой грязи.

Ямщик и товарищ пыхтели в грязи, окликая меня. Ужас моего положения усиливала ещё эта жуткая тьма, из которой, как из бездны, раздавались по временам голоса товарища и ямщика.

Я приблизился немного к полуопрокинутому и до половины ушедшему в тину тарантасу, с другой стороны товарищ, так же как и я отброшенный при падении в сторону, уже влезал на него, вытягивая ноги из тины. Ямщик возился около завязших лошадей.

- Ишь тебя, дьявол, угораздило! кричал не унимавшийся товарищ на ямщика, сидя верхом на тарантасе и вытаскивая меня за руку.
- Да тут пропадёшь! проговорил я, еле переводя дух от усталости и влезая на тарантас.

- И надо же было ехать, рассуждал в темноте ямщик, правду хозяин-то говорил, так нет... вот и втюрились. Ночная-то поездка она тово... вот и сиди теперь...
- Да ты что там рассуждаешь! закричал опять товарищ. Дёргай лошадей-то, что ли, выбирайся на дорогу опять!..
- Выберешься, как же; выбраться бы недолго, да только... тпру, стой!.. возился что-то ямщик у лошадей. Ишь ведь как зажало... затянет здесь, гляди, и не вылезешь.
- Да ты что же там торчишь?! Понукай лошадей-то, что ли!.. Не сидеть же нам здесь?!..
- Зачем сидеть... я и сам бы рад, да не выберешься никак ишь как затянуло: и ног не выдерешь...
  - Нно! Но! Но-о! кричал ямщик, дёргая лошадей.

Мы слышали только, как под нами тарантас накренивался то на тот, то на другой бок, да какую-то подозрительную под ногами зыбь.

Лошади ржали, ямщик понукал и чмокал, а тарантас всё так же неподвижно лежал середи плавучей грязи и медленно, медленно, но неотразимо всё глубже и глубже погружался в эту предательскую тину; я чувствовал это и чувствовал, как сердце, охваченное страхом, сильнее и сильнее билось в груди.

– Ямщик, – проговорил я дрожащим голосом, – брось лошадей-то, иди лучше сюда, – надо к берегу прежде выбраться...

И я стал осматриваться, едва различая в темноте предметы; товарищ щупал ногами, ища твёрдую почву.

«И как это мы попали, – думал я, всматриваясь в темноту, – как это мы попали?..»

Кругом чернело что-то – очевидно лес; недалеко поднималась какая-то круча, с которой, наверно, нас и отбросило; мы были в какой-то котловине.

Кругом всё тина: где ни ступишь, везде нога свободно уходит в эту вязкую тину, не встречая сопротивления.

«Скверное дело! – подумал я, – одно спасение: надо назад попробовать выбраться».

Я сказал товарищу. Он двинулся было к видневшейся круче; едва он ступил, как ноги буквально увязли по колена. Он еле выбрался обратно.

Вдруг лошади как-то усиленно забились и особенно жалобно заржали. Тарантас наш накренился ещё больше и ещё больше осел в тину. Послышалось какое-то бульканье, смешанное с жалобным ржанием и храпением лошадей. Продолжалось это недолго и потом всё смолкло, слышно было только, как выбирался из тины ямщик, возившийся всё время около лошадей.

- Батюшки, ги-и-бну! вдруг закричал он отчаянно жалобным воплем, заставившим ещё больше похолодеть нас, и без того охваченных ужасом.
  - Что ты? вскричали мы вне себя оба.
- Поги-ба-а-ю... О, Господи, помоги-и-те!.. ещё жалобнее за душу хватающим голосом протянул ямщик.
  - Да ты вылезай!..
- Не могу, о, батюшки, так и тянет не... не вылезешь... должно ноги под лошадь... ай... тону... помогите... помоги-ти-и-те! ещё отчаяннее разрывающим душу голосом просил наш ямщик.

Я забыл всё, забыл страх, не вдумавшись в то, принесу ли я какую пользу, хотел было броситься на помощь.

– Стой! – удержал меня товарищ, – эдак ничего не сделаешь. Я сам остановился; чувство страха взяло верх; у меня защемило сердце, закружилась голова...

Товарищ шарил что-то в тарантасе, который уже начал наполняться грязью. Ему случайно попалась верёвка.

- Держись! - бросил он ямщику один конец.

Тот ухватился и прикрепил себя.

Мы начали его тащить; он старательно карабкался в засосавшей его грязи, но ни на волос не подвигался. Покуда мы хлопотали, мы и не заметили, что наш тарантас весь ушёл в тину и что мы сами стояли по колена в грязи. Я чувствовал, что наш тарантас неотразимо опускался всё глубже и глубже, как будто его туда тянула какая-то непреодолимая сила.

«Ну, брат, пропали!..» - с отчаянием подумал я.

Чуть-чуть стало светать, я стал приглядываться. От нашей тройки лошадей не было и помину – они совсем скрылись в глубь трясины, и от них виднелась только верхушка дуги коренника; неподалёку барахтался завязший по самые плечи ямщик; с искажённым от ужаса лицом он поминутно дёргал руками с закоченевшими пальцами, держащими поданную нами верёвку. С каждой минутой, с каждым мгновением он погружался, всё глубже и глубже, он перестал уже кричать, а как-то неистово хрипел, точно борясь с сильным врагом и напрягая последние силы, чтобы от него отбиться. С несказанным ужасом, забывая то, что мы сами так же неотразимо погружаемся вглубь, я смотрел на эти последние минуты отчаянной борьбы ямщика... вот ещё минута... две... три... и ямщик с страшно искажённым лицом, с выкатившимися от ужаса глазами в последний раз задёргал руками и отчаянно затряс головой, испуская какой-то отчаянно-безумный вой, заставивший нас похолодеть, и скрылся в увлекающую глубь трясины, точно его туда тянуло какое чудовище.

У меня похолодело сердце, и волосы стали дыбом. Никогда не забуду я ни этой картины, ни этого отчаянного предсмертного крика!

Раза два над тиной показались руки с судорожно скорченными пальцами, и затем всё стихло; над местом, где утонул ямщик, стали только сплываться комочки грязи да вскакивать пузырьки. Я с ужасом смотрел на это место, точно не веря в свершившееся и ожидая чего-то, и вдруг охвативший меня несказанный ужас точно подбросил на месте, и я, не разбирая ничего, безумно бросился в сторону к недалеко видневшейся круче и ещё больше увяз в липкую и вязкую тину, так что не имел уже сил двинуться с места.

«Батюшки, Господи, мы погибнем, погибнем!», - вдруг

отдался я весь чувству страха и с усилием начал барахтаться в грязи; я чувствовал, что с каждой минутой мои силы слабели и слабели, и что меня всё более и более тянуло вниз, как будто на ногах висела огромная тяжесть.

Я выбился из сил и тупо отдался произволу судьбы; какая-то истома во всех членах чувствовалась во мне. Я как будто оцепенел, не имея возможности сделать какое-либо движение; я безучастно относился к товарищу, который тоже не менее меня испытывал тщетно все средства к спасению: в эту минуту я весь погрузился в себя; мне казалось, весь мир сосредоточился во мне, и мысли, давно уже забытые, и события, давно уже прошедшие, вдруг с ясной точностию воскресали в воображении, и мне вдруг захотелось безумно, с каким-то отчаянным порывом, жить, жить... Мне не хотелось умирать и не верилось в то, чтобы я погиб ужасной смертью в нескольких шагах от спасения: стоило только выбраться на этот виднеющийся невдалеке твёрдый берег, где раскинулись деревья, и я буду опять жить. Мне казалось, что этот, едва виднеющийся в сумраке спасительный берег есть та самая грань живого и наслаждающегося счастливою жизнью мира, куда я так нестерпимо стремлюсь со всеми своими побуждениями, чувствами и силами души, куда мне необходимо достигнуть, чтобы опять жить, выбравшись из когтей смерти. Мне казалось, что там, где мы стоим и боремся, ежеминутно погрязая в тину, есть заколдованный круг смерти, отрешённый от всего живого, а жизнь, жизнь сладкая, радостная, светлая - она там вдали за этим кругом, там за этой гранью, куда стремится моя душа, куда меня влечёт чувство сохранения жизни. И в эти минуты мне представилась жизнь со всеми своими радостями до того прекрасной, до того счастливой, что желание жизни разгорелось во мне в какую-то безумную страсть. Целый рой мыслей воскресал и проносился в голове; я едва успевал их только схватывать на лету, безучастно относясь к окружающему и не обращая

ни на что внимания. Я впал в какое-то тупое полузабытье, я чувствовал опасность и вместе с тем не мог допустить мысли, что я погибну, и рядом с этим ужасный страх сковывал меня, и я безумно желал, чтобы я сейчас же, сию минуту, освободился из этих проклятых тисков. Сознание путалось, и страх смерти, сплетаясь с надеждой спасения, представлял мне, что вот какая-то сверхъестественная сила вдруг поднимет и перенесёт меня на твёрдую почву, и мне казалось, что стоит только скинуть с ног что-то тяжёлое, и я сразу освобожусь и взлечу кверху. Мысли мои разжигались, а неотразимая глубь делала своё дело и постепенно поглощала в себя свою беззащитную жертву. Вдруг чувство сильного страха опять охватило всё моё существо; я как будто бы только в эту минуту со всем ужасом понял свою неизбежную гибель; мысль, что я неотразимо погибну в этой трясине, подняла у меня волосы на голове и заставила похолодеть кровь в жилах. Я отчаянно рванулся и начал звать на помощь; голос мой сливался с голосом товарища, но нам откликался только собственный же голос, отдававшийся в лесу. Ветер затих, и только мрачное молчание леса да царившая мёртвая тишь точно сторожили наши последние минуты борьбы и страдания. Мы буквально были скованы, не имея сил ни двинуться, ни пошевелить ногами; вдали виднелся лес, и там просыпалась жизнь, а мы гибли, гибли безвозвратно, бесцельно, гибли вблизи этой грани живого мира, и мне казалось, что там, за этой гранью, люди продолжают жить, веселиться, радоваться, что там жизнь, здесь же, по эту сторону грани, мы обречены на безвозвратную гибель и ждём только минуты, когда над нами сомкнётся ночная тьма. Мне стало невыносимо тяжело и ужасно; я не молил уже о том, чтобы остаться жить, а если суждено умереть, то умереть хоть не здесь, не среди этого молчаливого леса, а там, возле тех, с кем я жил, с кем провёл свою жизнь; и я как блага желал смерти, если она так неотразима, но только смерти в родной семье, где согрелись бы мои страдания

последним лучом любви себе близких и где не пришлось бы отдать жизнь, как здесь, с тоскливым сознанием одиночества и гибели вдали от своего родного крова, где провёл я свои юные, светлые годы.

И вот в эту минуту, в минуту предсмертной агонии, в ми. нуту страдания, которых я во всю жизнь не забуду, во мне вдруг что-то стало совершаться необычайно новое: моя лич. ность как будто бы отошла, скрылась и перестала заявлять свои требования, а сознание моё точно в первый раз высту. пало передо мной во всей своей силе и росло спокойно, без задержки и без границ; и, несмотря на то, как минута за ми. нутой приближался ко мне роковой конец, я всё-таки был захвачен этой раскрывающейся передо мной внутренней силой, которая заставила меня забыть даже весь ужас и страх неминуемой смерти. И я почувствовал, как осветилась дуща моя, и при этом свете мне вдруг стали ясны неразрешимые и незримые вопросы жизни, которые прежде стояли передо мной, и как всё это родилось и явилось в моей голове в минуту величайшего мучения и страха – я никак не могу объяс. нить, потому что то, что вставало передо мной, до невозмож. ности быстро сменяясь одно другим, прошло в моих мыслях, подобно блеску молнии, мгновенно озаряющей тьму.

Передо мной раскрылась вся прожитая жизнь, раскрылась без прикрас, во всей своей наготе, без той блестящей мишуры, которая обманывала и закрывала собой зло. И я понял, что та жизнь, которую мы привыкли считать за жизнь по наружному блеску и красоте, есть в сущности величайший обман, дающий людям только одни глупые побрякушки славы, честолюбия, роскоши и богатства для того, чтобы отвлекать их этим от истинных благ жизни, какими должны пользоваться люди. И они, запутанные этой сетью, поневоле принимают за счастье и радость то, что составляет позолоту их же собственного страдания и горя. Обманутые в своих надеждах, они шалеют и бросаются от одного призрака счастья

к другому и гоняются за ними, не находя никогда покоя и довольства, так как намеченная ими цель всегда ускользает вперёд, и они, подобно белке в клетке, стремятся вперёд и вперёд, бессмысленно вертясь в колесе. И разум их, и смысл самой жизни меркнет перед ними; людям, замкнутым в этот круг, некогда обдуматься: они как слепые падают и давят друг друга, мучаясь и отбиваясь от своей же собственной, созданной самими, гнетущей их тяготы.

Я понял всё это, понял потому, что у меня свалилось с глаз что-то, как завеса, заставившая меня прозреть. От меня что-то отошло, что прежде закрывало этот свет и не давало свободно видеть.

И я понял жизнь, и я понял истину, я узнал то, что нужно человеку для того, чтоб иметь истинное благо, истинное счастье на земле; я сознавал и чувствовал, что начало его не во многом и что находится оно не вне человека, а в нём самом. Что оно было в своём полном мировом величии, я не знал, но я знал что его начало и что оно есть. Я сознавал, что это немногое и есть самое главное, самое великое на земле.

Я понял, что всё то, что есть благо, есть спокойствие и свобода человеческого духа, и это-то особенное состояние духа и есть начало того, что может быть счастьем и радостью жизни на земле.

Я понял, что это та истина, к которой должно стремиться человечество и что для того, чтобы достигнуть этого, нужно жить только тем, *что есть у человека в его разуме и душе*, и только это, одно только это и есть самое важное и самое великое на земле.

Я сознавал, что это спокойствие и свобода духа только и могут спасти человека от тяжести соблазнов и приманок жизни и что оно одно есть то счастье, которое может дать и истинную радость, и истинное благо для жизни на земле. Это есть то высшее благо, которое не может быть знакомо людям, живущим фальшивыми радостями обмана и соблазна,

радостями потех своей личности, и оно будет всегда стоять неизмеримо выше всего, что бы люди ни считали за свою радость и счастье на земле – только оно одно отвечает человеку высшей мировой любовью и даёт ему истинную радостную жизнь и полное довольство и покой, и одно это есть и истинный смысл, и истинная цель всей человеческой жизни.

И вдруг как огненными буквами нарисовались мне слова Спасителя: «Я есмь путь и истина и жизнь... Я свет пришёл я мир, чтобы всякий верующий в Меня не оставался во тьме». И я понял, что та жизнь, которой живёт человечество, есть тьма, а только то, что живёт в человечестве – есть свет, и при нём одном открывается человеку и истинная жизнь. Я поняд что только жизнь в воле Бога есть истинная жизнь и что эта жизнь и есть самая счастливая, самая блаженная для людей. И мне представилась вся ложь, вся бесцельная суетность, вся пустота, в которой я проводил дни своей жизни, и мне жалко стало того, что моя жизнь прошла бессмысленно и глупо, и мне жалко стало того, что я убил дни своей жизни не на то, чтобы понять истинную жизнь, а на что-то бесцельное, не. нужное, пустое... И я удивился тому перевороту, какой про. изошёл в моей душе, удивился тому, как это всё открылось мне само собою; и мне стало жаль, невыносимо жаль, что я узнал всё это на самом конце своей жизни.

Я не могу описать, как быстро неслись в голове мои мысли, не могу понять, как ряд быстро менявшихся мыслей выдвигал передо мной ещё что-то величественное другое и, проносясь вихрем в голове, оставлял жгучий след в моём сознании. В первый ещё раз в жизни я испытывал такую ясность и определённость мыслей, как будто бы на всё то, что открывалось мне в них, положена была целая жизнь с многими годами мышления.

И всё это разрасталось передо мной и, несмотря на свою необъятность, умещалось в моём сознании. И я вдруг сознал и понял, как я был ничтожен и, несмотря на то, что я увидал

своё прошлое ничтожество, я понимал, что в этом ничтожестве была жизнь, частица того величия, которое открывалось мне; а жизнь, это было всё, к чему я в эту минуту стремился; в это время всё, весь мир, вся вселенная была как бы во мне самом, и это великое, необъятное, сливаясь в одно с моим сознанием, не оставляло ничего вне себя, а всё обнимая и обхватывая, вмещало в себя всё мировое пространство и погружалось в вечность...

Я затрепетал от охватившего меня страшного и грозного величия и в ужасе повергся перед ним, и с каким-то покорным, умиротворяющим чувством ждал того, как последние остатки моего сознания перейдут в эту необъятную вечность и сольются в одно...

В эту минуту как будто бы в последний раз дано мне было испытать власть своего тела; я очнулся точно от полузабытья и опять почувствовал прежний страх; мысль о погибели мгновенно охватила всё моё существо, и вдруг во мне опять сделался прилив какого-то бешенства, и я стал отчаянно рваться из коварных объятий предательской трясины.

«Боже мой, неужели я погибну, неужели я погибну?!» – мысленно повторял я.

Не знаю, сколько времени прошло с тех пор, как я, обессилев в первую минуту от напряжения, впал в какое-то полусознательное состояние: может быть, минута, а может быть, час. Но то, что мне представлялось в это время при смутном сознании смерти, до того было полно, до того велико, что я думал, что то, что я сознал за это время, есть целый период моей жизни.

И я снова стал рваться из объятий охватившей меня трясины, стал безумно желать жизни, меня всё ещё не покидала надежда на спасение, хотя к этому чувству примешивалось ещё и другое, говорившее мне, что я погиб, погиб безвозвратно, и что я не найду выхода из объятий смерти, и это последнее чувство заставляло холодать кровь в моих

жилах, обдавая всё моё существо смертельным страхом. После нескольких попыток к освобождению, я увидал, что мне нет надежды на спасение: я настолько погрузился в трясину, что не мог даже свободно действовать руками, а между тем я чувствовал, как я медленно, но всё-таки неотразимо опускался глубже и глубже, и я сознавал, что вот-вот надо мной сомкнётся эта трясина, и я погибну, погибну безвозвратно, я погибну в нескольких шагах от спасения, и я чувствовал, как учащённо билось во мне сердце, чувствовал в себе борь. бу жизни и смерти...

«Неужели я погибну? – в сотый раз задавал я себе этот скорбный вопрос. – Да ведь вот сейчас только стоит двинуться немного, и я спасусь на этот видимый невдалеке спасительный берег; что же это меня держит?..»

«О, Господи, тяжесть какая-то на ногах, словно гири, гири; и грудь давит... Вырваться, вырваться!» – как бы говорило всё моё существо, и я пробовал вырваться, но не мог, не мог даже пошевелиться.

Я чувствовал, что мысли мои начали путаться. «Неужели я схожу с ума? – задал я себе вопрос. – О, всё равно!.. Боже мой! Вот минута, две... ужасно! Хоть бы сразу, что ли...»

Я чувствовал, как приливала кровь к голове, как стучало в висках... Неужели смерть!?.. И вдруг в глазах моих прошло детство, и мне стало больно, горько... неужели и жить только для того, чтоб так мучительно, вдали от родного крова, вдали от родной семьи умереть в полном расцвете сил и молодости?.. Образ ужасной смерти блеснул в моей голове... И вместе с тем сильнее отразилось желание и любовь к жизни, меня душила какая-то злоба, злоба на то, что я погибаю... Мысли толпились, роились, сменялись, голова кружилась, в висках стучало, сердце усиленно билось, в горле спирало дыхание, мне хотелось заплакать, и вместе с тем я не мог, в груди что-то клокотало... то были последние минуты жизни, то была отчаянная борьба молодых сил с ужасной смертью... я находился в каком-то исступлении...

Погружаюсь всё глубже и глубже... вот-вот надо мной навеки сомкнётся трясина... мне уже нельзя поворотить головы, на ногах гири, тяжесть, свинец; вот-вот вся эта тяжесть оборвётся, и я взнесусь кверху. А если?.. и сердце облилось кровью, в глазах потемнело... минута, две, три... Боже!.. грудь сдавило, дыхание спирало... где?.. что я?.. вот сейчас освобожусь... что это?.. смерть!.. умирать?!.. в глазах круги, круги – красные, голубые, белые – мелькают, мелькают... что это? Я умираю... гибну... кричать?!.. сил нет кричать... душно, ох, душно – воздуху, воздуху!.. темно, как темно!.. Боже, дорогие, где вы, семья... не увижу вас... нет – вижу, вижу, – вот вы... вот... прощайте... простите... простите... я зарыдал, заплакал и... проснулся.

– Что это?.. – я поднял голову: передо мной была широкая спина сидящего на козлах ямщика; на мне, навалившись всей тяжестью, преспокойно спал товарищ; я съехал с сиденья и лежал, неестественно согнувшись, поперёк тарантаса; во всех членах чувствовалось онемение; в воздухе стало свежо, на небе прояснилось.

Мы подъезжали к станции; я стал подниматься, всё ещё хорошенько не собравшись с мыслями.

Товарищ проснулся; я протирал глаза, тёр лоб и всё ещё не мог прийти в себя; в теле чувствовалась слабость, утренняя дрёма клонила ко сну; мы подъехали к станции, взошли в просторную избу. Я разделся; товарищ взглянул на меня и ахнул.

- Что это с тобой, что ты?

Я не понял

- Да ты взгляни на себя, вот зеркало, ты на себя не похож. Я взглянул в зеркало и... опять проснулся.
- -Фу, ты, что это такое, неужели я опять уснул! проговорил я, поднимаясь в тарантасе.

Мы действительно подъехали к станции, и ямщик отпрягал уже лошадей, товарищ будил меня, толкая в бок.

«Сон это или действительность?» – мысленно повторил я; мне не верилось, что это был сон: до того живо всё пере. чувствовал я в эту ночь.

Я вдумался в сон и в то, что я перечувствовал, и в то, что мне открылось, и я понял сон, наконец.

То, что я понял - поразило меня.

Я понял, что трясина – это ложная человеческая жизнь...

I.

на сходкъ.

Разсказъ О. Желтова.

II.

школа.

Разсказъ Козырева.

№. 247.

М О С К В А. Типографія Вяльде, Верхиля Касловка, собств. д. 1896. Досесионо Центурою С.-Поторозрев 2 Января 1896 г

НА СХОДКЕ (ВДОВА)

На Бога положишься - не обложишься. Стоит мир не человечьим умом, а Божьим судом.

Народные пословицы

Ĭ

У дверей борского волостного правления шумела толпа народа – собиралась сельская сходка для обсуждения разных мирских дел. На протянутых около наружной стены правления скамьях сидели длинным рядом ожидавшие открытия схода крестьяне, а в сторонке толпились кучками попозже прибывшие и толковали о разных своих и мирских делах. Кто был поважнее да побогаче из борских обывателей, то прямо проходил внутрь здания волостного правления, окидывая свысока глазами шумевшую у его дверей толпу. Там за большим деревянным столом, покрытым старой рваной клеёнкой, восседал сам волостной старшина с неизменно везде сопутствующим ему волостным писарем. Старшина, плечистый, коренастый мужик в сером суконном полушубке, плотно облегавшем его неуклюжую фигуру, важно посматривал на входивших, подёргивая свою небольшую бородку и то и дело обращаясь к писарю с разными вопросами. Писарь спешно заготовлял заголовки предстоящих приговоров и просматривал бумаги. Крестьяне сидели кто на подоконниках, кто на скамьях, а кто так просто стоял, привалившись к стенке, и, позёвывая, ожидал открытия схода.

– Эй, Гаврилыч, сходи-ка узнай, много ли уж сошлось – не пора ли и открывать! – обратился старшина к стоявшему у двери с большим батогом в руках и бляхой на груди сотскому.

Гаврилыч как-то метнулся вдруг, будто застигнутый врасплох, и бросился исполнять приказ старшины.

В другой смежной комнате за поставленным посередине столом сидел с большими очками на носу, завязанными

на затылке верёвочкой, помощник писаря; он старательно записывал в особый список фамилии прибывших на $\text{сx}_{\text{Од}}$ обывателей, из которых немало приходило на сход только за тем, чтобы «записаться», а затем преспокойно уйти домой без всякого желания обсуждать что-либо на сходе. Народу и на дворе, и в сенях, и внутри правления уж довольно порядочно собралось, но сход всё-таки нельзя было открывать $\text{п}_{\text{О}}$ случаю того, что по списку не хватало нескольких десятков голосов, нужных для законной полноты схода.

– Телов! – обратился вдруг старшина к сельскому старосте, стоявшему у печки и от безделья ковырявшему ногтем заплесневелую штукатурку стен. – Поди-ка припугни на селе народ... живо чтобы шли... объедь по улицам, да и в трактир загляни!..

Староста поправил на груди знак и пошёл, лениво переваливаясь, «путать» по приказу старшины народ.

В это время к старшине подошёл молодой в суконном полушубке крестьянин, молчаливо сидевший до того на скамье.

- Степан Тимофеевич, я вот вас хочу спросить про одно дело... обратился он к старшине.
  - Что тебе? вскинул на него глазами старшина.
- Да вот насчёт податей... у меня они за весь год сполна оплачены...
  - Hy?..
- А мне опять повестку подали, какую-то недоимку ещё требуют...
- Так и должно, ответил ему старшина, отвалившись на спинку стула и как-то злобно взглянув на говорившего.
- Как это, так и должно?! возразил крестьянин. Ведья сполна уплатил; у меня и земли-то всего два тягла, а недоим-ки-то требуют чуть не за тридцать тяглов!..
- Так где же мне её собирать, недоимку-то, когда она за обчеством накопилась? ответил опять старшина. Мне дано предписание: «собрать!..». Начальство требует: «безот-

лагательно!..». По-вашему – мне сидеть да хлопать глазами, што ли?

- Вот оно и выходит, чтобы вам только себя перед начальством очистить, а это ничего, что на других, может, не по силам платёж навалишь... Ведь обидно: я уплатил, а с меня недоимку по раскладке требуют... Староста приехал да ещё грозит: ежели, говорит, не заплатишь постройку на дворе сломаем, говорил с обидой крестьянин.
- A ты законов не читал? спросил старшина, наморщив брови.
  - Где же нам закон читать...
- То-то! проговорил строго старшина. Молодо-зелено, а туда же ещё, с указкой лезет!..
- Так ведь видали же это и так, что зря раскладку сделали, продолжал крестьянин. Не откажусь наравне с другими платить, а зачем же по выбору окладывать, кто вам не рука?..
- Как это по выбору?! проговорил старшина, оборачиваясь вдруг к говорившему. Я, что ли, раскладку-то вёл?.. Ведь на что были выбраны окладчики?!..
- А окладчики-то в чьей руке, если не в вашей? отвечал крестьянин. Поди, чай, окладчики-то на себя столь не наложили! Выбрали вот тех, на кого вздумалось наложить, чтобы скорее деньги собрать, да и ладно...
  - А сход-то на что?..
- Да что сход, продолжал крестьянин, не диво, что он будет за вашу руку тянуть... какой хошь приговор по вашей указке составят, ведь больше половины окладом-то обошли...им-то легко, когда не их обложили...
- Да как ты смеешь мне это говорить! вскочил вдруг старшина. Хочешь, я протокол сейчас на тебя составлю?..
- Что же нас стращать, я про дело толкую, проговорил крестьянин, отступая от стола и заминаясь.

В это время сидевшие до того молча крестьяне вдруг зашумели и заговорили все разом. - Молчать!.. - остановил их старшина, опускаясь опять на стул. - Не открыт сход, а вы рассуждать?!..

Крестьяне затихли.

- Каждый пойдёт ещё указывать! - не унимался старши на, выговаривая слова с расстановкой. - Каждый вздумает ещё учить!.. Я вот покажу, как не платить по окладу... без разговору тогда к исправнику дёрну!.. Не мне же спину из-за вас подставлять!.. Не вас, видно, жарит начальство бумагами, так вам и ладно?! - не унимался старшина, ёрзая на стуле и хмуро оглядывая притихших крестьян. - Вы думаете, я не по закону действую, когда приговор о раскладке утвердило начальство? А?.. Не по закону, что ли? - спрашивал он крестьян.

Ему никто не ответил, и все, насупившись, молчали. В $_{\rm ЭТ0}$ время писарь подсунул какую-то старшине бумагу, тот подписал.

- У нас на всё есть закон! проговорил опять старшина, тыкая пером в чернильницу и вскидывая глазами на крестьян. В дверях появился староста.
  - Ну что, собрались, что ли? спросил его старщина.
  - Собрались!.. Семьсот уж слишком!..
- Ну, за дело!.. Выходите на двор, обратился старшина к сидевшим.

H

На дворе толпился уж народ и шли оживлённые толки. В толпе немало было видно выпивших перед сходом для храбрости, а это случалось всегда, когда надо было поддержать на сходе чьё-либо дело. Такое же дело было и теперь: надо было рядить к правлению нового сторожа, и вот будущий сторож и подпоил любителей выпивки, чтобы заручиться их голосами. Эти последние особенно рьяно сновали по толпе, перебегая от кучки к кучке и подыскивая себе товарищей.

- Ты слышал? - спрашивал один из выпивших, с коря-

вым лицом и рачьими глазами мужик, другого, у которого лохматая рыжая борода торчала в сторону.

- Что? остановился и спросил рыжебородый.
- Как это?.. Сторожа нового рядить будем!..
- Ну-у?.. удивился рыжебородый. К правленью?..
- К правленью. После старого вдова ведь осталась, год-то она додержала, так теперь новый... по старшине попадёт он за него... ты, смотри, тяни в одно, уговаривал мужик с рачьими глазами.
  - Бабу оставить?.. Вдову?..
- Ну, вот!.. На кой чёрт бабу?!.. недовольно оборвал рыжебородого товарищ. А ты слушай: новый-то, почитай, ведро выпоил, да и теперь поит, да и после сходу обещал, понял?..
- Ну, это дело! обрадовался вдруг рыжебородый. Что дело, так дело... а ты бы так и сказал... А где же его отыскать?
- А ты поди в ямскую, он в ямской, он там и поднесёт, объяснил ему товарищ.

Рыжебородый нырнул в толпу, пробираясь в «ямскую», которая стояла тут же на дворе, а мужик с рачьими глазами пристал к другой кучке, где его товарищ, тощий, поджарый мужик, спорил с молодым парнем в дублёнке из-за того же сторожа.

- Что-о? начал поддерживать он своего товарища. Не думаешь ли ты поперёк нам идти? наступал он на парня, вытягивая вперёд шею. Мы живо дело совершим: захотим, так повернём, захотим эдак, закрутил он перед носом парня руками. Первый раз, што ли, нам дело вершить?!
- А ты говори, а рукам воли не давай, спокойно проговорил парень, немного отстраняясь. Диво в том невелико, что ты дело повершишь, а только какое оно? продолжал парень. Вот вы говорите, что бабе надо отказать от места, а почему?.. У неё дело сиротское, ребятишки мал мала меньше, куда же она с ними пойдёт?.. Тут хоть угол у неё есть, а то и дому для приюта не будет, вот что подумай!..

- А, по-твоему, дом мы ей обязаны дать? огрызнулся $H_{\tilde{c}}$ парня любитель выпивки, мужик с рачьими глазами. $O6_{9}$. заны, што ли, мы ей дом дать али нет говори?!..
- Если по делу да по-божьи рассудить, так обязаны, проговорил парень, по закону обязаны; только вот закон-то этот у нас вот где, указал парень себе под ноги, топчем мы его, закон этот...
- Ишь куда метнул закон! проговорил рачьи глаза. А это не закон, ежели миру ублаготворение сделать?.. Ты поди скажи ей, чтобы она нас почтила... А кто понимает, так уж потчивал и наперёд посулил... Вот тебе и закон!..
- Ну, вот! Вам всё и далось одно, проговорил парень, а ты посуди, как по-божьи поступить, а он своё...
- Ишь Божий человек выискался, продолжал рачья глаза, за-сту-пник!.. Думаешь, бабу допустим за сторожа?... Нни в жисть!.. не ей тут служить!..

Мужик посмотрел с минуту своими посоловевшими рачьими глазами на парня и потом опять наступил на него.

- Так ты стоишь за неё?.. Разом сшибём: хотим так, хотим эдак, начал он опять крутить кулаками перед носом парня.
- Завсегда с носом останетесь! Первый, первый, что ли, раз! поддержал товарища и поджарый мужик.

Парень поспешил от них уйти, а вслед ему послышался смех

- Скоты бесчувственные, право скоты!.. черти горластые! - говорил сердито парень, пробираясь в толпу.
- Про кого это ты?.. Что? спросил парня подвернувшийся крестьянин в суконном тулупе с поднятым воротником, из которого торчал большой горбатый, будто клюв хищной птицы, нос, а из-за него блестели маленькие, злые, ястребиные глаза.
- Про горланов! Никакого понятия нет... ни правды, ничего, – сердито проговорил парень.
- Это вон про тех? кивнул в сторону подвыпивших мужиков хищный нос.

- Да, про тех!..
- Ну, я бы с ними справился, злобно проговорил хищный нос, сверкая глазами, я бы взял перепорол их хорошенько... до отвалу... небойсь бы в память взошли!..
- Перепорол! проговорил в ответ парень, остановившись и взглянув на обладателя хищного носа. – Вот у вас всё одна только песня: «перепорол!..» Уж если перепороть, так не их сперва надо, а нас передрать хорошенько!..
- A их по головке гладить!.. с насмешкой проговорил хищный нос, и его глаза ещё злее засверкали.
- Вот то-то и дело, что мы всё на своё зло надеемся, а насчёт общественного дела и сами ничего делать не хотим и других на то ведём, – проговорил горячо парень.
- Попытай-ка что-нибудь с таким народом сделать! со злобой проговорил хищный нос. Дадут ли они тебе слово сказать?.. Хороших людей только по-собачьи облают, вместо уваженья...
- Хо-о-роших людей! усмехнулся парень. Коли хороших, так и примеров от них было бы много хороших, а то хороших-то людей часто считают по карману, по богатству... Вот вы все от мирских нужных дел молчком да в сторону, а как затронут вас за карман заговорите пуще всех, а почему? карман только свой отстаиваете!..
- А кто грабить себя-то даст? проговорил хищный нос, принцуривая глаза и сложив из пальцев «кукиш». Он поднёс его почти к самому носу парня и злобным, сдавленным голосом прибавил:
  - Погоди маненько.

Кругом засмеялись.

– Умнее-то ты не сумеешь сказать! – проговорил парень. – Кто тебе говорит про твои любезные капиталы?.. Одно у вас в мыслях: поприжать, нажать да содрать хорошенько с того, кто денег у вас призаймёт, а на душе-то разная мерзость торговая сидит; чай, поди, есть там чему другому место?.. За

грош-то вот лишний больно стоите, а как за общественное дело, так никого вас и не сыщешь; чуть что – и я не я – κ_{T0} в лес, кто по дрова; а то где бы дело, а вы грызню меж собой заведёте... тьфу! – плюнул парень. – А ещё туда же, уважение себе хотят... Какой чёрт вам уважение окажет?!..

В толпе опять засмеялись.

- А по-твоему, надо уважать подлецов, пьяниц, горла. нов? наступил опять на парня хищный нос. Их надо?... Они будут орать да не платить, а их уважать?!..
- Да уж мы-то хороши, ответил парень, покачивая головой, хороши, нечего сказать: на каждое дело машем рукой, хоть трава не расти... Какое, скажи, хорошее дело сделали в обществе, ну?.. То-то!.. А ещё на тех вздумали пенять!.. За дело они и облают когда: сами никакого доверия не заслужили, ничего для общества не сделали, каждый только за себя стоит, а на других наплевать!.. Вот что!..
- На всех-то не потрафишь впору про себя, проговорил хищный нос, будто не желая толковать и плотнее запахиваясь в тулуп.
- Вот то-то и есть, что у вас всё одно да одно что для других-то жить?.. Для себя надо жить... по-христиански, нечего сказать. А что у нас в обществе-то от того идёт?.. Вражда да вражда, пьянство да распря; трактирам только одним ход даём; пейте, мол, православные, лопайте; несите оброк кабатчикам; никакой поддержки нет, одно слово!..

В слушавшей парня толпе раздались одобрительные голоса, а парень, разгорячившись, продолжал:

- Да чего!.. Жидоморство одно у нас развелось только. То на сход нейдут, на дела смотреть не хотят, к чему хорошему на верёвке не подтащишь; а то как пойдут общество винить, а себя за хороших людей выставлять, а как тронут чуть за карман для общей же пользы, так загалдят, хоть святых выноси!..
  - Погоди, пропоёшься... пропоёшься! перебил парня

тулуп, покачивая своим носом, прищурив злые глаза и прижимаясь щекой к воротнику. – Пропоёшься, брат!.. Ты, может, заставишь за этих остолопов-пьяниц платить?.. Мы за них будем платить, а они будут пьянствовать?!..

- Да ты сделай что-нибудь прежде, чтобы к пьянству соблазна не было, да и говори... Ты, может, больше их сам потратишь на пропой это ничего? Предложи-ка тебе: давайте, мол, что-нибудь хорошее для общества сделаем, так и в сторону. Одно только у вас на уме: карман свой да торговые дела, а общественных-то недостатков и не видите!..
- Про-по-ёшься! покачивал опять носом тулуп. Больно далеко лезешь, смотри, как бы язык не обрезали...
- Ничего не далеко... я говорю правду, ответил парень. - А ты вот докажи, если не так? Ну, докажи!..
- Пряменько сказать: с дураком говорить сам дураком будешь...
- От такого же и слышу! ответил ему парень. Где же тебе умнее-то выдумать сказать?! прибавил он, засмеявшись. Засмеялась опять и толпа.

В это время вдруг подвернулся мужик с рачьими глазами, которые теперь казались ещё больше посоловевшими.

- Что-о?! врезался он между говорившими и, делая натиск на мужика с хищным носом, который желал им порки, прибавил:
- Видно платить не хотим?!.. Вот тебе не хотим! покрутил он руками.
  - Ты сам-то прежде заплати...
- Заплати!.. Мы вас... мы вас... вот как! плюнул он в ладонь и растёр перед его носом.
  - Гарлапан! проговорил тулуп, пятясь назад.
  - Чёрт пузатый! ответил ему рачьи глаза.
  - Свинья...
- Образина турецкая! дал ему сдачи при общем смехе мужик.

Тулуп поспешил скрыться, за ним послышался хохот.

- Ат-лли-и-чно! проговорил подвернувшийся рыже. бородый мужик, обещавший стоять за нового сторожа. Ат-лли-и-чно!.. покатывался он, едва удерживаясь на но. гах. Хе-хе-хе! Хотим так, хотим эдак...
- Филин!.. сказал ему сердито мужик с рачьими глаза. ми. Али уж не утерпел, чтобы не налопаться дозела?!..
- Мм... да... хвиль... старался что-то выгово. рить рыжебородый.
- Тюря! произнёс с недовольством, сердито выпячивая глаза на спасовавшего рыжебородого, рьяный товарищ. Успел бы нашляться... чё-орт!..

III

В пристрое, примыкавшем к волостному правлению и составлявшем из себя отдельное помещение для сторожа, рядом с входной дверью, на широкой, заставленной разной рухлядью лавке сидела женщина средних лет с испитым лицом и красными, опухшими от слёз глазами. На руках она держала маленькую девочку, а рядом на полу ещё сидели, играя, дети: две девочки и мальчик-подросток. Она сидела, печально задумавшись, и, кажется, не замечала ничего окружающего; она то и дело подносила к глазам конец своего платка и вытирала невольно навёртывающиеся слёзы. Скоро должна была решиться её судьба. После смерти мужа, исполнявшего должность сторожа при волостном правлении, что составляло единственную опору семьи, она осталась без двора и кола с кучей ребятишек; с полгода она правила должность мужа и надеялась на то, что её оставят при месте, что ей будет кусок хлеба и тёплый угол. А теперь?.. Старшина недавно объявил, что на её место будет нанят другой. «Ну, как откажут? - пробегала в её голове мучительная мысль. - Откажут... откажут... - отчаивалась она и чувствовала, как к горлу подступало что-то тяжёлое и давило грудь. – Куда же я

пойду с ними, куда я пойду с своими ребятишками?! Господи, Батюшка, что же мне делать?..» – думала женщина, и слёзы капали из глаз её.

Где-то далеко раздалась пьяная песня, со двора донёсся неясный шум.

«Неужели же допустит до этого Бог? Неужели же не заступится?!.. – думала она, тяжко вздыхая. – Вот бы хоть уголто был, не стала бы держаться; на, мол, возьмите – отступилась бы; а тут куда я... да кабы одна, а то ведь, – она взглянула на детей и опять заплакала. – О, Господи, Ты мой Батюшка, Го-о-споди!.. Давеча говорят: отступись, не настаивай, не иди наперекор, всё равно не по-твоему выйдет. Да что мне сласть, что ли, какая, нужда ведь!.. и рада бы, если бы не нужда!.. Стала ли бы упрашивать да кланяться; Бог бы со всем – отступилась, а то ведь ребятишки, ребяти-и-шки; их хоть бы пожалели, сирот-то горьких!.. Кому я поперёк дороги стала? Кому-у?.. Куска хотите лишить, на улицу выгнать?.. Кто заступится? Ну, кто? Ох, родимый, Ты мой Батюшка, Господи, защити сирот, не покинь; не покинь Ты их, родимый мой, заступись!»

И она заплакала навзрыд, упав ниц лицом на лавку. Ребятишки перестали играть и, испуганно уставив свои глаза на мать, жались друг к другу, будто понимая материно горе.

В эту минуту дверь тихо скрипнула, и в избу вошёл приземистый, довольно пожилой, уже с проседью в волосах, крестьянин.

- Что же это ты? спросил он, остановившись. Чем бы действовать, а ты в слёзы ударилась, э-эх!..
- Да где уж мне, проговорила сквозь слёзы женщина, что же я могу поделать сил моих не хватит.
- А ты погоди крушиться, приободрись, сейчас сход откроют, выходи, проси мир, – уговаривал крестьянин, – чай, не у всех сердца-то каменные, может, и Бога вспомнят; дьявол там с теми, кто за вино-то душу продаёт... Христопро-

давцы подлые!.. Чай и люди найдутся, неужели ж так в обиду и дадут?!..

- На Бога только и надежда-то, проговорила женщина утирая глаза.
- Ну, вот, то-то и есть, проговорил мужик, тут дре. мать-то нечего, что будет, то и будет на всё воля Божья, а ты вот выдь-ка на сход сама да покланяйся миру, попроси... найдутся ведь люди, не дадут в обиду; уж я говорил кое-ко. му... Не гляди на то, что новый-то уж подпоить успел, да и от правленья за него рука...
  - Не надеюсь я, Бог с ними!.. заплакала опять женщина
- Э-эх, а ты полно; не всё бывает, что на неправую руку дело погнёт, обадривал мужик, а ты, говорю, выходи да попытайся; уж мы-то поддержим, не бойся, а там увидишь; я и ещё кое-кому поговорю... Выходи-ка, выходи, смотри, прямо на сход выходи!.. настаивал мужик и с этими словами вышел, направившись прямо в суетившуюся уже на правленском дворе толпу в ожидании открытия схода.

IV

- На двор, на двор идите, суетился староста, все на двор! Густая толпа народа как будто встрепенулась и ожила; все спешили занять место поближе к середине, где стояло небольшое возвышение для старшины.
- Становитесь, ребята, вкруговую! Вот так, стой!.. говорили некоторые.

Старшины ещё не было. Толпа нетерпеливо посматривала на правленское крыльцо. Но вот показался важно шествующий старшина в сопровождении прочих членов правления

Толпа расступилась и пропустила их в самую середину круга, и затем сомкнулась плотным кольцом и затихла.

– Ну, к делу! – раздался голос старшины. – Так как на сход явилось законное число голосов, то я объявляю сход открытым! – проговорил торжественно старшина и надел на себя

цепь. – А теперь послушайте, как по закону должно держаться порядка на сходе! – добавил старшина.

Писарь прочитал бумагу, в которой говорилось, как должно было обсуждать мирские дела.

Исполнив эту обязанность, старшина сразу перешёл к делу.

- Ну, что первое? обратился он к писарю.
- Смета.
- Ну, ладно, читай. Вот, мирские люди, обратился старшина к сходу, смету прослушайте, на новый год расходы... Читай!

Писарь начал читать смету расходов. Толпа безмолвствовала.

Смета была составлена по примеру прошлого года; жалование старшине и членам волостного правления, а также расходы на разные общественные потребности, на поправку мостов и дорог стояли без изменения.

- Ну, как? обратился старшина к сходу.
- Согла-а-сны!..
- Сократить бы надо! раздались голоса.
- По-старому! Ладно!..
- Все ли согласны? спросил старшина.
- Все! грянул сход.
- Сократить бы! раздались жиденькие голоса.
- Согла-а-сны!.. загремело опять.
- Пиши согласны, обратился к писарю старшина. Ну, вот ещё заявление есть, - начал старшина.
- Заявление учителя о прибавке жалованья, объяснил писарь.
  - Не на-а-до!..
  - Выслушать! Стой! Читать!

Заявление прочитали.

- Уба-а-вить надо, закричали горланы, уба-а-вить!
- Мало-о! Прибавить надо! закричали в одном углу.
- Приба-а-вить! гремели в другом.
- Не нна-а-до! Не нна-а-а-до!.. орали сильнее ближе.
- Так не согласны? спросил старшина.

- Согла-а-сны!...
- Не согла-а-сны! прогремело около старшины.
- Пиши не согласны, обратился к писарю старшина.
- Заче-е-м!.. Согласны!.. начали опять отстаивать из дальних рядов.
  - Не-е-т!..
  - Дели схо-о-д, сход дели-и!..
  - Не согла-а-сны! опять громыхнуло ближе.
  - Ну, вот... теперь другое. Читай, приказал старшина.
  - А как же там записать? спросил писарь.
  - Не согласны и кончено.
- Предложение о поправке общественного дома, продолжал писарь, так как по воле Божьей общественный дом, где помещались прежде больница и аптека, вот уже много лет стоит закрытым, от чего приходит в ветхость и никакого дохода не приносит, то волостной старшина предлагает обществу отпустить на поправку его нужную сумму, после чего этот дом можно подо что-нибудь сдать, и он будет приносить доход...
- Как вы? спросил старшина. По-моему, дом бы $_{\Pi 0}$ править надо, чем ему пустовать.
  - Поправить? А денег-то где возьмёшь?..
- Знаем мы эти поправки, раздалось из толпы, у старшины лесу много, надо куда-нибудь его продавать... Выдумщики!...
  - Сломаем ero и шабаш!
  - Чего сломать? поправить надо!..
- Так согласны поправить-то? подхватил старшина, пропуская мимо ушей пущенные ему в укор слова.
  - Согла-а-сны!..
- He-e-т, что согласны? Кто согласен?.. Деньги-то, небось, опять с нас будут брать, опять по-старому выйдет раскладка.
  - Из дохода взять, из дохода!..
  - По тягла-а-м!.. раздалось где-то в задних рядах.
  - Раклаа-а-дка!.. гаркнул кто-то в углу.
  - Оставить так!..

- Осмотреть его прежде, до другого схода!
- Так согласны на поправку... Всё равно я уж похлопочу, настаивал старшина.
  - Согла-а-сны!..
  - Строителей выбрать надо, строителей!.. кричали в рядах.
- Зачем строителей поручить старшине... старшине поручить!..
- Пиши согласны, поспешил старшина, подталкивая писаря.
- Прошение трактирщика Чурилкина о том, чтобы ему дозволено было выстроить новый трактир на базарной площади! возглашал писарь.
  - Дозволя-а-ем!.. Строй!.. заорали вдруг в правой стороне.
  - Стойте, дайте выслушать!.. раздались голоса слева.
- Чурилкин обещает заплатить обществу сто рублей, если дозволено будет построить трактир, продолжал писарь, а если общество пожелает после пяти лет, чтобы трактир был снесён, то он обязуется стройку убрать!..
  - Чево тут!.. Ладно!.. Пусть строит!..
- Не надо! начали возглашать некоторые. И так много трактиров-то!

По толпе пошёл шум.

Старшина стоял и что-то толковал с писарем.

В это время к старшине пробрался сам Чурилкин и, скинув картуз, что-то начал объяснять. Чурилкин имел хорошую поддержку со стороны своей партии, которая любила выпивку, и был уверен в успехе.

- Ну, так что? обратился к сходу старшина.
- Не надо!.. проговорили одни, но их сразу перешибли.
- Согла-а-сны!..
- Так все согласны? повторил старшина.
- Погодите, выслушайте! начали кричать из задних рядов.
- Чего слушать, согла-а-сны! заглушили их опять голоса.
- Не надо допускать! раздалось опять в рядах. За ты-

сячу руолеи ежели... Чего тысячу, жирно!.. Не на-а-до!.. $Д_0$ вольно их!..

- Согласны!.. грянуло опять вблизи старшины.
- Ну и ладно, пиши, решил старшина.
- Погоди, чего пиши? Эдак не нужно, приговор не при мем!.. закричали некоторые, стараясь подвинуться поближе Чурилкин позеленел.
- Что вам ещё? спросил строго старшина. От доход $_{i}$ отказаться хотите, что ли?
  - Не надо, чево тут, не надо и шабаш! стояли на своём однь
  - Допустить, пусть строит! кричали другие.
- Ну, вот допустить, так чево тут. Согласны допустить? спросил старшина.
  - Согла-а-сны!..
  - Не на-а-до!..
  - Согла-а-сны!..

Старшина не стал больше допрашивать и поспешил $_{10}$ метить: «согласны».

- Мы жалобу подадим, так нельзя! кричали недовольны
- Ну, ещё что? спрашивал писаря старшина, не обраща на голоса внимания.
- Ещё?.. Ещё вот теперь сторож... Ах, да, вот ещё проще ние, прочитать, что ли?
  - Это о чём?
  - Недоимку просит один сложить... больной.
  - Ну, читай, приказал старшина.
- Крестьянин Савёлов просит сход, чтобы недоимку него сложили по случаю болезни, читал писарь, работни он один, да и то хворый, а семейство большое...
- Что ж?.. Это Савёлов-то? раздались в толпе голоса. Сложить с него когда так... Известно, сложить, когда хворый... со всяким случится.
  - Так сложить? спращивал старшина.
  - Сложить!.. Зачем же обижать его, ответили из толпы

- Ну, вот теперь сторожа нового рядить надо ещё, начал старшина, охотник на это место есть, а то после старого-то баба служила, а оно ей несподручно дело не бабье...
- Так что же, пусть и служит она, не беда! раздался из толпы голос.
- А вы погодите, прослушайте, перебил строго старшина, по правленью делов много, бабе со всем не управиться. Не только сторожить надо, а и отопление, и свет, и бумагу, и другое прочее, что тоже на стороже у нас лежит...
- И сургуч, и карандаши, и чернила, и перья... добавил писарь.
- Да, и сургуч, и карандаши, и чернила, и перья; тоже он покупку ведёт, а баба-то к этому несподручна, продолжал старшина.
- Всё нехватка, да худо, да плохо покупает, подсказывал писарь.
- Да, всё нехватка, да худо, да плохо покупает, объяснял старшина. Так я вот и подыскал для того надёжного человека... Архипа-то Кузьмина, небойсь, знаете?.. Так вот, он рад бы на место поступить и уступку бы сделал; тот-то у нас на все триста пятьдесят получал, а этот за три сотенных согласится. Так его, что ль, порешить?..

По толпе будто сразу пахнуло ветром и зашумело, как в бурю. Посреди шума слышны были только отдельные слова и возгласы:

- Не надо!
- Почему не надо?
- Бабу не надо!
- А ты, смотри, не погреши: перед Богом ответишь!..
- Старого оставить, по-старому!..
- Что!? Ребятишек куча, вот что!..
- Архипу сдать! Архипу, Степан Тимофеич, Архипу!.. Чего тут, записывай Архипу!.. кричала, заглушая всех, пьяная артель.

Старшина уже хотел было отметить, прислушиваясь, крику артели, но в это время к возвышению, где стоял старшина, пробрался тот самый крестьянин, который уговарувал бабу выйти на сход и просить мир.

- Погодите, братцы, не кричите, - обратился он к сход приступив на ступеньку, чтобы стать виднее, - так дела нель зя обсуждать. Что зря кричать?!.. Надо прежде рассудить до рошенько, не какое дело делается, а об живом человеке, не долго нам вскричать, а надо подумать, что человека обидел можно... Что мы бесчувственные, что ли?! Что вдова-то ней куча ребят, ни кола, ни двора - куда она денется, что вы бедного человека в обиду даёте...

Толпа притихла.

- Чай, и по-божьи надо подумать, продолжал он.
- Так-то так, кто про то будет говорить, соглащались и толпы, да вишь неладно, когда баба не может делов исправлять. Что же тогда?
- Не бабье дело! отозвался на эти слова, кивая головой старшина.
- Недостатки всё, чего надо нет, а за неё отвечай, сказал и писарь.
- Ну вот, подхватила опять артель, записывай Архипа, чего тут!..
  - Так согласны? спросил старшина.
  - Согла-а-сны!..
- Погодите, что согласны? Архипа, что ли, согласны? раздалось опять в толпе.
  - Не надо!
  - По-старому оставить!
  - Архипу-у!.. Архипу сдать!.. орала пьяная артель.

По толпе опять пошёл гул, так что несколько времени решительно ничего нельзя было разобрать. Старшина опять было хотел окончить, уловив мощный крик артели, и запи

сать Архипа, как вдруг среди этой бури спора и крика пронёсся жалобный, за душу хватающий стон:

– Правосла-а-вные, не поки-и-ньте, пожалейте, родимые, у меня сироты ведь, куда я денусь, дайте уголок-то хоть, возрастить хоть бы их!..

По толпе будто что хлестнуло, и она разом стихла, а по смолкшим рядам будто пробежала дрожь.

В это время на возвышение к старшине пробралась женщина, держа на руках ребёнка; за ней, ухватившись, протискались другие детишки.

– Пожалейте, ради Христа, малышей-то... – упала она на колени, протягивая к толпе ребёнка на руках.

С минуту она ничего не могла сказать от душивших её слёз, потом лицо её от сдерживаемых рыданий перекосилось, и она, прижав ребёнка к себе, с вырвавшимся из груди плачем продолжала:

– Для них только о себе про-шу-у... Бога молить буду за то, не гоните, ради Христа-а... – и она повалилась в ноги.

Все потупились: даже и те, которые обещали Архипу поддержку, смотрели теперь в землю; один только рьяный с рачьими глазами хотел что-то крикнуть, да поперхнулся.

Толпа безмолвствовала.

Старшина что-то нелепо крутил руками и нетерпеливо дёргал у себя на шее цепь.

А женщина лежала на полу, и в её судорожном плаче вырывались слова жалобной просьбы. Стоявшие рядом ребятишки тоже плакали, утирая кулачонками глаза.

- Оставьте её, чего тут, начали сыпаться тихие переговоры в толпе.
  - Знамо не звери, коли так, соглашались противники.
- Записывай её! раздался одинокий робкий голос из толны.
  - Записывай!.. приобщились к голосу ещё.
  - Записывай!.. прогремело ещё дружнее.

И потом, будто облегчённый вздох, вырвался у толпы общий единодушный возглас:

- Записывай её!.. Согла-а-сны!..
- Так как же, согласны? спрашивал старшина.
- Её записывай, пусть служит; чай, не забыли мы ещё про Бога-то!..
- Да жалованье-то как? Ведь уступка... начал было старшина, но его сразу перебили:
- По-старому, пиши по-старому, как было, так и оставь, не убавляй, пусть ребят растит!..
- Спасибо, православные, дай вам Бог... проговорила, вставая и кланяясь сходу, женщина и не могла докончить от приступивших опять слёз.
- Ну, вот! про Бога-то вспомнишь, али зло сотворишь?... Иди, знай, тётка, да живи... – говорили недавние «супротивники»,
- Вот оно что значит Бог! проговорил, вздыхая, стоящий впереди крестьянин, заступившийся за женщину, утирая украдкой глаза.
  - Ну, что, всё? спрашивал старшина писаря.
  - Bcë.
- Сход закрыт!.. провозгласил старшина, снимая с себя цепь Толпа начала расходиться. Все шли в каком-то радостном и мирном настроении. Один только Архип укорял своих приверженцев за напрасно «слопанное» вино и за их измену.
- Убирайся ты к бесу!.. накинулся на него один. Тут Божье дело, а он вино!.. Чай и мы тоже по-людски чувствовать можем!..
  - «Прогоревший» Архип только плюнул и отошёл.
- Вот она, планида-то!.. проговорил в раздумье один крестьянин.

Ему никто не ответил: каждый понимал своим сердцем, в чём тут дело.

Так и осталась баба при борском правленье за сторожа.

Ө. А. Желтовъ.

KOCTB H 30 HOTO.

ДРЕВНЕЕ СКАВАНІЕ.

Цвиа 3 моп.

3-е ивданіе

и. ө. жиркова.

Съ 6-ю рисунками въ текстъ И. И. Михайлова.

МОСКВА. Русская типо-литографія, Тверская д. Спиридонова. 1899. Дозволено цензурою. Москва, 3 октября 1898 года.

КОСТЬ И ЗОЛОТО (Древнее сказание)

I

Жил в древности один восточный царь; имел он несметное богатство. И похвалялся раз на пиру этим богатством царь и говорил:

– Есть ли кто на свете богаче меня, – богаче и счастливее? И был тут на пиру славный еврейский мудрец Нахор. Услыхал он те слова и улыбнулся себе в длинную седую бороду.

Заметил царь насмешливую улыбку мудреца, сверкнули гневным огнём его очи; но сдержал себя царь и сказал:

- Разве мудрый Нахор находит в словах моих неправду? Но не смутился правдивый Нахор и сказал:
- Да. Не от ума, царь, сказал ты своё слово.
- В чём же, по-твоему, искать счастья, как не в богатстве?
- Прежде чем отвечать на это, дозволь, царь, и мне спросить тебя. сказал Нахор. Можешь ли ты отказаться от богатства, которое теперь имеешь?

Подумал царь и сказал:

- Нет, не могу!
- Хорошо. А желал ли бы ты иметь ещё больше богатства?
- Разумеется, отвечал царь уже без думы, кто же этого не желает?
  - На что же тебе ещё больше богатства?
  - Тогда я был бы ещё счастливее.

И улыбнулся Нахор во второй раз и сказал:

– Не полно же твоё счастье, царь! Ты боишься потерять богатство, думая, что тебе будет хуже. Пусть так! Но зачем же тебе желать ещё богатства и ещё большего счастья?

И не смог ответить на это царь.

Тогда Нахор ему сказал:

– Нет, не в богатстве счастье! Счастлив человек, когда он знает, что делает правду, а ты ищешь счастья и не знаешь, где найти его...

- Где же найти его!? спросил царь.
- Ты это только тогда поймёшь, сказал мудрец, $\kappa_{\text{ОГД}_2}$ узнаешь, чем можно насытить душу свою и отчего ты не κ_{M_2} жешь получить довольства.

И не сказал больше Нахор и ушёл, а царь стал о тех c_{Π_0} вах про себя размышлять.

H

«Неправо судит Нахор, – думает царь, – в чём же счастье как не в богатстве? Прежде я не был счастлив, потому $\mathbf{q}_{\text{т}}$ душа желала богатства, а теперь я счастлив, что его имею если я ещё наживу больше, то тогда буду и ещё счастливее ещё немного – и сыта будет душа моя!..».

И стал царь стараться, чтобы ещё больше нажить, и трудился над этим и думал только об одном. И достиг царь того, что нажил богатства много больше, чем у него было; но не насытилась душа его, не нашёл в себе царь больше довольства чем было. Оглянулся он на то, что приобрёл, и на то, сколько положил труда для этого, и в раздумье сказал:

- Где же это Счастье, которого я искал?

И заныло сердце царя и ответило на вопрос лишь тоской безотрадной.

И подумал царь: «Есть же счастье на свете? Видно, мне недостаёт чего для полного счастья; надо узнать, чего мне недостаёт; если узнаю, приобрету то, чего мне недостаёт, и тогда, наверное, будет сыта душа моя».

И призвал царь советников своих и спросил:

- Чего ещё нужно человеку, который богат несметно, для того, чтобы довольна была душа его, чтобы жизнь его была - радость и счастье?

Подумал один царедворец и сказал:

- При богатстве нужна слава.

Подумал другой и сказал:

- Богатому нужно веселье.

И подумал царь: «Верно. Богатый должен жить так, чтобы слава о его жизни гремела далеко; тогда будет ему весело, когда кругом его все будут веселиться».

И разгорелась душа царя, захотелось ему славы громких военных подвигов, и сказал он приближённым:

– Ныне же повелеваю собрать несметное войско! Двинем войною, покорим все соседние царства, чтобы гремела слава о нас от моря до моря!..

III

И собрал царь сильное войско и выступил в поход. Впереди ехал на белом коне сам царь, окружённый блестящею свитой военачальников. За ними следовало могучее войско, сверкая на солнце боевыми доспехами, — сначала пехота, сзади конница. Перед пешим войском и перед конным шли отряды музыкантов, били в литавры и играли в трубы. Пыль чёрным облаком неслась над войском.

Ничего не ждали соседние царства и не успели они вовремя приготовиться к встрече сильного врага. Не встретил царь на пути своём другого сильного войска и, вступив в чужие земли, одерживал победу за победой. Воодушевилось войско царя успехами и храбро шло дальше и дальше, разоряя селения, разрушая большие и богатые города. Множество военной добычи досталось на долю царя, военачальников и войска.

Осталось царю победить только одно обширное царство. Услыхал царь того царства о грозящей великой беде, наскоро повелел собрать своё войско и вышел победителю навстречу. Встретились войска их, как две чёрные тучи, и ударили одно на другое. Крепко схватились войска; произошла страшная битва. Но не мог устоять царь той земли, дрогнуло войско его, наскоро собранное, и победа осталась за царём восточным.

И покорил царь обширное царство и дошёл с своим храбрым войском до крайних пределов и воскликнул:

- За нами победа и слава! Я победил все народы от моря и до моря!

И ответило войско на клик его громовым «ура!»

Загремела победная музыка, заиграли трубы, забили в _{ли.} тавры, и было кругом царя великое ликованье.

Со славою царь возвращался назад во главе своего войска Но идти приходилось теми местами, которые только что пе. ред этим были разорены его войсками. На пути везде встре. чались разорённые селения, разрушенные города, поля, ког. да-то обещавшие богатую жатву, но теперь вытоптанные войсками и усеянные трупами людей и лошадей. Где жизнь ключом била, там теперь виднелись лишь унылые развалины Вот здесь, на берегу моря, была богатая торговая пристаны тысячи народа толпились здесь; сотни кораблей, полные товара, бороздили морские волны по всем направлениям; была жизнь, было движение... А теперь и это бойкое место было также грудой развалин; ветер врывался в остатки строений. свистел в щелях и жалобно выл, точно оплакивая прежнее довольство... И грустью отуманилось лицо царя. Дальше шёл он во главе победного войска, но и дальше встречались на пути всё те же печальные картины.

И заныло снова сердце царя, и увидал он воочию оборотную сторону славы, – не ту, что бьёт в глаза, а ту, которую видят лишь внимательные...

Торжественно встречал народ славных победителей; долго не умолкали ликующие клики в честь героев. Но царь был мрачен и печален, и ещё сильнее тосковала душа его.

IV

Видел царь, что к богатству его прибавилась слава, но не прибавилось в душе его довольства, не стала от того жизнь его ни отраднее, ни счастливее, – и не пошло ему на ум никакое веселье.

И вспомнил он слова Нахора, что он только тогда будет знать, где искать счастья, когда узнает, чем можно насытить душу свою, и захотелось ему поскорее узнать это.

Призвал он Нахора и сказал:

– Я понял правду слов твоих, Нахор! Научи же меня, каким кратчайшим путём могу я узнать то, о чём ты говорил мне?

И ответил Нахор.

– Для этого, царь, нужно узнать жизнь такою, какова она есть. Ты стоишь как бы на вертящемся круге и движением его приведён в заблужденье; сойди с этого круга на время, поживи сам собой, – и откроются глаза твои, и ты сам увидишь всё, что нужно человеку для счастья.

И захотелось царю сделать всё это. Собрал он своих приближённых, поручил им править делами, а сам оделся в одежды странника и вышел из роскошного дворца своего и смешался с народной толпой.

V

И ходил царь странником между народа и присматривался к тому, как живут люди. Испытал он много всего, прежде чем освоился с новою жизнью. Над неуменьем его много смеялись; не мог он скоро привыкнуть к тому, что для всех было так просто. Но терпенье царя было велико, и понял он цену многого, что раньше считал за безделку.

И проходил он разные земли и пришёл в страну, где была засуха. Целых семь лет Бог дождя не давал, и сделался в стране той мор на людей: умирали люди от болезней и голода, а больше оттого, что пить было нечего.

Пришёл царь в один город и увидал, что через самый город тот река большая протекала, и в той реке воды для всех довольно, а люди пили ту воду и тоже умирали.

И спросил царь:

- Отчего это мор такой на людей?

И сказали ему:

- Бог прогневался на нас и на детей наших: вот уже семь лет не видим дождя, не стало воды для питья ни в ручьях, ни в колодцах.
  - А что же эта вода в реке испорчена, что ли?

И отвечали ему:

– Только и есть воды по всей стране, что эта река, да и $_{\text{На}_{1k}}$ Бог заразу послал; оттого и мрут больше люди, что вода та не $_{\text{Года}}$

И заметил царь одно, что не считали за важность другие: y_{Bk} дал он, что в реку со всего города спускаются разные нечистоть а оттого и порча воде.

И сказал тогда:

– Напрасно вы Бога гневите: не Он на воду заразу нас $_{\Pi a_{\Pi_i}}$ сами вы реку загадили и сделали воду для нитья непотребной

И посоветовал царь народу нечистоты от реки _{ОТВестр} дальше и выждать, пока прочистится вода, а потом уже и пить её на здоровье.

- А теперь скажите мне, - обратился царь к жителям, в какую сторону надо идти от вас, чтобы скорее достигнуть в земли плодородной, где народ жил бы в довольстве и счастье

И говорили ему:

- Слыхали мы от отцов наших, что та земля от нас на восток, вверх по течению реки; но прежде, чем дойдёшь до ней надо пройти по бесплодной и знойной пустыне.
  - А как велика та пустыня?
- Как велика она, мы не знаем: в памяти нашей никто из нас не решался пройти её.

И решился царь непременно пройти через пустыню в достигнуть во что бы то ни стало до счастливой страны, о которой преданье жило в памяти народной. И вышел он из города и пошёл вверх по реке.

VI

Долго шёл он на восток, и чем дальше уходил от города, тем место становилось глуше и пустыннее. И, наконец, царь вступил в настоящую пустыню. Солнце томило его зноем, ноги его устали от трудной ходьбы по камням, – но он шёл и шёл дальше.

И в один день встретил он на пути человека, который лежал на берегу реки без чувств. И увидал царь, что человек тот

босой, и ноги его потрескались, и кровь сочится из ран, – и сжалился над ним: взял запасной сосуд с водой, обмыл ему раны, а в рот влил несколько капель чистой воды. Как сделал он всё это – ожил человек и стал приходить в чувство, открыл глаза и запросил пить. Царь поднёс ему воду, и напоил его, и дал ему хлеба, бывшего с ним.

Когда подкрепился тот силами, царь стал его выспрашивать, откуда он и как попал в пустыню.

И сказал ему человек:

- Я из того народа, где мор на людей, и бежал сюда от смерти – и нашёл её здесь. Если бы не вода, которую ты влил мне в рот, я умер бы сегодня же.

И дал ему царь свою обувь и обул его, оставил сосуд с водой и разделил с ним хлеб свой и сказал:

– Теперь ты жив; отдохни, а когда подкрепишься, возьми направление по солнцу и иди вперёд, не сбиваясь; я же пойду дальше и поищу источника чистой воды, ибо жажда томит меня жестоко!

VII

Пошёл царь искать ручья чистой воды. Последний запас воды отдал царь тому человеку, а из реки напиться он боялся. Долго шёл он, жадно всматриваясь вперёд и в стороны. Но нигде кругом, насколько хватало глаз, не было видно ничего, похожего на растительность. Голые камни да горячий песок лежали кругом, искрясь и сверкая на солнце.

И истомился царь до изнеможения сил. И вспомнил он своё богатство и понял, где оно не имеет никакой цены. На один глоток чистой воды он не задумался бы променять всё своё богатство.

И сказал царь:

– Да, только в ослепленье гордыней можно думать, как думал я, что богатство для человека – всё! Теперь я вижу, как оно ничтожно. Поистине, велика цена лишь того, что необходимо для жизни...

И понял царь, что довольство этим необходимым и деле ет человека счастливым и что только пресыщение затемняе и скрывает от нас истинные блага и радость жизни.

И шёл царь дальше по пустыне, и было у него только $ODE_{0,0}$ желанье – отдохнуть где-нибудь под тенью дерева и $OEE_{0,0}$ ним глотком воды промочить гортань. И вспомнил он $OEEE_{0,0}$ и пал ниц на землю, и молился, чтобы Господь подкрепил $OEEE_{0,0}$ силы. И когда встал царь, он увидел вдали как бы вершин деревьев. Воспрянул дух его и, забыв усталость, кинулся $OEEE_{0,0}$ сторону дорогого виденья.

Он не обманулся – то были действительно деревья. Не радость его удвоилась, когда между деревьями он увида прозрачный ручей чистой воды. С какою отрадой припа: царь к ручью, чтобы утолить свою жажду! И показалась ем та вода такою вкусной, какой он не пивал всю жизнь...

И освежился царь и ощутил в душе своей довольство которого так долго искал; отрадно стало сердцу его, как никогда прежде; узнала душа его впервые истинное наслаждение. В восторге оглянулся он на то, что окружало его, и дивно прекрасным показалось ему всё до последней былинки, до последнего камушка на дне прозрачного ручья!

И подумал царь:

– Не из той ли счастливой страны, о которой мне говорили течёт этот чистый ручей?

Но сладкий сон смежил его очи, и уснул он под тенью деревьев, убаюканный нежным журчаньем ручья.

VIII

Когда царь проснулся, был уже вечер. Но вспомнил царь, куда идёт он, и жаль показалось ему терять дорогое время. Сон подкрепил его силы, и он пошёл вверх по ручью.

Шёл он всю ночь, и взошло опять солнце – настало утро, а царь всё шёл и шёл, спеша скорее достигнуть до истоков ручья.

И увидал он в стороне гору и пошёл к ней. И поднялся царь на гору и стал смотреть: не видно ли, где начинался ручей. Начала ручья не было видно; но раскинулась с вершины горы перед глазами царя дивная красота места, в которое он зашёл, и поднялись в душе его прежние помыслы. Забыл он своё недавнее раскаяние, и захотелось ему завладеть всем, что видел глаз его.

Постепенно сошёл он с горы.

– Пойду, – сказал он в себе, – до того места, откуда исходит ручей, возвращусь в своё царство и займу эту страну.

И он пошёл дальше вверх по ручью. Но скоро он достиг такого места, что дальше можно было идти лишь с великим трудом. По обе стороны возвышались горы, и путь был усеян камнями. Но царь всё шёл и пришёл к стене. И заградила стена путь, и не мог он идти дальше.

Пытался царь обойти стену и взойти на гору и срывался каждый раз, как хотел подняться.

– Есть же какой-нибудь проход через стену! – воскликнул царь и стал искать.

И нашёл он узкий проход в стене. Обрадовался царь и поспешил к нему, горя желанием переступить заветную грань и посмотреть на то, что скрывалось за нею. Но оказался проход тот на крепком запоре.

И стал царь стучать в затвор и просить, чтобы его впустили.

И послышался ему голос:

- Кто там?

И отвечал царь:

– Я – властелин земли и завоеватель!

И сказал опять голос:

- Ты не можешь войти сюда, ибо это врата рая, врата Господни!
  - Почему же мне нельзя войти в них? спросил царь.

И отвечал голос:

- Здесь не знают иных завоевателей, кроме тех, которые победили свои страсти, только праведные входят в дом Господа... И огорчился царь и стал просить со слезами. Но не η_0 могли ни мольбы, ни слёзы; не было ответа на все его просьбы

И обратился царь к стражу в последний раз, говоря:

- Неужели не стоит всё то, что я претерпел, прежде чем дошёл сюда?

И не отвечал ему на это голос.

– Дай мне хоть посмотреть туда! – умолял царь. – Я буду доволен и этим.

И не отвечал ему голос и на это.

– Если нельзя впустить меня, дай мне хоть какую-нибудь вещь, которую я мог бы показать людям во свидетельство того, что имел силу духа дойти сюда.

И сказал голос:

– Ты не дошёл бы сюда, если бы не сделал на пути доброго дела. Если же хочешь непременно доказать людям, что ты был здесь, возьми вот этот дар; он не велик, но может исцелить болезни души твоей и дать тебе больше мудрости, нежели сколько ты получил от прежних учителей.

И взял царь с жадностью дар. А голос сказал ему:

– Иди в землю свою и не смотри на эту вещь, пока не придёшь в своё царство!

И отошёл царь от ворот рая...

IX

Когда возвратился царь в своё царство, то прежде всего велел собрать всех мудрецов своих и призвать Нахора, чтобы в их присутствии рассмотреть дар, который дал ему страж рая.

Собрались все мудрецы; пришёл и Нахор.

И стал царь, похваляясь, рассказывать им, где он был, и что видел. Удивлялись все рассказу его.

– А вот я получил дар, которого могут добиться лишь немногие, – смотрите сюда! – с гордостью прибавил царь и развернул перед всеми дар свой.

И удивились все бывшие тут, когда увидели, что дар тот

оказался простою костью от черепа человека, – и не знали, что сказать царю...

Смутился царь, когда увидал в руках своих этот ничтожный остаток тленного человека, и разгневался. Кинул в гневе кость и сказал:

– Это ли дар, достойный героя? это ли плод стольких лишений? это ли награда за подвиг, который совершил я?!.

И выступил тогда Нахор и сказал:

- Не считай за ничто этот дар, царь! Если хочешь рассмотреть его внимательно, ты найдёшь в нём много мудрёного.

И спросил царь:

- Что же особенного может быть в этой ничтожной кости? И взял Нахор брошенную кость и сказал:
- Много мудрёного в этой кости... Хочешь ли, царь, видеть чудо, которое я покажу тебе?

Царь сказал:

- Хочу.

X

И велел Нахор принести большие весы. И принесли весы и поставили их перед царём.

И сказал Нахор:

– Прикажи, царь, чтобы принесли сюда столько золота, сколько может донести один человек!

И приказал царь, чтобы принесли золото. И принесли столько золота, сколько донёс человек.

И сказал опять Нахор:

- Положите это золото на одну чашку весов!

И положили золото.

Тогда обратился Нахор к царю и сказал:

- Вот я положу на другую чашку весов эту кость, которую ты бросил, – как ты думаешь, царь, что перетянет: это золото или эта кость?

Царь сказал:

Золото.

И положил Нахор кость на другую чашку весов. Дрогнул; весы, заколебались, – и видели все: перетянула кость золото!

И удивился царь и все бывшие с ним. Велел он принест, ещё столько же золота. И принесли другую ношу золота и до бавили к прежнему. Дрогнули весы и заколебались, поднялась чашка весов, на которой была двойная ноша золота, еще выше, а опустилась ниже та, на которой была кость...

И сколько ни добавляли по приказанию царя золота, $H_{\tilde{c}}$ могли сделать так, чтобы оно осилило кость. Не могли $C_{\tilde{c}}$ лать даже того, чтобы чашки весов стояли ровно: что ни $K_{\tilde{b}}$ дут золота, кость всё перетягивает и опускается ниже.

И дивился царь больше прежнего, и не знали, что ckasan о чуде, все бывшие тут.

XI

И, поражённый непонятным явлением, обратился цары Нахору и сказал:

- Что же это значит? Как может эта ничтожная кость перетягивать такую груду золота? Неужели никак нельзя добиться хоть того, чтобы было равновесие?
- Нет, можно, царь! сказал Нахор. И требуется для этого самая малость.
  - Что же требуется для этого? спросил царь в нетерпения
  - А вот смотри!

И взял Нахор горсть земли и покрыл этой землёй кость на весах. Дрогнули опять весы и заколебались. Но теперь чашка с костью начала подниматься вверх, а та, что была с золотом, опустилась. Сравнялись обе чашки весов и стали.

Удивился ещё больше царь и спросил:

– Объясни, Нахор, как же это можно: то была кость однаона всё перетягивала, а теперь ты прибавил к ней тяжесть земли, а она стала легче? Что же это значит?

И отвечал Нахор:

– Для тех, которые на всё смотрят поверхностно, явлени

это – лишь непонятное чудо; но для мудрого, царь, оно значит очень много!

И сказал царь:

- Объясни мне всё, что ты знаешь об этом, мудрый Нахор, я желаю знать!

XII

- Слушай же, царь! - начал Нахор. - Эта кость всё перетягивает потому, что она есть вместилище человеческого глаза. Глаз наш невелик, но всё, что он видит, он желает иметь. Нет границ желаниям его, если человек не сдерживает себя разумом. Разум - узда зависти, а без неё ни золото, ни даже всё богатство, все драгоценности мира не могут насытить человеческой зависти! Только когда человек сойдёт в землю, только тогда насытится око завистливого! Это и видел ты, царь, здесь на весах: только тогда кость перестала перетягивать золото, когда я бросил на неё горсть земли... Что ещё сказать тебе, царь? Тот, кто желает знать правду жизни, тот должен смотреть на вещи не глазом, а разумом, который дан человеку Богом для того, чтобы видеть, что добро и зло. Когда ты указал жителям города на то, чего они не видели, и советовал не поганить воду, - эту правду ты видел не глазами, а разумом. Если бы и в свою душу ты заглянул тем же светлым разумом, ты сам увидал бы грязь, которая портила твою жизнь и мешала душе твоей быть в довольстве и счастье... Когда ты помогал человеку, ты делал доброе дело. Когда бы и ты был в положении того человека, ты и себе желал бы того же. Не значит ли это, что Бог для того и создал нас, чтобы мы помогали друг другу? Не потому ли душа твоя была довольна и в сердце твоём была радость, что ты делал Божие повеление. И – вспомни, царь, – не была ли радость сердца твоего в ту минуту больше той, какую давало тебе когда-нибудь всё твоё богатство?.. Когда ты усталый дошёл до ручья и припал запёкшимися устами к его прохладным струям, -

думал ли ты тогда о своих сокровищах? Вспомни, не казалас ли тебе вода та дороже всяких сокровищ? Она дала душе тво ей столько довольства, сколько не имел ты от всего своего богатства. Не в богатстве и пресыщении лежит наше счасть а в уменье быть довольным необходимым нам...

В молчании выслушал царь всё, что говорил ему Наход И просветлел разум его, и сказал он:

– Я понял тебя, мудрый Нахор! Мы ищем счастья около а оно - внутри нас. Оно не в праздности, а в труде; оно нет роскоши, а в довольстве необходимым; кто хочет быть счаст ливым, тому нужно понять прежде всего, к чему мы создань и что для нас создано...

И поднял тогда царь руки к небу и воскликнул:

- Славлю Тебя, Господи, что Ты открыл рабу Твоем истину, озарил меня светом правды Твоей! Отныне я знак волю Твою, и подчиняюсь ей, и пойду не к бездушному облику лукавой и ложной жизни, а к разумному велению Творц моего. Глаза мои видят свет, и иду к нему, и знаю, что царств Твоё не там, где зависть, задор и вражда, а там, где люди. братья, где царит мир, правда и любовь!..

И все стоявшие с ним сказали:

- Аминь!

REPEAT MOALMI.

разсказъ для взрослыхъ.

Крестьянина Ф. А. Желтова.

№ 123.

МОСКВА.

Типографія Вильде, Малая Кисловив, собетвенный домъ
1901.

Довиолен: ценвуром. С.-Петербургъ, 1 декабря 1900 г.

ПЕРЕД ЛЮДЬМИ

Около чего потрёшься, того и наберёшься. Добра не встретишь – и душу не полечишь.

Пословицы

Ţ

Захар Вилков был мужик семейный, жил он сам-третей: жена была при нём да сынишка на возрасте. Захотелось Вилкову пристроить парнишку к какому-нибудь ремеслу, – минуло ему двенадцать лет, можно смело за дело ставить. Неподалёку от деревни стояло большое торговое село, там шорники и кожевники жили, заводов было много. Задумал Захар на завод сына отдать; посоветовался с женой.

- Лукерья!.. Не пристроить ли нам парнишку к заводскому делу, хоть бы в шорники отдать, што ли... Как думаешь? А? Подумала Лукерья.
- Что же, с Богом, говорит, ремесло ему всегда пригодится, да и заработки на заводе не мужицкой работе чета: сколько здесь за пашню во всё лето иной возьмёт, там за один месяц выработаешь.
- Это правда, говорит Вилков, а парнишка теперь в поре, не в подпаски же его здесь отдавать. Вот поведу в село при первом же разе и похлопочу.

Порешили.

Поехал Вилков в субботу на базар и парнишку с собой прихватил. На селе в ту пору дела шли по торговле хорошо, заводы работали, народ на них требовался. Вилков скоро отыскал место. Пришёл он в один большой завод, где шорный товар – ремни, шлеи да узды – работали, спросил, – в два слова мальчишку в ученики на завод взяли и прямо за дело поставили.

Работа лёгкая: ремешки на доски наколачивать, к печке приставлять, сушить да опять назад снимать. Заставляли и лошадь гонять в мялке, где кожи выминают, и другие мелкие

работы делать; привык скоро парнишка ко всему, да таки парнишек, как он, на заводе много было.

Приехал Вилков домой.

- Пристроил Петруху, весело говорит он жене, мест первый сорт.
- Ну, и слава Богу, сказала Лукерья. Домашнее делов уйдёт и без него.
- Вестимо, подсказал Вилков, домашнее дело само собой, а там в люди по крайности выйдет мальчишка, кой-чем понаучится, в жизни всё пригодится...

Успокоились.

II

На заводском деле навострился Петруха скоро. На завод народу работало всякого много – и плохого и хорошего, по трафлять приходилось всем: тот спрашивает одно, другой другое; ученик так ученик и есть: везде поспевай, всё понимай за вихры таскали тоже здорово. Что же поделаешь? Без ток ученья не было, – приобык парнишка и к этому, обтерпелся

Захаживал к нему и отец.

- Привыкаешь ли? спрашивал он его.
- Ничего, говорит, живу.

На праздники Петруха ходил домой редко, всё больше при заводе был — мало пускали. На праздниках на заводе работы хоть и не было, так без дела сиди, а сбегать куда по деле случится или на кухне что пособить, так Петруха и тут.

Не всегда бывало и дело: иной раз и совсем свободно, в свободное время и погулять Петрухе когда хотелось. Спознался Петруха с таким же подростком одним, как и сам, - учениках тот жил у сапожника, – часто и проводил с них досужное время. Сапожник жил недалеко: повернул влем от заводских задворков, прошёл усада три, завернул в глухой закоулок, – тут он и есть.

На заводском деле Петруха приноровлялся ко всему, сме

кал он про себя, как нужно потрафлять, чтобы вихрам доставалось меньше: и за водкой кому нужно бегивал и за табаком, – по утайке всё это делалось, чтобы хозяин не сметил, ну и полегче от мастеров бывало. Научился и врать мальчишка и обманывать. Таково уж вокруг него было. Путного слова, почитай, не слышно, народ кругом всё тёмный, каждый только о себе заботился, а о чём путном не только что о других, и о себе некогда подумать.

И жил так Петруха и привыкал.

- Петруха!.. печку затопи!..

Только и слышно. Не успел сделать всё за раз – вихры припасай.

- А-ах ты, озорник эдакий!.. Балбес!..

Откудлатят голову и шабаш, – тем только и учили. На артели жить – всего натерпишься.

III

Пошёл раз Петруха в праздник к сапожникову ученику – Ермилом того звали, а попросту кликали «Ермолкой», – добежал до калитки, забоялся на двор идти, – нет ли хозяина, – заглянул через забор, а Ермолка тут на дворе.

Обрадовался Петруха и кликнул тихонько:

- Ермолка!..

Увидал его Ермолка, замахал рукой: иди сюда, ничего, никого нет!

Петруха вбежал.

– Нынче самого весь день не будет, – говорит Ермолка, – на весь день ушел.., пойдём на зады, там Гаранька да Мишка собрались, в огородах ждут.

Пошли.

Гаранька да Мишка – оба парня рослые, должно подмастерья.

- Что ж ты долго? спросил Гаранька.
- Нельзя было, выжидал...

- Принёс?
- Принёс.

Ермолка вынул из кармана карты, потом достал кисет табаком.

- Вот он, насилу нашёл, под верстак, дьявол, запрятал Я думал, он с собой утащил.
- Эва, проговорил Гаранька, дайко-сь... На, сдавай! и он бросил карты Мишке.
  - А бумаги захватил? спросил Гаранька.
  - И бумаги принёс, вот... подал ему Ермолка.
- А это кто с тобой? спрашивал Гаранька, указывая в товарища Ермолки.
  - Из заводских, в ученики недавно поступил.
  - Новичок, значит?
  - Новичок, подсказал Ермолка.

Гаранька не спеша набивал папироску.

- Ну, сдал! Начинать, што ли? Чего с табаком-то копаешься? – говорил Мишка.
  - Нну!.. успеешь!..
- Успе-ешь! передразнил Мишка. Давай сюда, ок потянул кисет, курить так курить, и Мишка тоже нача: свёртывать папироску.
- Ономнясь хозяин большу-ущую цигарку курил, _{заказ}чик какой-то дал, хороша, баит, страсть, толковал Ермолка
- Из листов?.. Прямо из табаку из листов?.. Знаю, куривал, говорил Мишка, а по-моему, табак так табак и есть...
- Нет, шалишь... есть по целковому за цигарку платят, з что-нибудь да дают.
- По целковому?.. По три!.. Хозяин баит, по три есть... Вот бы хватить, славно!.. - перебил Ермолка.
  - Ври больше... Почём игра? спросил Мишка.
- По копейке... вали!.. Хочешь, што ли? и Гаранька передал папироску Ермолке.

Тот взял.

- Играть будешь? спрашивал Ермолка Петруху.
- Што же не будет, будет... Ходи!.. командовал Гаранька.
  - Денег нет... не игрывал... несмело отозвался Петруха.
- Э-эх, ты, простота!.. Вон оне!.. брякнул медяками в кармане Гаранька.

Ермолка кинул ему медяк:

- Играй!.. На семитку, - отдашь.

Помялся Петруха.

- Играй, чего тут!

Началась игра.

- С козырей!..
- Краля!..
- Ходи!.. Пошёл?.. Ла-а-дно!..
- На, Петруха, покури, предложил Мишка и ткнул ему в зубы папироской.
  - Не буду... не надо...
  - Кури, чего тут!..
  - Не буду...
- Эх ты, а ты учись, пока мы живы, сказал со смехом
   Гаранька.
- Молокосос!.. Мишка бросил папироску в сторону. Поди, чай, ещё об матери плачешь?..
- Потрёшься, научишься, мы тебя всякому добру обучим... Табак... што табак? Ты погляди, как мы водку хлещем... Ты што шестёрку бросил, чёрт!.. ругал Гаранька Мишку.
- Ну, ходи, ходи... Ты вот новичка-то поучи, а меня што, я уж учёный... Табаку не отведывал... молокосос...
- Погоди, не вдруг, и мы, мол, до того дойдём... Так, што ли? приставал Гаранька.

Петруха молчал.

- Твоя взяла, сдавай!..

Играли долго, надоело - бросили.

Петруха проигрался.

- За тобой две семитки да грош, сказал ему Ермолка.
- Отдам.
- Да моя гривна, сказал и Гаранька, продулся, брат. Молчал Петруха.

Мишка валялся на траве и задирал ноги кверху. Ермоль сидел на корточках, обхватив коленки, а Гаранька опять на бивал папироску.

- Намедни я полвыростка у хозяина стащил, хвалило Ермолка, – подтибрил ловко, и не хватился, так и шабаш...
  - Продал?
- Живым манером... только не повезло в орлянку про играл.
- Игро-ок! А теперь надо бы чего удумать, а то скуче так-то...
- Вот тебе и удумать... на!.. выхватил Мишка из карма на пару голиц... вчера ещё припрятал.
- Э-э, здорово! обрадовался Гаранька. На гулянку хватит, посылай!..
  - Погоди.
  - Посылай, чёрт, чего тут?
  - A сам?
- Ну, пополам... давай снесу, Гаранька вырвал голици и побежал.

Мишка выругался вдогонку.

Петруха хотел уходить.

- Ту куда? спросил Петруху Ермока.
- Домой.
- Погоди.
- Да чего тут?
- Да погоди, экий ты, вместе пойдём.

Петруха остался.

Гаранька скоро прибежал.

На траве очутилась бутылка водки, связка кренделей в пряники.

- Вот тебе, вот тебе, вот... Гаранька выгрузил карманы и растянулся на траве.
  - Погуляем. Ну, начинай!..
- Кто ж пить-то будет? спросил Мишка. Ермолка, пьёшь?
  - Ну вас, я крендели...
  - Врёт, давай!...

Все пили, только Петруха не стал. Над ним смеялись:

- Молод ещё.
- Молока просит.
- Щенок.
- Выучим, погоди, утешал Гаранька.

Петрухе было обидно.

Покончили скоро. Ермолка собрался идти. Пошёл и Петруха.

- Гривну не забудь, эй ты, неучёный!.. кричал вдогонку Гаранька. Не отдашь, я те накладу!.. В то воскресенье штоб было!..
  - Принесёт!.. издали за него кричал Ермолка.
- А ты и вправду, смотри, принеси, советовал Ермолка, и мне не забудь.
  - Да где я возьму?
  - Попроси у хозяина.
  - Не даст.
  - Не даст, так стащи что-нибудь.
  - Увидят, стащи, разве хорошо?
- Дурак ты, больше ничего. Ремней-то у вас видимо-невидимо, кто доберётся? взял поаккуратней, беда невелика.

Петруха промолчал.

- В воскресенье, смотри, приходи! - кричал Ермолка, убегая домой.

IV

Всю неделю Петрухе было не по себе: работать тошно, – жалко, что проигрался, – и завидно, что у людей деньги были.

Хозяин ему денег не давал – отец за получкой ходил, да и работок его пустой – учениковский.

«Ну, так што? – думает Петруха, – стащу ремни, – и ко цы в воду».

Потом одумается.

«Неладно. Узнают – беда... Ну их к шуту!»

А неделя шла, скоро и воскресенье.

«Отдать бы только им, – пострел их побери!.. проходу дадут».

Попытался Петруха попросить у Микифорыча, - мас ром тот на заводе был, ему часто Петруха за водкой да за баком хаживал.

- Микифорыч!.. дай мне пятак.
- А на што тебе? На што тебе, пострелёнок? пристава Микифорыч он был выпивши, На орехи, што ли, теба Вот тебе на орехи, вот тебе, вот!..

И Микифорыч здорово натрепал Петрухины вихры.

- О-орехов захотел!..

Поплакал Петруха.

Подошло и воскресенье.

Утром дрова таскал Петруха, двор подметал, после обстолько освободился и ушёл. Ермолка ждал его на углу.

- Принёс?
- Нету.
- Што ж ты?
- Боязно.
- У-у, боязно, дурак!.. ругался Ермолка. Свернул в получше в карман, вот и всё, играть бы опять начали, орек купили бы...
  - Тятька придёт, я денег попрошу.
- Дожидайся... Ты лучше не ходи: Гаранька изобьёт, задорный; я скажу не пустили, а ты вдругорядь без того не ходи. Слышь!

Опять целую неделю мучился Петруха. Денег прост

боялся, ремни спрятать тоже боялся. Как-то раз ночью, когда все спали, Петруха тихонько встал и на цыпочках пробрался в сени: там, ещё с вечера, заметил Петруха, висела забытая связка ремней. Сердце шибко билось у него, когда он к ней подходил, руки дрожали. Выбрал Петруха три ремня, свернул комочком и подсунул в уголок за доску. Долго не уснул после этого Петруха, всю ночь проворочался; только бы к утру заснуть, а заводский колокол: Тень!.. Тень!.. – будить начали, пора вставать – четвёртый час утра.

- Петька!.. вставай живо!.. - тормошил его кто-то за ноги. - Мялицу ходить!..

В заводе шла стукотня, - всяк к своему делу пристраивался.

Мялицу ходить Петрухе не впервой – знал он это дело хорошо, да ремни у него из головы не шли. А ну, как узнают? Ему даже казалось, что об этом уже все знают.

Индо дрожь брала.

«А что? – говорил себе Петруха, – накоплю денег, тятьке отдам, а то гармонь себе куплю. А важно бы выучиться на гармони играть, первый сорт. Пришёл бы домой и давай наигрывать – вот мол, как!..»

Петруха два раза ходил на то место, где ремни спрятал: всё думал, не увидал ли кто да не унёс; на другой вечер перепрятал их в сенник.

«Пойду в воскресенье и отдам; больше не буду... А как узнают?..»

Петруха боялся.

«Коли бы деньги были, рази стал? – оправдывался он. – Копнул же дьявол играть тогда с ними!»

Пошёл куда-то Петруха по делу и встретился с Гаранькой, хотел было от него улизнуть, да Гаранька увидал.

- Эй, погоди, погоди! - кричит Гаранька и догнал. - Ты

^{*} На шорных заводах мялицей называется особого рода конная машина, где мнутся сыромятные кожи. *Примечание автора*.

што ж не приходил?

And interestings of

- Так, нельзя было.
- Так!.. Мы опять играли, я обыграл. Гривну мне!
- Отдам. Нету.
- Ты смотри.., а не то я те накладу, я те-е...
- Отдам, чай, сказал!..
- То-то! Приходи, смотри, опять туда.

Гаранька побежал.

Петрухе ремни мерещились, и ночью пригрезилось да что за них его били.

Совсем парню было не по себе.

На неделе был какой-то праздник. В этот день не ратали. Рабочие – кто домой ушли, кто на заводе остали дело праздничное, – артель собралась вскладчину и уща трактир. Петруха не пошёл, да его бы и не взяли: куда о тут соваться; артель пропьёт теперь до ночи и Микифоратут, – он при таком разе всегда бывает за старшего, – крев любил Микифорыч выпить, – уж жди теперь его к вечеру карачках как раз.

Петруха припас ремни, чтобы удобнее их было унести свернул клубочком. На дворе был только кучер Михайт выждал Петруха, когда Михайла, пообедавши, спать к лош дям пошёл, и стрекнул со двора.

Побежал Петруха другой дорогой, по задам, точно бот ся идти напрямики, да и то ему мерещилось, что сзади бет и кричат:

- Держи!.. Держи!..

Совсем запыхался Петруха, когда добежал до закоулка с жил Ермолка. На дворе никого не было. Петруха подожа Ремни будто жгли его, – хотелось ему поскорее отдать их.

- Ермолка! звал он тихонько в окно. Ермолка! Ермолка услыхал и выскочил.
- Иди скорее, скорее!.. торопил Петруха и побежал. Е молка за ним.

- Что? остановил его Ермолка, когда они вбежали в огороды.
- Вот!.. Петруха, запыхавшись, сунул ему торопливо ремни и облегчился, точно гору свалил.

Ермолка потряс на руке.

- Ловко! Пойдём!

Гаранька и Мишка уже дулись в носки.

Гаранька бил Мишку по носу целой колодой, у Мишки нос краснелся как свёкла.

- Будет, чё-орт! ругался Мишка, закрывая картой и оставляя во власти Гараньки только кончик носа.
- Раз!.. Держи ещё, держи... раз!.. хлёстко лупил его по носу Гаранька.

Мишка щурился.

Ермолка смаху подбежал к ним, подпрыгивая на одной ноге, и толкнул Гараньку.

- Будет вам... Вот!.. тряс он ремнями.
- Это что?
- Петька достал.
- Стянул?.. Молодец, Петька!

Гаранька встал, посмотрел.

- Молодец, Петька, обучим и не тому... Давай, я снесу.
- Я сам, хотел было Ермолка.
- Пошёл к чёрту, я лучше тебя ходы знаю.

Ермолка уступил.

- На гулянку хватит и свои зачтём. - Ладно, што ли, Петька? - спрашивал Гаранька.

Тот ответил:

- Ладно.

День прошёл весело. В носки уж не играли, а играли на деньги.

С той поры Петька ещё больше сдружился с своими товарищами, а больше всего он сдружился с Гаранькой, который его и на худые дела натравлял.

Три года прожил в учениках Петруха, – так уж брали года ученик, а на четвёртый подмастерье. В учениках жа ванье давали пустое – едва на одежду хватало; на четвёр год заработок шёл больше. Научился Петруха и узды вяз и шлеи шить, – больше всего к уздам наторел, – на эту раб и зарился. Работа лёгкая, плата поштучно, сколько сработ за то и деньги получил. Если прилежно работать, то руб сто верных в год на этой работе можно заполучить, а на рошего мастера и больше.

Стал себя Петруха считать большаком, к дому лы мало, - отстал. Бывало, отец сам ходил за получкой к кож ну, а теперь придёт разве только у сына что попросить, д то - что тот даст. Петруха распоряжался деньгами как хот хотел – давал, хотел – нет, хотел – нужду справлял, а хоте за форсами гонялся: калоши себе завёл, сапоги со скрипкургузый пиджак, - норовил барином обостриться, - ча даже с цепочкой купить зарился. И видел отец, что дело: ладно, да ничего не поделаешь, когда сын из воли ушёл. отца нужды было много; мужик Вилков был как есть муж нехватки по хозяйству да подати поедом его ели, то - то, т сё, семена да неурожаи, всякое дело своего спрашивало, 41 статки мужицкие известны - спина да пара рук, на труде к и дело стоит, а Вилков был и на водочку слабоват, пущева это его и губило, да и престольные праздники Вилковлю широко справлять; если всё сочесть, так из кулька в рогож мужик и перебивался. Скота было мало: две пары кур, в свиньи да лошадёнка хирявая, – вот и всё; была коровёны: пала, хозяйство не ахти, далеко не уедешь.

Плакался на такое дело немало отец, да делу не пособи скоро и сам свыкся, будто так и надо.

А нужда пришла. Тот год был неурожайный, едва семе: пособрали, совсем выбились мужики: на новый сев да на в

дати, под мирскую поруку, денег вздумали призанять. Дело было весной, в самый жар работы.

Один богатый согласился мужиков выручить, только чтобы осенью, как только с полей уберутся, деньги ему сполна представили. Взяли. На долю Вилкова тоже рублей тридцать перепало. У мужика когда деньги есть, так они не залежатся, сейчас же их к делу пристроит... Что их беречь? То надо, другое надо, вышли деньги, а там, глядишь, и опять нужда но носу. Должно нужда не от того, что денег нет, а так уж мужик с ней родился, да и она на людях прижилась, не лапоть – с ноги не сбросишь. Подползла она и к Вилкову.

Нехватки да нехватки, пришла осень, и осень Вилкову отдышки не дала: срок уплаты пришёл, а у Вилкова так же было голодно и пусто, как было и до того. Мужики кой-как пособрали, выплатили, не смог только Вилков.

Не потакнул мир, потому порука.

- У тебя, - говорят, - сын в заводе, - добудешь.

Пригрозили лошадь продать. Лошадь!.. Последнюю лошадь, чем только мужик и жив.

«Да без лошади мне, что без рук, – подумал Вилков, – перво-наперво в зиму возка дров – всё на кусок добудешь. А весна?.. Весной-то и совсем без лошади хоть помирай».

На Петруху надежда.

Пошёл.

На этот раз Петруха остепенился, не пил, на книжке прогулов не значилось. Отец пересказал ему всё; Петруха выслушал.

- Помогу, - сказал Петруха. - Зачем же лошади лишаться - денег попрошу у хозяина, - даст и вперёд.

Хозяин не дал.

- Надежда, - говорит, - на тебя плохая: пьянствуешь часто.

Упрашивать начали и отец и Петруха, всё дело объяснили – деньги нужны, потому что лошадь последнюю хотят со двора тащить; денег бы только и надо: семь рублёв заработанных да двадцать три вперёд.

- Не дам, решил хозяин. Вот семь рублёв полу_{чи.}
- Семь рублёв не помога, говорит отец, всё равно шадь возьмут

Не надеялся Вилков – мир отсрочки не даст, бывало де Не упросили. Хозяин отказал.

- Кабы время ещё два дня терпело, говорит Петруда, как бы ни то деньгами раздобылся.
  - Терпит, сказал отец.
- Коли терпит, поезжай домой, а дня через два заход оборудую.
  - Кабы такое-то дело, говорит отец.
- Оборудую, приезжай. Как можно, чтобы со двора: шадь увести? шутка сказать!.. Коли терпит, поезжай...
  - Терпит, приду, решил отец и понадеялся.

VI

Петруха повидался с Гаранькой.

- Дело есть, сказал Петруха, отзывая Гараньку.
- Ну, што?
- Спровадишь на место: штуки четыре кож припасу?
- Ну, вот тебе!.. валяй, не впервой.
- Только чтобы двадцать рублёв на руки, без этого ни-ни
- Будет, давай только.

Уговорились. На другой день к вечеру Гаранька с задовой щался прийти, а Петруха – кожи припасти, передать и шабац

В тот день, с самого вечера, как только поужинали, а брался Петруха в чулан, где кожи готовые для ремней лех. ли, подвернул их штук пять и связал, — узел вышел немалы Припрятал.

«На другой день к вечеру перенесу и передам, - подуж Петруха, - а послезавтра и двадцать рублёв на руки».

Дело не вышло: за Петрухой досмотрели. Стал заводчи на другой день выдавать кожи на кройку, не дочёлся пятитуда, сюда – украли. Промолчал заводчик. На того стал де

мать, на другого, остановился на Петрухе. Петруху он и раньше замечал. Стал следить.

Пошёл Петруха на то место, где кожи спрятал, хотел их на зады к забору отнести, как с Гаранькой уговорился. Дело было вечером, поужинавши, – не думал Петруха, что за ним заводчик подсматривал. Вытащил кожи Петруха, оглянулся по сторонам и понёс, – тут его и сцапали.

- Стой!.. Это что такое!?.. Мишка, Гришка, сюда!.. Сюда, проклятые, - вор!.. - кричал заводчик.

Петруха обомлел, он точно каменный сделался – столб столбом, и кожи из рук вывалились. Его окружили.

- Петька!?.. Ло-о-вко!.. Лупи его, ребята, лупи-и!..
- Стой!.. К хозяину его тащи!.. К хозяину!.. По шее его, по шее. та-а-к!..
  - Ха-ха-ха!.. Вора пымали, во-о-ра!.. Ло-о-вко!..

Рабочие сбежались, заглядывали в лицо побледневшему Петрухе и хохотали, точно были этому рады, а Петруха ничего не понимал: ему казалось, что он только что проснулся.

- Вора пымали, во-о-ра!.. - кричали рабочие и волокли Петьку в мастерскую.

Сказали хозяину. Тот пришёл.

- Что это такое? проговорил он, увидав толпу среди мастерской.
  - Вора пымали, вора!..
- Петьку! докладывал заводчик, уследил, я уследил, хозяйское добро вздумал таскать... Я те-е!.. замахнулся он на Петьку.
  - Да толком расскажи, остановил хозяин.
- Кожи хотел утянуть, целый свёрток припас. Я думаю, что такое, кож не хватает? Дай, думаю, послежу, и выследил, только он было хотел тащить их, а я и тут, да ка-а-к его!.. на месте схватили, на месте... с кожами, и кожи вот... Дайте-ка сюда, ребята; вот оне... Ах он, собачий сын, кожи таскать!..

Хозяин посмотрел на кожи, потом на Петьку.

- Ме-ррзавец! - закричал он и со всего размаху рего в лицо.

Из носу у Петьки брызнула кровь. Петька вздрогнул, крыл лицо руками. На него посыпались удары.

Хозяин озлился и бил его по чему попало; злоба і душила, что он не мог говорить, а только шипел:

- Ммерзавец!.. Подлец!..

Петька повалился в ноги.

– В шею его, вон!.. Чтобы духу не было!.. – приказал; ин и пнул его ногой.

Петьку вытолкали из мастерской, проволочили двор, высунули пинком за ворота.

Петька всю ночь пролежал под забором и плака: весть в нём вставала. Стыд охватил его и не давал поком только теперь понял всю свою дурноту, что пристала к и навсегда заклеймила позором. Наутро он пошёл опят завод, – ему думалось, что хозяин его простит и возьмё:

- Ты что?.. Опять?.. - закричал на него хозяин.

Петька бросился в ноги.

- Пошёл!.. Негодяй!.. Чтоб я опять тебя взял?!..
- Не буду... и пить не буду... Куда я теперь пойду сквозь слёзы говорил Петька.
- Паршивой овце такова и участь. Убирайся, пока и суд тебя не отдал!.. Добро чужое таскать?!.. Да за вами тот гляди да гляди, и не знаешь, как добро своё сберегать ты, скотина!.. Пошёл!.. Во-о-ровством заниматься!.. Ишь удумал... на чужие капиталы раззавиделся?.. Да кабы такие подлецы были, так не знал бы, как добро своё сбети... корми, пои вас, негодяев, да старайся для вас, содета вы... Убирайся! И ноги чтобы на двор не накладывал.

Хозяин отвернулся и ушёл.

Петруха нехотя пошёл со двора.

«Куда идти?.. – размышлял он. – Места искать?.. Вор, з я, вор!.. Вор никому не нужен... Так вор я, чёрт вас возьм Негодяй?.. Добро сберегать надо, а человека не надо?.. Может быть, я теперь всю душу из себя вымотаю, это ничего?.. Пальцами на тебя будут показывать: вор!.. Что же?.. так и надо; вор так вор. сам до воровства дошёл, сам осрамился, такова дорога».

Петруха прямо пошёл в кабак. У него в ушах только и было: «Вор!.. вор!..»

VII

Гаранька в ту неделю пьянствовал. Петруха встретил его в кабаке.

- Черт!.. Ты меня смучал, ты, ты! Ты довёл до этого! – грозил ему кулаком Петька. – Водки!..

Петька опустился тяжело на стул и ударил по столу ку-таком.

Водки подали, он сразу выпил её всю.

- «Так вор я, вор?!.. вор?!.. повторял про себя Петруха. Все теперь знают... вор!.. Может, так и надо, чтобы я был вор. Что же я теперь?.. Срам!.. А-ах, надо было, чтобы так случилось!.. Дурак я, дурак, набитый дурак... дурак и вор... дошло... до-о-шло!..»
- Водки ещё!.. потребовал Петька и упал головой на стол. До-о-о-шло... До-о-о-шло-о-о... плакал он. Водки, говорят вам!.. поднялся Петька. Довели, довели, чёрт возьми, довели!.. Сам на то пошёл... сам!.. Сам дурак!.. Ддья-волы!.. Я ввас, дья-вволы!.. рычал Петруха. Я вва-а-с!..

Петруха ничего не понимал, он не понимал, что выпил водки уже целых два полштофа, и не понимал, что перед ним давно стоял пьяный Гаранька и что-то говорил.

- Я вва-а-ас!.. На-те, берите, вор я, воо-о-р!.. во-ор, дьявол вас возьми!.. В шею!.. Так и надо... так и надо... Бей!..

Петруха опять стукнул кулаком.

- Б-бей!..

Гаранька наклонился и стал его тормошить. Петруха вскинул на него глазами.

– Ты што?!.. Ты-ы што?!.. – вскочил Петруха. - 0₈ смучать?.. Опя-я-ть?!.

Он сцепил зубы, наклонился вперёд, сжал кулаки и вился пьяными глазами на Гараньку.

- Оппя-я-ть!.. Сата-а-на!.. Вот тебе за всё!..

Петруха с размаху ударил кулаком в гаранькину тот запрокинулся назад и со всего маху ударился голово угол стойки: брызнула кровь. Гаранька повалился на повахрипел.

С Петрухи сразу соскочил весь хмель. Около него г чали:

- Убил, убил, убил!..

А Пётр стоял и не двигался.

Народ шумел: кто бежал прочь, кто подходил. На Побыло глядеть страшно: весь побелел, глаза раскрылись роко, по лицу бегали судороги, – стоит точно безумный. двигается...

- Что за происшествие? проговорил явившийся ук ник, потряхивая саблей и пробираясь толпой.
  - Убийство!..

Урядник нагнулся к Гараньке и посмотрел, - тот нев шал.

- Кто же это его?..

Все молчали.

- Я!.. - раздался вдруг глухой голос. - Берите меня-к равно... - Петруха протянул руки. - Этого недоставах только этого недоставало!.. - и заплакал.

VIII

Когда отец Петрухи приехал в село, Петрухи уже там: было, – его увезли в острог.

Помутилась у старика душа, как узнал он, что с сыстряслось. Закружил совсем Вилков и запил, домой ворог ся без шубы. С той поры хозяйство у него по всем четыре

уттам врозь пошло, и нужда ещё сильнее насела. Пёл в людях толк про Петра, что скоро его в окружном судить будут. Скоро и вести о суде въявь до Вилкова дошли – то было в самый престольный праздник. В этот день с самого раннего утра, несмотря на горячую рабочую пору, весь деревенский мир справлял свой годовой праздник. Народ ходил со двора на двор, угощался вином, пивом и брагой, пел песни и толпился около дворов и на улице, а больше всего народу было около деревенского кабака.

Артель мужиков, в стороне, на лугу, распивала четверть. Из кабака неслись пьяные песни и ругань. Слышно было, что там кого-то гнали и кто-то ругался. Через минуту оттуда вытегета чья-то пьяная фигура, которую вытолкнули из дверей кабака здоровым пинком в спину; пьяный взмахнул руками и, распластав их в воздухе, точно собираясь лететь, с размаху шлёпнулся на землю и окровянил себе лицо.

Это был Вилков.

- Черти, завонил он, поднявшись, души в вас, дьяволы, нет!.. Может, я потому и нью, что горесть свою хочу утолить... Го-о-ресть хочу утолить! он бил себя кулаком в раскрытую грудь. Вот она где... во-о-т!.. сосёт, подлая,.. а вам для человека стакана жалко!.. Ххыть-тьфу!.. Ххыть-тьфу!.. сисёвывал он кровь, которая текла из расшибленной губы. Я, мо... может, душу свою измотал. Ду-у-шу измотал!.. а вам стакана жалко... мо... мо... мо... моченьки нету... тягота!.. а вам стакана... да ещё... о-ох, в-вы!.. кровопийцы!.. измотали... измота-а-ли!..
- Да перестань, дядя Захар, крикнули ему мужики из артели, это тебя тут... иди сюда, иди, мы тебе сичас соорудуем... На, поди, пей, подносили ему стакан, пей!.. Эх ты, милый челаэк... милый... понимаем тоже, небось, коли праздник пей!..
- Во... во!.. говорил обрадованный Вилков. Во... это так... по хресьянски... а то... ду-у-шу... душа-то, брат, она

закрыта!.. показал бы я, може, тебе душу-то... Э-эх, гор, одно слово!..

Вилков выпил стакан и утёрся.

- Вот как!.. вот как!.. крикнул не своим голосом 3 к. Ежели было бы можно... нате, мол, православные, гля а то стакан... помирать бы лучше, кажись... потому к своя... свою кровь жалко... кровь своя стра-а-дда-е колотил он опять в грудь. Родное дитё!..
- Как не жаль единственный сын, подтвердили у ки. Поди, сердце-то нытьём изныло...
- Мм!.. потряс головой Захар и не сказал больше ко руками заёрзал.

Захару поднесли ещё. Скоро он совсем захмелел пился прямо на солнцепёке, на траву, и захрапел.

- Ox, ox, ox... жисть! сказал сидевший рядом со стой мужик.
- Допрежь мужик-то был справный, говорил деся:: Липат. – Поди ж ты, как его пришибло!
  - Предел, подтвердил староста.
- Парня-то жаль Петруху-то, продолжал Лида сгиб... Кабы на деревне был, может, и до сю пору на правд делах состоял. В дому-то он опора единственная, а выша поди вот, такая оказия...
  - Грехи, проговорил опять староста.
- То-то, грехи, кабы не грехи, так бы што, а ты вет. дишь, грехи-то и тянут; в грехах-то вот вся суть, при жал Липат. Да чьи они грехи-то? Может, не одного его хи, Петра-то, может и другие чьи на такие дела его толка
  - Жисть одно слово. Предел, говорил староста.
  - Когда суд-то над ним? спросили мужики.
- Кондратьичу наказ был на вчерашний да сегодня: день в окружном состоять. Полагать надо, что сегодня: черу обратится, ответил староста.
- Ишь линия вышла присяжный! проговорил во ский, наливая стакан.

Затихшая артель опять начала свою попойку.

К вечеру, на самом закате солнца, вернулся и Кондратьич в деревню.

Его завидели ещё издали, когда он показался вдали по пыльной дороге с котомкой за плечами и палкой в руках. После жаркого дня, прохладным вечером, народ весь был на утице. У кабака всё так же сидели мужики, только которые опитись до гого, что лежали уж пластом на земле.

А ведь, поди, это Кондратьич идёт, – указал один из сидевших мужиков на дорогу.

Кондратьич и есть, – подтвердили другие. – С окружното, присяжный... с вестями, поди?.. Что-то с Петром-то... Эй. Захар, Захар!.. – будили мужики спящего Вилкова.

Кондратьич подходил ближе, а завидя его, все сбегались к кабаку.

- Эй, Захар, слышь, што ли?!.. вставай!.. Кондратьич вернулся... с окружного...

Захар лениво открыл глаза, повернулся на брюхо и, при-поднявшись на локтях, бессмысленно уставился на толпу.

А Кондратьича окружили и закидывали вопросами.

Проспавшийся Захар, увидав Кондратьича, вдруг почуял, что у него внутри что-то оборвалось; он вскочил и, растальивая толпу, пробрался к Кондратьичу и как-то глухо, отрывието спросил:

- Ну, што?..

Кондратьич только махнул рукой и сел прямо наземь.

Толпа молчала, а Захар следил за каждым движением Кондратьича и замер на месте, ожидая услышать что-то страшное.

- Кончено, други... Петрухи-то жа-а-ль... – заговорил он дрожащим голосом. – Молод ещё... Когда его судили, всё плакал, сердешный... навзрыд... Виноват, говорит, перед Богом. А сам всё плачет, всё плачет... бледный, бледный, точно мертвец... исхудал-то ка-а-к...

На глазах Кондратьича навернулись слёзы.

– Домой всё просился... Грех, говорит, замаливать буд Душой, говорит, я ослаб... Вишь света-привета доброго всю жизнь не видал человек, – только и было одно, что ещ грехам притягало и толкало его так всё вперёд да вперёд той поры, пока совсем не сгубился парень...

Кондратьич замолк и протянул свои уставшие _{ноги, р} махавшие за этот день слишком шестьдесят вёрст.

- Осудили? спросили из толпы.
- Суд короток... известно, проговорил Кондратьич, глядя на толпу.
- Чем порешили-то? нетерпеливо спросил десято: Липат.
  - Порешили с концом: на ссылку в Сибирь.

Кондратьич закрыл лицо руками, точно ему стыдно столо глядеть на толпу.

Толпу как-то пришибло. Все молча начали расходиться даже захмелевшие и те поплелись домой. Несчастный Закс словно замер на месте: как стоял, так и остался; а Кондраться долго сидел с опущенной головой и думал тяжёлую думу.

НА ВОЛГЪ

или

ЗЛОМЪ ГОРЮ НЕ ПОМОЖЕШЬ.

Маданіе книгоиздательства "ПОСРЕДНИНЪ"

M: 66.

Типографія торг. дома А. Печковскій, П. Булапже в К⁶. Москва, Пантелеевскій пер., соботвожный дема. № 68. 1906.

Дозволено цензурою. С.-Петербургъ, 15 іюня 1905 г.

на волге, или злом горю не поможешь

Ī

Наступал вечер. В маленькой избе было почти темно. На павке, в переднем углу, лежала больная женщина и изредка стонала. Подле неё на скамье сидел сын её, лет пятнадцати. Его оставил отец в доме хозяином, а сам уехал на заработки.

Лежит больная и тяжело переводит дух. Мальчик то начинал дремать, то тревожно взглядывал на мать. А она лежала как будто в забытьи. Потом поворотилась, открыла глаза, охнула и позвала:

_ Ваня! а, Ваня!

Подошёл к ней мальчик, нагнулся и говорит:

- Чего тебе, что, мама?
- Ох, голубчик мой, сядь сюда, посиди.

Сел Иван, смотрит на него мать и заплакала; глядя на нее, заплакал и Иван.

- Да что ты? говорит он.
- Ох, Ванюшка, плохо что-то мне: недолго проживу, помру я, помру-у-у!

И заплакала опять больная.

- Да полно, мама, зачем ты, зачем... не плачь!
- Жалко мне, Ванюшка, о-ох жалко!..
- Да перестань плакать-то! Бог даст полегче будет.

Поплакала она, успокоилась и просит:

- Сядь опять, посиди, Ванюшка, хочу я с тобой поговорить, давно я с тобой поговорить-то хотела – уму-разуму почить, про жизнь рассказать; про свою я жизнь-то расскажу, на себе что испытала, и чему меня Бог научил.

И начала она:

- Радости да счастья в жизни-то мы ищем, Ванюшка, как лучше бы нам жить, да чтобы хорошо нам было, а не находим этого в жизни, всё маемся только. А потому не находим, что не понимаем, где счастье искать, потому что зло в нас сидит и с пути сбивает. Вот много я и сама в жизни-то видела, больше в горести жила да добра не знала, и не понимала я, как жить надо, чтобы по-Божьи было; тогда только я это узнала, когда Господь тому научил.

Горе да зло меня встретили, когда я замуж вышла, в большую семью попала; а в большой-то семье тогда только хорошо, когда в миру да согласье все живут. Сохрани Бог, если зло в такой семье пойдёт, распадётся она и добра ей не будет. Жили мы сначала в семье в ладу, без греха жили - друг дружку уважали и батюшку слушались; а тут и заведись у нас грех; между бабами сначала пошло, из-за пустяков грех-то открылся, - всегда он с малости начинается. Уступать никому не хочется, ну и пойдёт разладица, а с этого и хозяйство уж не так пошло, из-за работы перекоры стали - кто много, а кто мало работает, и стала я мужа своего к делёжке подбивать: отойдём, мол, своё хозяйство будем править, а тут работай на чужие рты да от своего отказывайся. И разбилась наша семья... Отошли мы с мужем; домишком обзавелись, своим хозяйством заниматься стали. Перво-наперво ничего было, радовалась я, что из семьи из-под начала вырвалась, сама, мол, хозяйка стала, по своей воле живу... А тут и узнала я, как труднее порознь-то жить; как много-то нас было, так и с нуждой сообща справлялись, а тут одной приходилось биться - помоги не было; пошли у нас ребятишки, ещё мне тяжелее стало, и мужу я плохой помощницей по работе сделалась. Работает, бывало, муж один, старается, без устали работает, да у одного-то, видно, всё не так спорится, и бьётся как рыба об лёд. А тут ещё со скотиной беда: то лошадь заболеет, то корова сдохла, а там и недоимки... и сшибло это нас с дела, никак с бедой не справимся, и пошло наше хозяйство хуже да хуже. И вспомнила я тут, как мы в семье-то жили - недостатков не видели, и стало мне обидно да горько, зло меня

взяло, на своих злиться стала, будто их вина... Ох, Ванюшка, от зла-то – зло в себе будишь, в любви-то да согласии куда как лучше.

Порознь каждому тяжело, силы у одного мало, а сообща бы всё легче.

Вижу я, как муж-то один с нуждой молча перебивается, вижу и сердцем своим надрываюсь, переболело всё моё сердечушко, да и ему невтерпёж стало с нуждой справляться, и озлился он на меня же: ты, говорит, всё смутила... И начал он пить, а потом бить меня стал. Терпела я, и горько мне было. Ох, горько! Ещё хуже жизнь наша стала, нелады у нас с мужем пошли, он всё из дому тащит, пропивает, а я бьюсь одна по дому да с ребятишками.

Да где же было справиться? И в поле и в доме неуправка. Сколько раз без хлеба сидели. Вот и заставила нужда по-миру идти... Ох, тяжёлая нужда только заставит в люди за куском идти... и пошла я тайком по чужим людям собирать; пойдёшь ночком, посбираешь да домой принесёшь... Много слёз я выплакала, а не хотела зла оставить, не хотела перед своими повиниться и не смирилась я сердцем. И жила я так злом да завистью, душой измучилась. А тут помер батюшка-свёкор, и ещё на одно меня лукавый подтолкнул: стала я мужа к суду подбивать, чтобы в делёжку с братьями вступился. Как затянули мы это дело, так и последнее всё прахом пошло... Ох, в тяжбах толку-то мало! Как по-Божьи бы, по правде жили, так и добро бы видели.

Затянулись мы с тяжбой, не знаю, что бы дальше было, до чего бы во зле-то дошли, если бы Сам Господь нам путь не указал – наше сердце не смирил.

Пристал как-то раз у нас старичок древний проходом куда-то; пристал да разговорился, про бедность нашу помянул; да как выслушал, что с нами было, и как мы прежде жили, и сколь между собой вражды завелось, покачал головой, да и сказал:

- Не к добру всё это; зло вы, други, делаете, не так жить-то надо: хочешь, чтобы себе хорошо было, другим тоже доброе делай.
  - Как же, мол, это, дедушка, научи?

А он и говорит:

- К добру надо жить, а не к худу; только то делать, что $_{\rm Dor}$ тебе велит, а $_{\rm For}$ только в любви; как будешь жить в любви- $_{\rm To}$, в спокое будешь и в радости, и зло не повредит тебе. Кабы в миру-то да в согласьи жили, и суда бы меж вами не было, а $_{\rm To}$ только зло да трата одна.
  - Да что же, мол, дедушка, делать-то?
- Гасить, говорит, надо, гасить, зло погасить, чтобы не разгоралось, вреда бы вам не делало.
  - Да как, мол, гасить-то его?

А сама думаю: «Гасить, говорит, – ведь не огонь, чуден человек».

И говорит старик:

– Гасить-то как? Так надо гасить, как Бог сказал, как Христос велел: добром надо гасить зло-то; у Бога просите, чтобы разум просветил, путь указал, – как узнаете правду, как жить Бог-то велел, так легко сделается, жизнь поймёте... Ох, много мы сами себе тягостей делаем: зло разводим. Старайтесь, други, старайтесь: гасите его.

И не сказал больше ничего, и лёг спать, и заснул, а я всё о том думала, как это зло гасить.

И начала я с той поры про эти речи думать да того средства искать, как зло погасить, и стала я Бога просить, чтобы вразумил меня – путь указал, а как стала я об этом думать, смягчилось моё сердце и в душе легче стало. И нашла я, Ванюша, средство то, чем зло можно погасить; в себе его нашла, не понимала я, глупая, раньше, что жизнь-то наша любовью держится. Смирилась я, себя пересилила, вражду из сердца выбросила. И вздумала я облегчить себя, пошла к своим, чтобы прощенья у них просить. Прихожу к ним, а они всей

семьёй завтракать собрались; как увидали меня на пороге – чудно им это – уставились все на меня...

201

Вошла я, помолилась да прямо им в ноги бросилась, – простите, мол, меня Христа ради, обижала я вас, зла много делала, а теперь Бога вспомнила. И заплакала я, лежу на полу, не встаю, плачу да прощенья прошу; не уйду, мол, без того, Бог так велит, простите меня, зла не помните, душу мою успокойте.

И встал брат из-за стола, подошёл ко мне, подымать на-чал.

- Что ты, говорит, встань, чай, мы люди тоже...
- Не встану... простите Христа ради, погасите зло-то... И сказал брат:
- Бог тебя простит, зачем зло помнить, нас прости.

Как сказал он это, все из-за стола встали, меня подымать начали, на лавку усадили.

- Прости, говорят, ты нас: сами много грешили.

Бросилась я к ним, заплакала, и они заплакали. И стало после этого ровно светлее всем, радость какую-то почуяли, весело всем сделалось, за стол меня с собой посадили, ровно праздник большой мы в этот день встретили.

Как сделала я это и себя облегчила – будто опять на свет родилась: и зло во мне прошло, и горя убавилось, а на сердце легко сделалось.

Как помирились мы все – и жить стало покойнее, друг другу помогать начали, и муж ободрился. Пить бросил, за работу взялся. И тут только мы свет увидали да Бога поняли, и поняла я, Ванюшка, чему Бог-то нас учит: любви, добру Он нас учит, как лучше, чтобы людям было; не зло Он даёт, не тяжести, сами мы тяжести себе делаем. Вот так-то и я до поры жила да маялась, как зло-то носила, а как поняла я Бога, так и добро увидала... Ох, в любви-то, в любви бы людям жить, Ванюшка, свет бы увидали, а то мы ищем счастье-то, а оно в нас, не понимаем мы только этого... на себе всё испытала,

сама узнала. Добра держись и сам добро увидишь... помни это, Ванюшка, не худу учу, как жить учу, чтобы по-Божьи было... Его помнить надо.

И замолчала она.

И понял Иван, чему мать учила; и взошли те слова в серд. це Ивана, и стал он о них часто думать и на своей жизни проверку им делать.

Недолго прохворала мать; схоронили её.

II

Вскоре пришло к Ивану известие, что отец его на заработках помер, и остался Иван один. Погоревал он, потужил, подумал о том, что ему делать, что начать и решил за крестьянство взяться. И стал править хозяйство, как умел. Хоть и бедно он жил, а всё-таки не хуже людей дело правил, пьянством не занимался, не баловался, и все уважали его.

Прошло года три. Пообжился Иван, свыкся с делом, и стал он о другом думать: хозяйку ему хотелось в дом взять, жениться задумал. Как решил он это, начал себе подругу по мысли искать. И пришлась ему по сердцу такая же сирота, как и он сам, девушка Маша из соседней деревни. Жила она у дяди на посовушках да на поколотушках; после отца, матери маленькая осталась и не видала она ласки, только в тяжёлой работе да тычках жизнь её проходила. И стал Иван в ту деревню каждый праздник ходить.

Полюбилась ему Марья, и он ей по душе пришёлся. И стал Иван ждать, когда время посвободнее будет, чтобы посватать её, как вдруг явился ему соперник в этом деле. То был товарищ его — Василий, зажиточный парень из одной с ним деревни; он тоже вздумал за Машу свататься.

Услыхал это Иван, упал духом и загрустил; думает: «Где мне с ним тягаться: парень богатый, за него скорее отдадут - собьют Машу». Скоро свиделся Иван с нею, она ему и говорит прямо:

 Полно грустить, Ваня, пойду ли я за кого?.. За тебя только и пойду.

Успокоился Иван. А родные Маши хотели уж совсем сватовство покончить, за Василия решить. Не думали они, что Марья противиться будет. И во сне, думают, такого жениха она не видала, да упёрлась Марья. Удивились родные, — что это с девкой сталось: то смирная да покорная была, ослушаться не смела, боялась всех, а тут совсем другая сделалась.

- Не пойду, - говорит, - что хотите делайте.

И говорят ей:

- Да ты что, глупая, какого ещё жениха тебе: парень хозяйственный - деньги есть.
  - Что мне деньги? Не видала я их, и не нужны они мне.
- Худо без денег-то; лучше иди, за кого тебе велят, чего упрямишься!
- Да что с ней толковать, сказал дядя, она всегда эдак; кончайте: по рукам, - и шабаш.

Бросилась Марья ему в ноги.

- Дяденька, не губи, пожалей меня! Не пойду я за Василия, что хотите делайте!..
  - Да что это ты, ослушаться вздумала?
- Не ослушивалась я никогда, не ослушивалась, спасибо вам, за хлеб, за соль спасибо, а теперь не невольте меня... не по сердцу мне...

Так и не могли уговорить её; порешили одуматься дать и дело оттянули.

На другой же день стал и Иван свататься.

- Ну, что, спрашивают опять Марью, за которого больше сердце лежит; не Ивану чета Василий-то.
  - За Ивана, говорит, пойду.

Засмеялись все - за шутку приняли.

- Да ты полно дурить-то, дело говори, сказал дядя.
- Не шучу я, дядюшка, уж коли делу быть, так за Ивана пойду.

И стали её опять уговаривать, чтобы шла за Василия. А Марья упёрлась на одном: не по сердцу Василий – за Ивана иду.

- Да ведь он голыш, Иван-то!

– Что ж, что голыш, да люб он мне, – тихо сказала Марья и потупилась, покраснела вся.

Махнул на неё дядя рукою; сама, думает, захотела, лучше - пенять ни на кого не будет.

И отказали Василию; отдали за Ивана и скоро свадьбу сыграли.

Ш

Зажил Иван с женою душа в душу; словно радость какую она ему принесла; весело ему стало, и работается легко.

Работает Марья, мужу по хозяйству пособляет, и не нарадуется на неё Иван; думает, что счастливее его и человека не найдётся, был он доволен всем, что сам трудом добывал.

Как случилось то дело, что Иван Марью за себя взял, Ивану стало хорошо, а Василию – худо. Крепко озлился Василий, что Иван Марью отбил; не то уж ему больно обидно, что Марья за него не вышла, а то, что Ивана предпочли. И стал он врагом Ивану; начал искать случая, чтобы Ивану отомстить; и в малом и в большом норовил досадить ему: то со двора что-нибудь стащит, то скотину изувечит, то хлеб в поле охлыщет.

Знал Иван, кто ему эти каверзы творит, да терпел; думал: образумится парень когда-нибудь; и не делал Иван зла на зло, молчал, долго терпел и, наконец, решился поговорить с Василием. Встретил как-то раз Иван Василия в поле, остановил его и стал говорить с ним. А Василий нехотя отвечает ему и сам смотрит в сторону. Сначала про разные дела толковали, а потом заговорил с ним Иван про обиды его. Как только начал Иван ему выговаривать, Василий в задор вошёл, стал ругаться и пригрозил Ивану ещё хуже сделать.

Заговорил, было, Иван:

- Полно, Василий, одумайся, что я тебе сделал? Ну, за что ты озлился на меня? Побойся Бога! - и ещё что-то хотел сказать, да отдёрнул Василий от него руку, плюнул и проворчал:

. . . .

- Ишь толкотню завёл, сказал: достану тебя - и достану! И пошёл Василий прочь от него, не стал и слушать. Так и не смягчилось сердце Василия, а всё больше и больше враждовал он против Ивана, особенно как выпьет.

А это с ним часто бывало.

IV

Собралась раз Марья в другую деревню к своим погостить; встала утром пораньше, с делом убралась и говорит мужу:

- Я хочу к своим, Ваня, ныне сходить в деревню: давно не была – повидаться хочется.

Иван и говорит:

- Поди, пожалуй, отдохни немного, а то ты всё за делом да за работой, – измаялась чай; только не уходи надолго, Маша; погости денёк, а к вечеру и домой.

Срядилась Маша и пошла к своим.

Пробыла она там весь день, а к вечеру стала домой собираться.

- Да что ты, Марья, стали останавливать её, погоди, ночуй у нас, а утром и домой пойдёшь; а то и завтра пробудь, не сласть, чай, дома-то, всё в работе да в заботе.
  - Нет, говорит, идти надо: муж ждать будет.

И пошла Марья домой.

Идёт она, уж вечереть стало, а нужно лесом идти. Вошла она в лес, жутко ей сделалось — идёт, торопится, по сторонам глядит. Вышла она на одну прогалину, глядит: сбоку какой-то человек идёт; торопится Марья, и человек торопится; всмотрелась она и узнала, кто это, обрадовалась попутчику.

- Василий, - говорит, - домой, что ли, идёнь? Остановился Василий, смотрит на неё.

- Марья!.. ты это? Домой, значит, идёшь? Пойдём вместе. И пошли они оба. Молчит Марья, молчит и Василий хмурый какой-то. Потом заговорил Василий:
  - К своим, что ли, ходила?
  - К своим, сказала Марья.
  - Гостить вздумала! Чай, дома-то плохо тебе?
  - Что мне плохо? Кабы плохо, не шла бы домой-то!
- Ну, рассказывай! Всё в доме да в нужде... не так бы жила, кабы за меня пошла.

И сказала Марья:

- Работа не позор, грех без труда-то жить.
- Батрачкам так жить-то кто в работницах.
- Да ведь и у нас не в золоте руки-то; на то их и Бог дал.
- Радости мало увидишь, век маючись, вот что, сказал Василий.
- Радость не в золоте; иной и в золоте, да слёзы текут, а иной и в нужде, да радость видит.

Помолчали они.

- Зачем ты тогда за меня не пошла, Марья? опять спросил Василий.
  - Полно, Василий, что ты вздумал...
  - Нет, скажи: отчего ты тогда не пошла?
  - По сердцу я пошла, вот что...
- За Ивана-то по сердцу?.. Эх, Марья, Марья, брось ты, право, Ваньку; уйди от него; бежим со мною, в город уйдём; так заживём люди завидовать будут. Разодену тебя, только холить буду, кралей будешь, не то что...
- Нехорошо говоришь, Василий, муж ведь у меня, по закону живу, сказала Марья. Сама по любви я замуж шла, да и уйду от него?

Разозлился Василий.

- Что мне закон, - говорит. - Чем я хуже твоего Ивана? Идём со мной, брось ты его...

Марья остановилась.

– Перестань, не дело ты говоришь, сам, чай, понимаешь. Дура я, что ли, от мужа-то невесть почто уйду?

9 . . . . .

- Это я-то не дело говорю? Постой, Марья, не шучу я: пойдёшь ты или нет? Брось Ваньку, говорю тебе, - и взял он, было, её за руку.

- Да отстань, говорит Марья, ишь пристал, шутить, что ли, вздумал!
  - Э-эт, Марья, кабы шутил я... жить без тебя не могу!

Промолчал Василий, молчит и Марья, только скорее идти торопится, а Василий опять заговорил:

- Кажись, жизни не рад!.. Иной раз руки бы на себя наложил!.. Брось ты, говорю, Ваньку, терпеть я его не могу... уж если что – спроважу я его...

Встрепенулась Марья.

- Что ты, Василий, Бог с тобою!
- Уж... не тревожь ты, Марья, не зли меня: себя не пощажу, коли не пойдёшь со мною.
  - Не пойду! Глупый ты, вот что! По любви шла да уйду!
  - Эх, Марья, а я-то разве не люблю тебя?
- Да престань ты это; уж коли тогда не пошла, так теперь и подавно. Ишь, что вздумал!
- Ну, Марья, не стерплю я; не идёшь со мною так погублю тебя; не доставайся уж никому, коли так...

Освирипел Василий, глаза даже кровью налились. Испугалась Марья, говорит:

- Что это ты, Василий, опомнись, Христа ради!
- Слушай, Марья, погоди, в последний раз говорю: убежишь ты со мною или нет?
  - Да отстань, не хочу я тебя!
- Беду сделаю... не стерплю, и Василий схватил её за плечо.
- Сказала: не уйду от мужа, что ты пугаешь? Пусти, идти надо.
  - Нет, постой, не пущу... Так не уйдёнь?

- Пусти, говорят!
- Убью ведь... тебя убью!

Не помнит себя Василий, не помнит, что и говорит. Вырвалась от него Марья и бросилась бежать, бросился и Василий за ней; а в руках у него палка толстая была.

Совсем обезумел он, кричит:

- A, ты так, от меня бежишь, к Ваньке бежишь; не отдам же ему, на же тебе!

И бросил он в Марью с размаху палкой. Рухнула Марья, ровно сноп свалилась. Упала она, лежит не шевельнётся - палка прямо по виску попала.

Подбежал Василий, поглядел, – не жива она, и дышать перестала. Испутался он, остолбенел сначала, стоит да на Марью смотрит. Потом вдруг опомнился, схватился за голову и бросился бежать.

V

Долго ждал домой Иван Марью; уж темно сделалось - ложиться спать на деревне стали, а Марьи всё нет да нет. И думает он: «Что бы это такое? Давно бы ей пора дома быть, долго что-то она. Не случилось ли разве что?» И затосковал Иван; спать не ложится, всё за ворота ходит, на улицу глядит, Марью ждет. Наконец, не утерпел Иван. «Дай, – думает, – лошадь запрягу, за ней поеду, что она там». Так и сделал Иван.

Выехал он, а сам на дорогу всё присматривается, – не идёт ли где Марья. Едет он так лесом, лошадка трусцой бежит; смотрит: на дороге что-то чернеется. Подъехал ближе, захрапела лошадь и в сторону бросилась; соскочил Иван, посмотрел издали, – лежит что-то на дороге, как будто человек. Кольнуло Ивану в сердце: не Марья ли уж это? Бросился вперёд, подбежал – смотрит и впрямь Марья; лежит она навзничь, голова запрокинулась. Нагнулся он поближе, смотрит: кровь около. Завопил тут Иван, заплакал, припал к ней, голову её ухватил.

- Ах, Господи, что это ты, что ты?.. Маша!.. Маша!.. Пошевельнулась легонько Марья, вздохнула и глаза открыла.
  - Маша, Машенька, голубушка, что это, что с тобою?
  - Ваня, ты это?.. Голубчик мой... Прости...
- Да, что ты?.. Что это?.. Кто тебя... и не договорил Иван и заплакал.
- Перестань, Ваня... Бог с ним... Василий это... и закрыла глаза Марья, слеза на щеке показалась.
- Мащенька, погоди, голубушка, я подыму тебя... на лошадь... домой повезу...
  - Не тронь, Ваня... Плохо мне... Недолго проживу.
  - Да нет, погоди, зачем это ты... вот я на руки...

И поднял Иван Марью, на руки взял и домой повёз. Забылась Марья, лежит на руках, чуть-чуть дышит. Привёз Иван её домой, в избу внёс, на лавку положил и водой начал рану мочить. Всю ночь он около неё прохлопотал, отойти не смел. А Марья то придёт в себя ненадолго, то онять забудется.

утром вся деревня узнала, что с Марьей случилось; пошли толки, догадки разные; а Иван про всё забыл, только на Марью глядит; как привёз её, так ни на шаг не отходит, и лошадь забыл отпрячь, и ворота настежь стоят.

Недолго промучилась Марья: в тот же день Богу душу отдала; в последний раз пришла в себя, открыла глаза, взглянула на мужа и еле-еле проговорила:

- Ваня... Ваня... Ах, милый мой... - и не выговорила больше, только слёзы из глаз полились, и дышать реже стала; опять глаза открыла, ещё что-то сказать хотела и застыла вдруг; глубоко-глубоко вздохнула, и так и умерла она на руках у Ивана.

Зарыдал Иван, на грудь к ней припал.

- Ах, Маша, Маша, радость ты моя, взгляни на меня, голубушка!

Зовёт её Иван, умиляет, а она лежит, не шелохнётся, буд-то крепко-крепко заснула.

Бросился Иван на пол и зарыдал.

- Господи, Господи, что же это? За что? - и потерял опять память.

VI

Похоронили Марью, остался с своим горем Иван. Много он дум передумал, много слёз пролил... Ещё тяжелее ему было от того, что как станет думать про смерть Марьи, так и вскипит у него в душе злоба, думает: «Объявить или нет, кто убил Марью?» Мучило его это, и не знал он, что с собой делать.

«Эх, пойду объявлю, пущай его, изверга, судят».

И пойдёт Иван, а потом одумается и махнёт рукой: «Да что толку-то будет? Ведь нет её, не воротишь... не дадут её мне... Ах, Маша, Маша!»

И повесит Иван голову и назад повернёт. Пройдёт это с ним, а как задумается, опять на ту же мысль нападёт.

«Да, что потакать-то ему?.. Марью у меня отнял да и поступаться так?.. Злодея скрывать?.. Нет, надо объявить! Ах, Господи, Господи, что же мне делать? Радость у меня отняли, душу отняли! Ах, не воротят ведь, не воротят её! Что мне с того, что его засудят, всё равно её нет, не будет её...»

И мучился так Иван долго.

Много было разговоров на деревне, и следствие снаряжали, и Ивана допрашивали. Не сказал ничего Иван; вспомнил, что ему Марья сказала: «Бог с ним!» – и промолчал про Василия.

Долго в горе был Иван; угрюмый такой сделался, задумчивый, говорит мало. Работает, бывало, топором что-нибудь рубит, да как махнёт топор в сторону, работу бросит, сядет и голову руками обхватит. Сидит так иногда час и больше, сидит не шевелится, только изредка вздыхает.

Жалели его многие соседи, уговаривали.

– Нет, – говорит, – пропала моя радость, совсем пропала! Погибла она, моя голубушка! Жизнь у меня отняли: только и богатства было... – и заплачет.

И совсем закручинился Иван: целые ночи не спит, по целым дням не ест; сидит где-нибудь да горькую думу думает. И хотелось бы забыть Ивану, да горе никак из сердца нейдёт. Иной раз до того доходила тоска, что готов бы и с жизнью покончить, и злоба тогда опять на сердце закипит.

- Господи, не попусти на зло! - просил он только Бога.

VII

Стали бабы об Иване на деревне толковать, что с парнем худо делается; стали по-своему его горе судить; решили, что лукавый опутал его, виды ему разные представляет, огненным змеем летать к нему начал и в образе Марьи являться; и оттого, дескать, он и по ночам не спит, да и стук часто у его дома слышится.

Пошли бабьи толки да разговоры, суды да пересуды; одна баба соврёт хорошо, а другая лучше; нашлись и такие, которые стали с божбой уверять, что своими глазами видели, как нечистый огненным змеем над Ивановым домом рассыпался.

Сидят бабы вечерком на завалинке, около них ребятишки играют, а немного в стороне мужики собрались. Сидят

бабы и токуют.

- Иду я, матушки мои, как-то раз к тётке Матрёне, говорит одна баба, иду позднё-о-хонько. Прохожу мимо Ивановой-то избы, как вдруг осияет, светло таково сделалось; испужалась я, бабыньки, взглянула, а «он» и летит, да так и пышет, так и пышет; хвост-ат дли-и-н-ный, а голова-то ровно чан какой, а из пасти-то огни сыплются, так вот и сыплются; как поровнялся над Ивановой избой, как грохнется оземь, да как рассыплется... Батюшки мои! Чуть опомнилась я, молитву сотворила да насилу до дому добегла.
- Ax, Господи, Владычица-матушка... страсти-го какие, страсти-то!..
- И-и, бабыньки, извелся парень-то, совсем извелся, вра жья-то сила, ишь, его забрала... один всё... почитать бы над ним, бабыньки, знахарке сказать...

- К попу надо, водицей бы побрызгать лучше отшибает; было раз эдак-то у соседки с молодухой попритчилось, кликать стала, так батька пришёл, это, говорит, бесы издеваются, я, говорит, живо вытурю; как побрызгал маленечко, ровно рукой сняло.
- А я иду раз, матушки, начала рассказывать другая баба, уже вечереть стало, иду я это, а у Иванова-то плетня что-то шуршит; стала я, матушки, прислушалась ровно кто стонет, инда за душу берёт; заглянула я за плетень-то, а Иван-то и сидит, на корточках эдак сидит один как есть распреединый, никого возле него не видать, сидит он эдак, да ровно с кем говорит, головой качает. Слышала я только, будто Марью помянул; испугалась я, поняла, что нечистый возле него... Ноженьки подкосились и креста сотворить не могу; как собралась я с духом-то, да как бросилась со всех ног бежать, а позади-то как загогочет, как загогочет, да так стра-а-шно, индо дух мне захватило.
- Ох, грехи, грехи, Господи, Батюшки!.. шепчут бабы и крестятся.

Слушал эту болтовню сидевший тут на завалинке старый дед, слушал, слушал, да не вытерпел и говорит:

- Буде вам языки-то чесать: ишь ребят только к ночи пугаете; сами не понимают ничего, а пустяковину тараторят, околесину плетут... грешно этому верить-то.
  - Да как же, дедушка, сами ишь видели...
- А вы бы зенками-то больше глядели; ишь видели, а что видели и сами не знаете; у парня горе на сердце, а они нечистый летает; доведись до всякого, как горе-то хватит... не в перенос станется... Ох, Господи, Батюшки!..
  - Да сама, дедушка, сама я видела!
  - Да что ты видела-то?
  - Летит он, летит стра-а-шный!
- Да что летит-то? Мало ли что летит, вон звёздочка когда падает... всё тварь это, от Бога всё.

- Какая звёздочка! Разве я не знаю? А это большу-у-щий.

- Тварь это всё, говорю. Мало ли что ночью-то светится! Вон сернички когда али гнилушки тоже свет дают, в лесу вон червячки такие бывают, мало ли что на свете есть, всё Божье, а по-вашему, сейчас и нечисть. Ты вот видела только, а не знаешь, что это, а это всё творение Божье... сила такая есть; вот как молонья али другая какая... Всё Божье. Вон спроси любого мальчишку, который учится да книжки умеет читать, и тот тебе умнее скажет, как в книжках-то написано, что люди до многого допытываются и доходят, а нечисти нигде не нашли. Вы только с дурью-то со своей и ребят с толку сбиваете. В сердце нечисть-то, в вас она, коли зло делаем, вот она где бывает-то. Вот на это бы смотрели, что нечисть в сердце разводите, добру бы учили, а то на, человек в горе, а они своё... поклёп делают, сказки выдумывают... Ах вы, пустомели!.. По-Божьи бы боле жили, дело бы разбирали, не разберут да не поймут, и давай чепуху молоть; молчали бы лучше, греха на душу не брали... Ох, Господи, Батюшка, глупый народ-то, как есть тёмный!..

Встал дед и пошёл домой. Замолчали бабы, не знали, что старику сказать. Кто поглупее - своё в душе держал, в выдумку свою верил, а кто поумнее - одумались да старика нослушались.

VIII

Как мучился Василий после своего недоброго дела, о том один Бог знает. Всячески старался он заглушить свою совесть, да плохо удавалось ему это. Всё больше и больше вдавался он в пьянство; пропил всё, что у него было, работь совсем бросил и озорничать начал: го в руготию, то в драку влезет; перессорился со всеми и, наконец, норонать стал.

Много раз ловили Василия на воронстве, под арест всем миром сажали, даже секли не один раз; все таким же остался Василий: никак не могли его исправить, еще хуже сде шется, озлобится на всех и за старое дело опять возьмётся. Махнули на него рукой, опасаться только стали да в стороне от него держались: боялись, как бы ещё хуже чего не сделал – деревню со зла не спалил бы.

Много худых дел творил Василий, да не одно дело его так не мучило, как то, что он Марью убил; не даёт это ему покоя ни днём ни ночью, и не знает он, как бы забыться и чем свою муку заглушить.

Тошно стало жить дома и Ивану после того, как он схоронил Марью; не мог он никак привыкнуть, что нет её здесь, около него, и задумал он уйти куда-нибудь на сторону, своё горе размыкать.

Стали весною кое-кто на Волгу собираться, вздумал и Иван с ними идти. Собрался и пошёл с первой же партией наниматься.

Пришли они к одному купцу, который сгонял баржи с разным грузом, и нанялись у него погрузку делать, и на баржах за рабочих идти.

Началась нагрузка баржи; стал Иван с другими рабочими таскать мешки с хлебом, тюки с кожами да овчинами. Через несколько дней окончили дело и отправились в путину с этой баржей. Шли они сначала за пароходом. Сперва хорошо он их вёл, а потом сплоховал и на мель их в одном месте посадил, да так посадил, что баржа так в песок и врезалась; долго хлопотал около неё пароход, никак стащить с мели не мог; бросил он её тут и воротился назад за другой баржей, чтобы привести её и перегрузку сделать. Пришла на другой день баржа и ещё рабочих привела, и стали они с той баржи на эту грузь перетаскивать, чтобы облегчить её и с мели снять.

Тяжело было Ивану тюки да мешки без привычки таскать, да и горе его было нелегко, и хотелось ему тяжёлой работой заглушить его. Работал он без отдыха, с утра до самого вечера, так что и опомниться некогда; и вправду, стало ему за работой легче на сердце делаться, горе отходить понемногу стало, и сон сделался у него после работы спокойнее.

Успокоился, было, духом Иван, повеселее стал; да на его беду на той же барже, что пришла для перегрузки, прибыл его враг Василий вместе с другой партией рабочих. Как только увидел его Иван, опять нахлынуло на него старое, и снова на сердце закипело зло. И работает, а всё одно думает – Марью вспоминает; ляжет спать, и во сне прожитая жизнь у него из головы не выходит; сердце ноет, жалко ему Марьи, счастья своего жалко.

Опять стала такая тоска его брать, что сам себе не рад; раз даже утопиться хотел, да Бог уберёг.

IX

Был пасмурный ветреный день. Давно уже поднялись с отдыха бурлаки и за работу опять взялись. Кряхтят они, тяжёлые ноши с одной барки на другую таскают. Василий с Иваном тут же работают.

Не глядит в глаза Ивану Василий, всё в сторону отвёртывается – будто не видит его, а Ивана горе томит, да злоба на сердце кипит. Работают они, торопятся. К вечеру стал крепчать ветер, стал всё сильнее и сильнее барки качать. Забурлила матушка Волга и стала на барки волнами хлестать. Лоцмана торопят, на бурлаков кричат:

- Скорей, скорей, братцы, таскай, не зевай!

Дружно работают бурлаки: самим поскорее окончить хочется.

- Работай, работа-ай!.. ишь как задуло...

Бурлит Волга, беляки по воде заходили, на небе тучи пошли.

Торопиться надо... баржу отвести, с якоря снять... Начали больше торопить лоцмана:

- Эх, немного, ребятушки, немного, дотаскивай-а-ай! Дружней, дружней! Подавай, подавай!

Скрипят мачты, ходят по доскам бурлаки с барки на барку, и доски под ними качаются; идти трудно, а лоцмана горопят:

- Эй, вы, поживей, поживей!

Идёт впереди Василий, тяжёлую ношу на себе несёт; подошёл к переходу, ступил на доски, попробовал, ступил шаг,
ступил два, – качаются доски; выехала одна доска концом
и вдруг сорвалась с баржи. Не успел опомниться Василий и
прямо в воду между барок упал с своей ношей. Ахнули бурлаки, ноши побросали, стали кричать, засуетились, к лодке
побежали, а кто за борт смотрит – не видать ли Василия? А
он как упал в воду, окунулся, его под барку подтянуло; вынырнул он уже за баркой, стал кричать, помощи просить, да
захлестнуло его волной, окунулся, опять и опять вынырнул,
но уже много дальше, и начало Василья всё дальше и дальше от барок тащить: никак не может с волнами да ветром
справиться. А бурлаки всё с лодкой не справятся, суетятся
около, да кричат попусту; того гляди – не поспеют... потонет
Василий.

Стоит Иван на корме, точно окаменел, сам не свой сделался и в лице меняется, смотрит он на Василья; широко глаза раскрыл; видит: тянет того всё дальше; вот волной накрыло захлещет парня, не поспеют бурлаки; вот ещё прокричал Василий... Встрепенулся вдруг Иван, будто опомнился, начал рубаху с себя стаскивать, сапоги снимать; руки дрожат, торопится и вдруг прямо в воду бросился. Поплыл он на Василья; легко ему по ветру плыть, спешит он, чтобы скорее Василья догнать, а тот то пропадёт, то опять появится, видно, из сил выбиваться стал. Увидели бурлаки, что Иван в воду бросился, остановились сначала, с лодки смотреть стали, а потом торопиться начали - за Иваном плыть. Доплыл Иван до Василья, тот совсем из сил вышел, ко дну было пошёл; схватил его одной рукой Иван, поддерживать стал и назад поплыл. Далеко их от барок отнесло. Тяжело стало Ивану назад плыть против ветра, и одному трудно справляться, а тут Василья держать надо: тот без памяти на руке у Ивана повис. Видит Иван, что дело плохо, начал кричать, а товарищи с лодкой на помощь

к ним спецат. Совсем ослабевать стал Иван, когда лодка к ним подошла, - не помнил, как их в лодку обоих втащили.

Насилу отдышался Иван, а Василий только на барже опомнился. Стоят около него бурлаки, говорят:

- Ну, брат, пропал бы ты, кабы не Иван!..
- За него Бога моли.
- Себя не пожалел, за тобой бросился!
- Ай да хват парень!.. Молодец!..

Слушает Василий, молчит, насупился, а слова эти будто ножом его режут. Долго сидел Василий, задумавшись, и чувствовал он, что в душе у него переворот делается, и сердце будто размякло, и невольные слёзы на глаза навёртываться стали. Вытрет он их, а они опять набегают. Встал вдруг Василий, прямо к Ивану подошёл и говорит:

- Спасибо тебе, Иван, жизнь ты мне спас.

Взглянул на него Иван.

- Полно, - говорит, - что ты? Дело Божье... - и отвернулся... пошёл прочь.

Поглядел ему Василий вслед, ещё что-то сказать хотел, да махнул рукою, а слёзы так и хлынули. Прошёл Василий на корму, лёг там, подпёр голову руками и задумался. Давно уже на барже все спать улеглись, а он всё лежал так, всё думал и плакал. И слёзы эти душу ему облегчили.

X

Втот день, как Иван врага своего от смерти спас – первый раз он своё горе забыл, и с души будто тяжесть свалилась. В первый раз после своего горя почувствовал он радость на сердце, и понял он, что жалость к врагу дала ему эту радость. И стало у него светло на душе, как никогда ему в жизни не было.

Лёг спать Иван, и то, что его прежде мучило, отощло от него. Стал он спокойно засыпать, как вдруг с пышит, кто то его трогает. Принстал он немного, слышит:

- Иван... ты, что ли, это?
- Я, кто тут?

Бухнулся человек на пол к Ивановым ногам, охватил их и головой о них биться стал, зарыдал и заговорил:

- Прости меня, Иван, Христа ради, для Бога прости; много я тебе зла делал, я и Марью твою погубил... вяжи меня, объяви, пусть судят, только прости ты меня, зла не помни...

И сказал Иван:

– Перестань, Василий! Давно уж я тебя простил, и Марья тебе простила. Зачем эло помнить, элом горю-то нельзя помоги дать; говорил я тебе и раньше это.

Лежит Василий, не встаёт и плачет.

– Тяжело мне стало, как ты доброе дело сделал, Иван, не могу я перенести этого, лучше бы ты зло мне сотворил... Объявляй обо мне: убийца ведь я, а то сам объявлюсь... на себя руки наложу.

А Иван говорит:

- Зачем объявлять... живи по-Божьи, любовью живи, зла не делай, тогда и Бог тебя простит, и люди простят, и самому легче будет.
- Ах, Иван, Иван, что же ты это... Разве я стою? плачет Василий.
- Не мне тебя судить, отвечает Иван. Сам Бог тебя простил, коли ты покаяться вздумал; это Бог тебе свет указал, ну и делай так, как Бог тебе велел: к свету иди; понял ты добро-то сердцем и держись его, не уступай.

Успокоился немного Василий, встал, подумал и сказал:

– Тяжело мне было, Иван, ах, тяжело! Теперь ты снял с меня камень. Век тебя благодарить буду. Как простил ты меня, легче мне стало. Открыл мне Господь, что могу я грех свой загладить... Спасибо, родной, тебе, спасибо! – и поклонился Василий ему в ноги.

И сказал Иван:

- Бог тебя простит, дай тебе Бог... - и сам заплакал.

И с этой самой ночи стали жить Иван с Васильем ровно братья родные. Дивились люди той перемене, какая с Васильем сделалась; совсем переродился парень; тихий да работящий такой сделался, услужливый, и худых речей от него не стало слышно, да и пить совсем перестал. Дивились и тому люди, что вдруг у Ивана с Васильем дружба завелась.

Вернулись они домой, стали друг другу, как братья, помогать в работе, и в хозяйстве у них пошло лучше, и так они спружились, будто между ними никогда зла не было.

И вспомнил Иван мать свою, как она перед смертью его учила, и узнал он на деле, что зло любовью гасить надо, и что ему самому и врагу его только добро помогло. И почуял он больше радости, когда понял, что Христову заповедь соблюл.

И стал он помаленьку своё горе забывать и успокоился духом.

Желтовский пруд. Вётлы. Апрель 1991. Фото В.А. Гурьева.

ИЗ ФИЛОСОФСКО-РЕЛИГИОЗНЫХ ТРАКТАТОВ

СВОБОДОМЫСЛЯЩИХЪ ХРИСТІАНЪ.

Ф. А. Желтовъ.

С. Вогородское, Нижегородск. губ.

О ЗЕЛЕНОЙ ПАЛОЧКЪ.

Л. Н. Толстой.

ЗЕЛЕНАЯ ПАЛОЧКА.

№ 18.

Цѣна 4 коп.

THEORPHOPE B. B. Jeonmens Backoon Repaysons, 4.
1911.

Экслибрис писателя Н.А. Рубакина на 2-й странице издания

О ЗЕЛЁНОЙ ПАЛОЧКЕ

Злые люди не разумеют справедливости, а ищущие Господа разумеют всё. Прит. Солом. 28; 5.

Душевный человек не принимает того, что от Духа Божия, потому что он почитает это безумием; и не может разуметь, потому что о сем надобно судить духовно.

1, Kop. 2; 4.

1

Вот она, зелёная палочка. Люди вынули её из земли, чтобы посадить её при воде истинной жизни. Они долго не находили её, забывали о ней, были в сомнении, но она сохраняла в себе жизнь и ждала только того, чтобы пустить корни на берегу потока и расцвесть. Она есть образ вечного воскресения добра и любви (Исайи 11, 1–9. Иереем. 17; 7–8).

2

Века проходили за веками, и иногда вера в зелёную палочку пропадала, люди тогда теряли утешение, впадали в уныние и отчаяние; переставали быть добрыми и разумными; и нарушался между ними мир, наставала вражда, война, кровопролития... (Ирем. 6; 13–15. Исайи 5 г. 3, Ездры 6; 24. 3, Ездры 14; 15–17).

3

И жизнь человеческую окутывал мрак. Тьма проникала в душу человека. Порождалось озлобление, и исторгались слё зы горести и невыразимого мучения (Прит. Солом. 4; 19. Ис. 8; 20–22).

И в сердце человеческое свободно вселялись грех и суеверие. Люди извращали свою жизнь и отдавали силы свои на зло. Ложь и соблазн свободно утверждались на путях жизни, а сети их улавливали малодушных и держали во тьме и в тяжёлом суеверии и рабстве (Исайи 33; 1–12. Исайи 59; 1–15. Псал. 139; 1–6. Михия 7; 1–4. Аввак. 1 гл. и Соф. 1; 15–18).

5

Люди утрачивали ясное понятие о добре. Не заботились о свете. Создавали горе и мучения. Сеяли ненависть и проклятие. Пожинали вражду и зло. Теряли веру в жизнь добра и любви и думали устроить жизнь законом насилия и наказания (Иоан. 3; 19. Матф. 6 гл. 22, 23, 3, Ездры 3; 22. Галат. 2; 16).

6

Но жизнь правды и добра сберегалась в зелёной палочке. Где-то глубоко в земле таилась та правда, которая должна осветить весь мир и прогнать с лица земли и мрак, и вражду, и злобу, которыми осквернились сердца людей (Исайи 32; 15–20 и 35; 1–10, 3, Ездры 13; 27–38).

7

И прорастала зелёная палочка в века особенной человеческой скорби силою своего добра. И давала она признаки ничем не побеждающейся и всегда сохраняющейся жизни. И собирали в это время люди плоды истинного разумения и насаждали в жизни добро, укрепляя в себе в него веру (Иоан. 15; 1–16. Откр. 22; 2, 3, Ездры 6; 25–28. 1, Коринф. 15; 54–58).

8

Радостно встречало сердце человеческое этот век пробуждения. И загорались сердца светом истинной жизни. С восторгом бросались люди в объятия друг другу и запечатлевали на устах своих братский поцелуй. Забывалась вражда, наступал мир (Исайи 32; 1-8 и 35 гл. 1-10. Иоан. 14; 27; 3, Ездры 4, 31-35).

9

И ставили люди в века подъёма своего духа знаки пройденного человечеством пути. И приобретали они знание и разумность, ниже которых уже не могли спускаться. И брали они семена разумности от зелёной палочки и полагали свой труд на их разрождение, чтобы получить хлеб истинной жизни (Иеремии 31; 33–34. 3, Ездры 8; 47–54. Иоан. 6; 48–51).

10

Дух же тьмы не оставлял своей работы. Он примешивал к семенам разумности и добра свои семена лжи и лицемерия, и в человеческом труде рождалось то и другое и смешивало людское понятие (Матф. 13; 3–30. 3, Ездры 4; 28–31).

11

Людям трудно было сразу отобрать всё примещанное. Нужно научиться отличать. Нужно накопить для того опытность. Нужно убедить в этом и других (Матф. 3; 12. 3, Ездры 4; 28–32).

12

А время шло. Ложь и лицемерие разрастались. Ложь облеклась в вид правды. Лицемерие обратилось в вид истинной веры. Невежество и суеверие заняли человеческие умы. Разумность и добро становилось отличать труднее (Матф. 7; 15–23 и 24. Исайи 59; 13–15).

13

И труд человеческий опять начал поглощаться на утверждение и разрождение в жизни зла. Забывалась зеленая палочка, отвергалась её сила, порождающая любовь и добро. Наставала опять смута и вражда. Понижались добрые и разумные чувства людей. Семена же суеверия и невежества, лицемерия и лжи пышно разрастались и расцветали на всей земле (Матф. 24; 21–25. 2, Тим. 3; 1–9. 3, Ездры 4; 39).

14

И вливалась в сердце человеческое отрава греха и вражды. И исходили из сердца человеческого злые помыслы, утверждающие соблазны на земле. И в яде этого питания обреталось греховное жало духовной смерти человечества (Галат. 4; 29. Матф. 15; 19. Матф. 18; 7. 1, Коринф. 15; 56).

15

Но вот она побеждающая сила жизни зелёной палочки. Всё чаще начала она прорастать разумностью и добром и пробуждать жизнь в людях. Всё чаще начала она давать семена добра для нового посева и заполнять ими поля земли (Иоан. 16; 33. 1; Иоан. 5; 4. 3, Ездры 9; 30–37 и 7 гл. 26 ст.).

16

И люди стали понимать это. И начали усиливать свой труд на увеличение разумности и добра на земле. И начали передавать друг другу великую радость, что они уже научились отличать истинные семена зелёной палочки от семян обмана и зла (Иоан. 16; 13 и 22 ст. Луки 10. 16–24. Матф. 13; 11).

17

И как же радостно бъётся сердце человека, когда он видит торжество разумности и добра. И как же освежается от того его ум и душа и вливается бодрость и озарение в его сердце, укрепляя веру в добро! (Ис. 9; 1–4. Иоан. 15; 12 Иоан. 17; 13. Исайи 66; 10–14).

18

И ждут люди с надеждою, что прорастёт же зелёная па-

лочка истинным добром на земле и обратится в большое цветущее дерево с зеленеющими листьями и сочными плодами для питания и врачевания людей. Даст же оно плоды и семена в изобилии, чтобы напитать всех людей, жаждущих правды, и засеять добрыми семенами все поля земли (Иоан. 14; 1–4. Откр. 22; 1–2. 3, Ездры 5; 48. Иоан. 15; 1–8).

19

И хранят верующие люди эту надежду и не смущаются сердцем среди рождающегося греха и зла. И продолжают они свой труд, отбирая семена разумности и добра и посевая их на добрую землю. И собирают они обильную жатву, неустанно наполняя житницы человеческого знания зерном разумности, добра и любви (1, Кор. 9; 10–11. Галл. 6; 7, 8. Иоан. 4; 35–37. 3, Ездры, 4; 39).

20

21

И час откровения возвестил мне: «Это я, бывшая от начала при творении мира. Это я, бывшая у Господа началом пути Его. Это я, возвеличенная Господом в сердце мудрого» (Прем. Сол. 7; 21–30 Прит. Сол. 8: 22).

22

И откровение ещё возвестило мне: «Я – премудрость, обитающая в человеческом разуме. Я есть то, что даёт этому разуму силу и открывает ему совет и правду. Я есть радость для всякого дня, и эта радость моя с сынами человеческими в их мудрой и полезной для умножения добра жизни (Прит. Сол. 8: 12–36).

4.-

И в молчании своём услышал я добавление: «Это я, бывшая некогда в древе жизни, росшем посреди рая. Сотворённый не вкусил плодов от меня, хотя и дана ему свобода вкусить их без запрета. Вкусил же он запрещённое знание в различении жизни по добру и злу. Он прельстился пожеланием и не приобрёл истинной мудрости жизни (2 Ездры 3; 21-22. Быт. 2 гл. 9, 16, 17. Быт. 3; 1-7).

24

Когда же сотворённый уходил в огорчении из рая на жизнь своих пожеланий, то милосердием Божьим для его утешения и надежды, для того, чтобы он мог возвратиться на путь исполнения желаний Бога, ему и дана была зелёная веточка от райского древа жизни, чтобы через возрождённые плоды его он мог получить познание истинной жизни (3, Ездры 7; 11-16. 3, Ездры 9; 19-22). (3, Ездры С; 45-53. Быт. 3; 11-19, 22-24 ст.).

25

И вот это я, та веточка, которая стала зелёной палочкой истинной жизни людей, и я всегда прорастаю, когда людям становится тяжело от накопившегося греха и зла жизни (Премуд. Солом. 7, 21-30. 3, Ездры 2; 17-19).

26

Оберегайте же люди эту зелёную палочку. Храните её пуще всякого хранимого сокровища. Терпеливо ждите от неё плодов для питания и семян для посева (Иис. С. Сир. 24; 19-24, Прит. Сол. 4; 20-23).

27

И да будет она древом жизни для тех, которые хранят мир и имеют верность и послушание Господу (Пр. Солом. 3; 17-18. Откр. 22, 14). Аминь.

СТАТЬИ

КРЕСТЬЯНСКИЙ НЕДУГ

ь одной из деревень мне пришлось быть свидетелем обычного в среде крестьянского быта и периодически повторяющегося явления.

День был праздничный, ясный. У одной крестьянской избы, среди деревни, стояла толпа крестьян и что-то шумно разговаривала.

Я спросил одного крестьянина о причине сходки.

- Да, вишь, деньги собираются нести; платить, значит, пояснил он мне.
  - Куда платить, подати, что ли?
- Нет. Подати-то оплачены; а это, вишь ты, занимали, значит, обществом-то, так ныне срок пришёл, вот и собираются.
  - _ У кого же занимали?
- Да у разных, значит. Есть этакие-то люди дают когда. Вот из наших, которые побогаче, дают, а то не здешние, сельские есть; у кого деньжонки есть, те и дают; вон писарь наш и тот даёт когда. За порукой, значит, дают всему обществу.
  - Как же вы у них берёте, на срок, что ли?
- Вестимо, на срок. Весной вот возьмём, а около Покрова расплачиваемся.
  - A сколько же они берут с вас за это?
- Да вот деревней мы брали сот восемь, так коли по двад цать, а коли по восемнадцать копеек с рубля платим.
- Ведь это почти сорок процентов годовых! . la ведь это грабёж!
  - Чего же поделаень и тому рады:
- Да что же вас заставляет илатить такие бешеные проценты?
- Нужда заставляет, вот что заставляет. Вот теперь хоть, например, выплатим ему деньги то, кое как сколотим тте

овса, где муки попродадим, а всё-таки выплатим, — потому нельзя — нужный человек-то, не заплатишь, в другой раз не даст, — а там пройдёт зима, глядишь, весной опять и на подати, и на семена, и на хозяйство-то надо. Чего поделаешь? Ну и идёшь к кому-нибудь, только бы дали, а о процентах-то и не говоришь. Вот у этого-то, у которого наши брали, ещё за выгоду считаем платить копеек двадцать или восемнадцать; а то, не поверишь, позапрошлый год мы брали у одного, так тридцать копеек слупил за шесть месяцев!

- И дали?
- Чего же поделаешь и дашь; такая нужда придёт, хоть вешайся. Лучше, что ли, будет, если становой придёт недоимку-то сбирать? Тот, брат, пардону не даст. Вот и семена тоже, например; сами-то овёс теперь продаём рубля по два по два с полтиной четверть, а весна придет берёшь по пяти да ещё с прибавом.
  - А где же вы это берёте?
- Да всё у тех же; покупают они уж и запасают; ну и дают, сколько на деревню надо.
  - А так, частно, поодиночке, не случается брать?
- Случается. Как не случаться; нужда там у кого али случай. Ну уж тогда ещё больше дерут... У нас вот тут солдат один живёт, так всё больше раздаёт эдак-ту. Пришёл со службы-то с деньжонками, ну и занялся этим, так года в три страсть как разбогател, теперь питейный держит. Ну уж и обдерёт он тебя, как сидорову козу! Попадёшь к нему, не скоро из лап выпустит. Возьмёшь это, сначала ничего и проценту-то будто немного, а там, глядишь, к сроку платить вдругто не соберёшься, заплатишь частицу, а последние, мол, повремени; куда тут: срок и баста: «Денежки!» Ты так и сяк; ничего не берёт, а то, говорит, опишу, что есть; ну, укланяешь кое-как. Подожду, говорит, только, слышь, за прежний процент не могу; хошь платить пятачок на рубль в месяц перепишу, а не хочешь деньги подавай. Подумаешь и согла-

сишься; а там, глядишь, соберёшься платить – и уж на них наросло почти столько же, ты заплатишь часть, а там опять набежало. Так и бьёшься; да и сработаешь ему где даром в угоду, да и угостишь, когда придёт к тебе, а то, говорит, ждать не буду.

- Ну и что же, неужели так и выплачиваете?
- Так и выплачиваем, чего же поделаешь? Нужда случится опять даст когда, а то перехватить бывает негде. Боишься не заплатить-то.
- Да вы хоть бы у земства бы попросили, похлопотали бы перед начальством всё бы, может, толку добились.
- Э, батюшка, где нам хлопотать, народ-то несведущий; да што ещё будет ли; а нужда-то ведь не ждёт.
  - Ну, там лес бы, землю на время-то заложили.
- Где тут уж! Кабы знающие мы были, а то куда сунешься? Нет уж, видно на безрыбье так и рак будет рыба.

Я ничего не стал говорить против этой истины. Заинтересовавшись, подошёл к сходке послушать, что толковали мужики.

- Ты вот говоришь, толковал высокий, здоровый, рыжий мужик, тебе теперь платить трудно, а за тебя миром ручались, а брать, видно, не трудно было, а?
- По нездоровью, братцы, потому пролежал рабочую-то пору, отвечал мужик, к которому обращался рыжий.
- По нездоровью! А кто виноват-то; ты вот деньги давай, нечего лясы-то разводить! кричали мужики.
  - Не самим за тебя платить; кто велел брать-то?
  - Взял, значит и плати!
- Да я заплачу, братцы, дайте только оправиться; вот недельки через две работёшка будет сколочу кое-как; всё заплачу.
- Через две? Да нынче срок-то, нынче надо платить, ждать не будут, а он через две, кричал рыжий.
  - Не могу, братцы, нынче; денег нет.
  - Нет ли, есть ли, а подавай; знать мы не хотим!

- Где хошь добивайся, а чтоб были!
- Да что вы, братцы, мир честной народ, повалился мужик в землю, сами знаете: ребятишки мал мала меньше, я один работник в семье, дайте оправиться заплачу. Помилосердствуйте!
  - Деньги, говорят тебе, давай, а он «помилосердствуйте».
  - Будьте отцы родные, просил, кланяясь, мужик.
- C нас самих-то дерут, впору про себя; не раскладывать же на всех твои-то деньги.
- Да ведь я по нездоровью, вот с хлебом еле убрался, как оправился.
- А вот как не заплатишь, мы хлеб твой отберём, кричал рыжий.
- Беспременно! подтвердили мужики. Спуску не дадим, – потому порука.
  - А то, ежели что, так и стройку обломаем.
- Потому, спускать нельзя, поблажку дашь этак-то: в другой раз, на тебя глядя, и другой захочет.
  - Да ведь, братцы, я не отказываюсь платить-то.
- Знаем, что не отказываешься, да деньги-то платить надо, самим спуску-то не дадут; поди-ка попроси у аспида-то отсрочки: общиплет тебя, да и в другой раз не даст.
- Да хоть дайте, братцы, на неделю сроку, в отчаянии проговорил мужик.
- Что же вы, ребята, дайте на неделю-то ему сроку, заступился какой-то старик, – никуда он не денется: успеете взять-то, ведь не мотушка парень-то, нужда одолела, заплатит.
- Ну ин ладно, даём тебе сроку на неделю, а деньги твои по себе разложим; только мотри, чтоб через неделю беспременно были денежки, а то спуску не дадим, так и знай; не заплатишь хлеб твой по себе разделим: вот те и весь сказ.
- A за отсрочку-то купи для миру полведёрка, потому уважение делаем.
  - Спасибо, братцы! И рад бы купить, да, право, не на что.

- Ну, зипунишко тащи - выкупишь опосля.

Мужик почесал затылок, нехотя стащил с плеч «зипунишко» и пошёл добывать для «мира» полведёрка.

Мне грустно сделалось от всего виденного и слышанного мною. Заплатит ли мужик свой долг «миру» через неделю? Исчезнут ли когда из среды народной жизни пиявки-мироеды, высасывающие всё благосостояние крестьянина?

«Так вот оно где, горе народное, вот что подрывает экономическое состояние крестьянской жизни», – думал я, вспоминая и про горькую участь «сидоровой козы», и про неумолимого жадного «аспида».

Нижегородские губернские ведомости, № 43, 1886 г.

19 ФЕВРАЛЯ 1886 ГОДА В СЕЛЕ БОГОРОДСКОМ (Нижегородской губернии)

Знаменательный факт крестьянского самосознательного отношения к своему долгу явлен, и чествование великого дня 19 февраля настоящего года произошло у нас, в селе Богородском.

Ещё накануне, 18 февраля, на сельском сходе, собравшемся с единственной целью обсудить чествование наступающего праздника, было постановлено: отпраздновать 19 февраля с подобающим торжеством и составить приговор о чествовании этого дня в будущие времена ежегодным празднеством с богослужением у построенной в память Царя-Освободителя часовни, которая в этот же день исполнившегося 25-летия со дня освобождения должна быть освящена. Самое же главное поднести Государю Императору всеподданнейший благодарственный адрес с выражением чувств верноподданности и благодарности общества.

Накануне же, под общим руководством членов общества, одним из местных крестьян был составлен всеподданнейший адрес.

С наступление утра село приняло праздничный вид: дома жителей разукрасились флагами, и народ в праздничных нарядах массами спешил в храм помолиться прежде всего об упокоении души своего Освободителя и о здравии благополучно ныне царствующего своего монарха. Соборная церковь была переполнена и не могла вместить всех молящихся; несмотря на холод, массы народа стояли на паперти и вне церкви с открытыми головами. Что бы это значило? По чьему внушению собрались тысячи народа? Что влекло их излить свои чувства молитвой?...

Несмотря на тесноту, всё было тихо; все были в молитвенном настроении, на всех лицах видна была торжественность.

Когда шла панихида по в Бозе почившем Царе и запели «со святыми за упокой» и «вечную память», многие плакали.

По совершении молебна о здравии ныне царствующего Государя и всего Августейшего Дома местным священником Певницким была сказана проповедь, разъясняющая духовное значение торжества.

Затем народ массами хлынул к месту построенной в память Царя-Освободителя часовни, где должно было произойти её освящение. Вторично отслужены панихиды и молебен; после того назначено было чтение подносимого обществом Государю Императору всеподданнейшего адреса.

Тысячи народа ещё с утра окружили место часовни, улица и площадь были запружены народом и стоящими экипажами.

Тут же были в особо отведённом месте мальчики и девочки трёх сельских училищ: двух Александровских мужских и одного Мариинского женского.

Едва только показалась двигающаяся из собора церковная процессия, как головы всех мгновенно обнажились. И когда по окончании церемонии освящения часовни началась служба, народ усердно молился; тысячи сердец воссылали свои тёплые молитвы об упокоении души своего Освободителя и о здравии Царствующего Государя и всего Августейшего Дома. Картина была величественная: духовное настроение, торжественная радость овладели всеми. Несмотря на многолюдство, царила полнейшая тишина; видно было, что народ благоговейно относился к своему торжеству. По окончании богослужения местным волостным старшиною было предложено народу выслушать чтение адреса. Народ сплотился, и мёртвая тишина воцарилась кругом. Народ замер в ожидании услышать, не проронить ни слова из выраженных в адресе чувств. При чтении адреса многие не могли удержаться от слёз, - так трогательна была эта картина, так трогательно было это чувство народа! Едва окончилось чтение адреса, как хор местных певчих и сам народ исполнил «Коль славен» и торжественный народный гимн «Боже, Царя храни».

Едва окончилось пение гимна, как многотысячное громогласное, восторженное «ура» народа огласило воздух. Все поздравляли друг друга с воспоминанием славного дня.

После того некоторые лица из местных крестьян и местного управления были приглашены волостным старшиною на общественный завтрак и обед в гостиницу Обжориных. Туда же были приглашены избранные обществом строители часовни гг. Утенков и Лаврёнов и весь местный причт.

Перед завтраком собравшиеся пропели «Царю Небесный»; после того местным священником А. Аргентовым была сказана краткая речь следующего содержания: «Днесь благодать Святаго Духа нас собра. Речь приличную случаю произнёс мой добрый друг. Он разъяснил духовное значение нашего торжества, и мне осталось высказать немногое. Осталось высказать благодарение Вышнему, яко видеста очи мои завершение святаго дела. Осталось благодарить за усердие, и от души благодарю общество, народ, ревнителей, строителей. Особенно благодарю почтенного старшину Михаила Ивановича Сургутова за тёплое его участие, с каким отнёсся он к святому делу. Благословенье Господне на вас и на чадах ваших и до века. Аминь». Во всё продолжение времени от завтрака до обеда хором местных певчих под управлением регента Кравцова было исполнено по желанию присутствующих несколько концертов; в том числе - «Коль славен» и «Боже, Царя храни» были повторены по желанию публики несколько раз. Исполнение было весьма стройное. По окончании концерта блюдо, наполненное кредитными билетами, было поднесено исполнителям.

Около четырёх часов пополудни присутствующие были приглашены старшиною за обеденный стол. Из местных властей на обеде присутствовали члены волостного правления:

местный мировой судья С.П. Менделеев, становой пристав и прочие лица, – а также попечители училищ: Первого Александровского училища – А.В. Александров, Второго Александровского училища – А.Н. Марков и Мариинского женского училища – И.А. Александров, – вышеупомянутые строители часовни и местные крестьяне.

После первого блюда был провозглашён тост за драгоценное здоровье Государя Императора, принятый весьма восторженно; затем присутствующими потребовано новое чтение адреса, окончание которого сопровождалось громогласным единодушным «ура» и исполнением всеми присутствующими народного гимна. Далее провозглашены тосты за здоровье Государыни Императрицы, Наследника Цесаревича и всего Августейшего Дома, за уважаемого начальника Нижегородской губернии Николая Михайловича Баранова, за весь русский народ. Торжественное настроение царило во всё время обеда. Имя Царя-Освободителя Александра II, памяти которого посвящён был этот день, не сходило с уст во всё продолжение стола.

Перед первым же тостом за здоровье Государя Императора была сказана речь, а также прочтены местными крестьянами Ф.А. Желтовым и Ф.А. Серяковым ими же составленные два стихотворения.

Речь говорил местный мировой судья г. Менделеев. Содержание её следующее: «Милостивые государи! Сегодня минуло четверть века, как повелением Высочайшей власти вам дарована свобода; сегодня вы празднуете горжественный для вас юбилей признания высшим правительством вас и с вами миллион душ нашего общирного отечества гражданами Русского государства, равноправными с тицами других привилегированных его сословий. От души, от всеи души приветствую я вас с этим великим горжеством и жетаю вам лучших успехов на начертанном для вас высшим правитель ством новом пути разумно-свободной государственной жиз ни! Дай, Всемогущий Бог, чтобы вы разумно пользовались дарованною вам свободой и тем самым с честью, достойной свободного гражданина, на деле оправдали то лестное доверие и те лучшие пожелания, которые высказаны всему освобождаемому народу в незабвенном для вас акте священными устами Великого Преобразователя! Господа! Кому вы обязаны дарованною вам свободой? Кому вы обязаны тем, что уже четверть века живёте новою жизнию, вседневно пользуетесь её благами? Кому вы обязаны, говорю я, вашим настоящим благосостоянием?.. Свободою и всеми её драгоценными благами вы обязаны Незабвенному для России Царю-Освободителю, в Бозе почивающему Императору Александру II; свободою вы обязаны тому Монарху, в память которого вашим иждивением учреждена в селе Богородском часовня, на освящении которой мы только сейчас все присутствовали, вознося искренние тёплые молитвы к Царю Царствующих и Господу Господствующих об упокоении неизмеримо доброй, светлой, чистой души почившего Венценосца, Освободителя России! Да, об упокоении его нами вознесены сегодня искренние молитвы в Соборном Храме и затем на площади, у новой часовни, при многолюдном стечении народа. Господа, в состоянии ли хоть одно истинно доброе русское сердце когда-либо изгладить из своей памяти дивный, воодушевляющий Образ поистине Незабвенного монарха, Государя Императора Александра Николаевича! Нет и нет!.. Каждый русский, кто бы он ни был, к какому бы сословию или классу не принадлежал, имел ли он счастие лично зреть Священную Особу Государя или не имел, а только пользовался наравне с прочими теми благами в Бозе почившего Монарха, которые он в своих великих реформах щедрою державною рукою дарил всем сословиям своего обширного государства, - никогда не изгладит из своего сердца и своего ума самых благодарных и тёплых воспоминаний о Царе-Освободителе!.. Ваши благодарные чувства высказались за панихидою у часовни в

память почившего Монарха и за слушанием всеподданнейшего адреса, который по вашему единодушному желанию и вашей воле изготовлен для поднесения державному Сыну почившего Монарха, Государю Императору Александру Александровичу, одним из вас - крестьянином Желтовым. Растроганный у часовни, где возносились молитвы об упокоении пречистой души Царя-Освободителя, - я видел на глазах окружающих навёртывающиеся слёзы; воодушевляемый содержанием громогласно читавшегося адреса, я чувствовал и видел воодушевление толны, старавшейся излить свои верноподданнические чувства державному Сыну Царя-Освобопителя!.. Адрес прочтён... Толпа наэлектризована преданностию Государю Императору Александру Александровичу, и громкое русское, долго несмолкаемое «ура» покрывает площадь; раздаются воодушевляющие возгласы: «Да здравствует Государь на многие лета! Ура!..» Позвольте, господа, мне, почтённому вместе с другими представителями местной правительственной власти приглашением к участию в вашем . семейном торжестве двадцатипятилетия дарованной вам свободы, хотя в кратких чертах освятить в вашей памяти великие деяния в Бозе почившего Царя-Освободителя, которыми он, державный служитель добра, правды, благополучия и мира в среде своих подданных, осчастливил своё государство и создал себе вечный нерукотворный памятник отца и благодетеля России. Не одной только свободою вы ему обязаны. Освободив от рабства миллионы людей, великий Царь всеми последующими реформами старался создать благополучие, гражданский порядок и вселить правду, милосердие и взаимное уважение человеческой личности в среде всех своих подданных; старался солизить и примирить все сословия для развития в России истинно гражданской и нравственно-экономической жизни, которая есть основание прочности и силы государственного теза. Освободиз рабов, покойный Государь признал дворянское сословие к устрое:

нию крестьянского самоуправления, призвал дворян, ранее господствовавших над крепостными людьми, быть посредниками для примирения освобождаемых с их прежними властителями по отводам крестьянам наделов для осуществления акта 19 февраля 1861 года. Затем Царь-Освободитель даровал своим подданным земское самоуправление и новый правый суд, перед которым одинаковы знатный и рабочий, богатый и бедный; незабвенный Монарх много положил труда и забот о расширении торговли, и промыслов, и народного образования. Из этого краткого перечня великих дел вы видите, что вся жизнь, всё славное царствование незабвенного Монарха было проникнуто заботами об устроении на Руси добра, порядка и правды... Смело можно сказать, что блестящее Царствование Императора Александра II займёт лучшие страницы нашей Русской истории. И для этого-то неоценённого Монарха нашлись враги – возмутительные изверги, которые даже не вправе были называться русскими и жить хоть один миг на нашей родной земле!.. И этот-то добрейший Монарх воспринял страшный, тяжёлый венец Мученика! Он сеял в России добро и мир, проповедовал честь и любовь, сам горячо любил и жалел всех, даже и недостойных его попечения подданных, и отошёл в вечность Страдальцем-Мучеником! По высшему Промыслу Божию и Христос, Спаситель нашего мира и человечества, Господь наш, принёсший на землю любовь, всепрощение и правду, встретил много врагов Своего Божественного учения и умер на кресте позорною смертию! Христос Спаситель, упокой чистую душу Царя-Освободителя в Своих горних селениях! Господа, я дворянин; но я тоже человек русский и, горячо любя своих Монархов, не могу в настоящую минуту не отдаться весь воспоминаниям о незабвенном Александре II; я на вашем торжестве душою ему предан и так же радуюсь вашему юбилею, как вы сами радуетесь... Позвольте для настоящего дня мне с вами поделиться воспоминаниями об Особе почившего

Монарха. Я имел счастие видеть Священную Особу Государя Императора Александра Николаевича, когда был воспитанником Нижегородского Александровского института. Воспоминание о посещении института покойным Государем очень живо в моей памяти и никогда из неё не изгладится. Не могу передать вам словами того захватывающего душу восторга, того особенного счастия, когда мы узрели вошедшего к нам Венценосца и услышали ласковые ответы Его Величества на наши восторженные к нему приветствия. Каждое слово Государя, каждый его шаг ловились нами с напряжённым вниманием. Мы были очарованы царственною симпатиею его Священной Особы и довольны тем, что два раза видели Государя: первый раз мы были собраны в общей зале, а второй раз в зале старшего возраста, которую перед отъездом из института изволил посетить Его Величество, обратившись к воспитанникам старшего возраста с краткою речью, заключительные слова которой были: « Прощайте, дети! От души желаю вам успехов! Дай Бог, чтобы из вас вышли полезные деятели для государства!» При этих словах Самодержца у нас навернулись слёзы, и тут-то с особенною силою чувствовалось то духовное единство, та невыразимо приятная связь, которая существует у русского Монарха с его подданными. В сильном волнении провожая обожаемого Монарха и изливая перед ним наш восторг, мы очень жалели, что скоро и незаметно для нас прошло время Высочайшего посещения. Вдумываясь в смысл сказанных юсударем слов, мы поняли, что благоденствие государства зиждется на гвердом и неуклонном исполнении представителями правительственной власти всех распоряжении и предначертаний верховного правителя и на строгом исполнении каждым членом государства закона и своего гражданского долга, как относительно повиновения установленным властям, как и во взаимных отношениях граждан между сооою дан бол всем нам твёрдо исполнять перед правите пытвом свои долготь ставу и

счастие нашего родного Государя Императора и нашей империи! Дай Бог, чтобы у нас в России был внутренний мир и порядок и чтобы она, восприяв великие реформы Царя-Освободителя, пользовалась ими разумно и через то благоденствовала! Господа, я провозглашаю тост за драгоценное для нас здоровье Державного Сына Царя-Освободителя, ныне царствующего Государя Императора Александра Александровича! Ура!»

После провозглашения тостов за здоровье Государя Императора и членов Императорской Фамилии, чтения всеподданнейшего адреса и сказанной мировым судьёй речи прочтено стихотворение автором его, крестьянином Ф.А. Желтовым. Текст стихотворения следующий:

В день сей народ, от уз освобожденный, Призыв Царя к свободе услыхал! Ты чтим в сердцах, великий день священный, В сердцах людей, принявших этот дар!

Тот дар им дан был царственной рукою. В оковах был народ неволи вековой; Народ вздохнул свободною душою Пред жизни новым днём, – пред новою зарёй.

Ты предстоишь нам памятью священной Своих великих дел и незабвенных дней, Свободы Царь, Александр Благословенный, Из рабства выведший невольников-людей!

Ты создал памятник, делами освящённый, И этот памятник хранит Святая Русь; Воздвигнут он из дел, Тобою сотворённых В сердцах людей, терпевших рабство уз.

С Тобой воскреснула желанная свобода, Так долго скрытая в могиле вековой; С Тобой восстал уничижённый дух народа, С Тобой родился день для росса дорогой!

В неволе был томим свободный дух народа, В оковах вековых он лил потоки слез, В цепях была закована свобода, – Ты цепи сокрушил, наш русский Геркулес!

Ликуй теперь, о росс, неволи скинув бремя, Прославь деяния всеславного Царя! Ликуй теперь, младое Руси племя, Проникнись же мольбой, любовию горя!

Молись за Трон, – тебе дана свобода, – За силу, снявшую оковы долгих лет, В которых тяжело томился дух народа: Теперь настал тот день, свободы новый век.

Прославлен Твой родной потомков Царей трон; Гордись же тем, славян страна, Россия! На нём сиял твой новый Соломон, На нём сиял прославленный Мессия!

Запечатлел делами своих дней Деянья правые Он в памяти народной! Он славный Вождь, Он новый Моисей, Пребудет навсегда в истории народной.

Как яркий луч, блестя во мраке тьмы ночной, Блестит, и гонит тьму, и более сияет. Так славен был в делах свободы Царь родной, Да чтит Его весь род и ввек благословляет!

По провозглашении тостов за уважаемого начальника губернии Николая Михайловича Баранова, за благополучие Русской Державы, за весь русский народ и за строителей часовни, было прочтено второе стихотворение автором его, Ф.А. Серяковым:

Сияет свет на горизонте, Лучи пробили мрак ночной; С тимпаном дружно, братья, пойте Про день тот истинно святой.

Когда желанная свобода Взошла как ясная заря, Когда для русского народа Явился свет в лице Царя.

Почтим день этот всей душою, Молитвы Богу принесём, Помянем, братья, всей землёю Об Александре мы Втором.

Кто так велик и так прекрасен В строках истории родной, Как луч Божественный, он ясен, Монарх великий, дорогой!

В нём дух был свыше обновлённый, Добра божественный сосуд; Он, как Мессия воплощённый, Дал нам свободу, правый суд.

Кто был века в руках тиранства, Забыл о рабстве и цепях... Сольёмся все в семью славянства, Прославим Бога в небесах!

А ты, родной земли старатель, Покойся в славе дел Твоих... Да наградит Тебя Создатель В святых селениях Своих!

Как произнесённая речь, так и чтение обоих стихотворений присутствующими за обедом были встречены весьма восторженно, и в тот же день, по окончании обеда, была избрана депутация для поднесения адреса на Высочайшее Имя через господина начальника губернии Николая Михайловича Баранова. Депутация состояла из восьми крестьян, в состав которой вошли: волостной старшина М.Н. Сургутов, сельский староста Н.В. Марков, попечители двух Александровских мужских училищ А.В. Александров и А.Н. Марков, попечитель Мариинского женского училища Н.А. Александров и крестьяне А.Н. Кукин, Ф.А. Желтов и А.Н. Любимов, которые отправились на следующий же день в Нижний Новгород для представления адреса господину губернатору.

Село праздновало весь этот день. Вечером у многих домов горели огни. На улицах гулял народ, и крики «ура» были слышны до самой поздней ночи. Несмотря на то, полнейший порядок, соответствующий этому дню, царил в селе с раннего утра до поздней ночи.

Современные известия, № 62, 1886 г.

1 1

МОЛОКАНЕ В С. БОГОРОДСКОМ (Нижегородской губернии)

С каких времён появилась здесь секта молокан? Этого не знают ни сами молокане, ни сами здешние старожилы-обыватели. Очевидно, она народилась здесь очень давно. При всём тщательном исследовании не могли определить точно время возникновения этой секты не только у нас, но даже и во всей Нижегородской губернии. Но официальное отпадение от православия здешних молокан последовало только в 1864 году; до этого здешние молокане числились в церкви, соблюдая по внешности обряды православия. Хотя они сохраняли особое убеждение и внутренне не имели ничего общего с православием, но открыто не исповедовали своей религии. В этом же году они окончательно «отписались» и исхлопотали себе право иметь метрические записи не у священников, а в волостном правлении.

В настоящее время таких «отписных» семейств молокан находится в селе Богородском около семидесяти. Все обряды они исполняют по-своему, и эти обряды отличаются особенной простотой. В них не имеется никаких, ни мистических, ни символических, значений. Сами молокане об обряде говорят, что «обряд есть ничто», потому что - «буква убивает, а дух животворит». Молокане понимают всё духовно и не признают внешних форм богослужения. Сами себя они называют «духовными христианами» в отличие от субботников, с которыми их зачастую смешивают. Жизнь ведут своеобразную. В принципе они придерживаются общности, почему взаимная помощь развита у них очень сильно. Большинство отличается трезвым поведением; если и бывают лица, плохо придерживающиеся трезвости, то в виде редкого исключения. Подати платят исправно; начальству повинуются охотно, имея в основании своего учения евангельское

слово о повиновении властям. Вражды между молоканами и православием никогда за всё время не было; объясняется это крайне миролюбивым характером молокан. Словом, если не обращать внимания на религиозные убеждения, то при сравнении с православными молокане очень хорошие люди. По своему поведению, по безупречности жизни молокане на очень хорошем счету у здешнего общества; благодаря тому, многие из них служили по выборам на очень видных общественных должностях.

Сами сектанты рассказывают, как им трудно было жить в те времена, когда ещё крестьянская жизнь находилась под надзором помещика.

«Помещик был у нас строгий, – рассказывал мне один из старожилов-сектантов, – бывало, как только узнает, что вот тот-то и тот-то «молоканит», сейчас это распоряжение: представить, дескать, их ко мне. Ты спишь и думы не думаешь. Вдруг в одиннадцать али в двенадцать часов ночи... тук, тук, тук!.. Кто там?.. К барину пожалуйте, вас требует!.. Так и обомрёшь: знаешь уж, что это значит. Собираешься, а ребятишки ревмя ревут, да и взрослые голосят. Придёшь это к барину, а там уж кто-нибудь из наших дожидается. Явишься.

- Ты чей?
- **Тот-то.**
- А ты?
- **-** Тот-то.
- А, знаю. Вы молоканите?
- Помилуйте, ваше нревосходительство, что ж это вы так полагаете?
- Знаю! Разговаривать нечего; вы думаете, мне неизвест: но?

И начнёт рассказывать всю подноготную. Глядишь, и вправду всё знает. У него, нишь ты, были люди здакие все разузнавали, что в селе делается, и доносили оарыну. Страх не любил он пьяниц. Им, надо сказать, доставалось пуще

нашего: и на работы их, и порка им, и солдатчина им. За то только, что из наших никто вина не пил, он спускал нам иногда наше молоканство.

- Знаю, - говорит, - что вы люди хорошие - вина не пьёте, хозяйственные, - да не могу терпеть, чтобы у меня были сектанты; бросьте, - говорит, - вы всё это.

Попадёшь к нему в добрый час, – ну, поговорит так, да и отпустит; после разве только оброку прибавит. А иногда случалось, – попадёшь на глаза, когда не в духе: пиши пропало.

- Я, говорит, туда вас зашлю, куда ворон костей не заносит.
  - Помилуйте, мол: за что? Мы худого ничего не сделали.
  - Не сделали? А молоканство когда бросите?
  - Да ведь мы, мол, в церкву ходим.
- Что ж, что ходите! Знаю я: ходите для близиру, слепых на брёвна наводите, а зачем собираетесь тихонько да книги читаете?
  - Да ведь мы, мол, Библию.
- Библию, говорит, тебе поп прочитает; а вы там моленье своё заводите.
- Да ведь Бог-то, мол, у всех один, ваше превосходительство.
- А, да ты ещё рассуждать... Эй! Кто там... всыпьте-ка этому горячих, чтоб дурь-то из головы выскочила.

Ну, и всыплют тебе не одну сотню на конюшне. Да вдобавок, глядишь, либо в солдаты отдаст, либо переселит куда-нибудь в другое именье».

- А куда он вас переселял?
- Да в тамбовскую губернию больше сельцо Рассказово там есть, да в сельцо Юрино на Волге; так и поныне там живут наши сосланные.
  - А много туда сослано ваших?
- Да нет, немного... боялись тогда. Большой крепости не было, всё укрывались да таились.
  - А нынче как вам живётся?

- Да что, Бога благодарить надо: не притесняют, живём по-своему, никто нас не обижает, к попам не ходим; сами собираемся, читаем Евангелие да молимся по-своему. Хоронимся тоже по-своему: кладбище нам отведено особое правительством; браки тоже совершаем по нашему обряду. Чего же ещё? Бога благодарить надо!
  - Как же у вас браки совершаются?
- Да у нас просто: ни обрядов, ни венцов. Соберёмся в день бракосочетания все в дом невесты. Помолимся, прочитаем подходящие тексты Священного Писания для внушения брачащимся о святости брака; жених должен сказать перед собранием обещание свято хранить супружеские отношения и семейные обязанности; отец невесты благословляет дочь свою, внушая ей соблюдать свято супружество и повиновение мужу, после чего берёт её за руку и передаёт жениху. Брак завершается торжественным всеобщим пением псалмов и составлением брачного акта, к которому подписываются родители новобрачных, сами новобрачные и все присутствующие свидетели. А затем брак записывается в метрическую книгу в волостном правлении.
- A живут у вас всегда хорошо? Не бывает расторжения браков?
  - Ни разу не случалось. Да у нас живут всегда любовно.
  - Это почему?
- Да ведь мы не стесняем молодёжь: бери, где хочешь сам гляди в оба.
  - А бывает характерами не сойдутся?
  - Так не на кого пенять!
  - А если у вас дети родятся, сами крестите?
- Да ведь мы водного крещенья не признаём; мы по духовному, у нас признаётся духовное крещение.
  - Всё-таки бывает же при этом какой-нибудь обряд?
- Да какой обряд? Почти никакого. Собираемся собранием, помолимся, дадут имя новорожденному, - и дело в шляте.
  - И только?

- Чего же ещё? Вырастит большой, надо учить, а маленький что понимает?
  - У вас, стало быть, и наставники бывают?
  - У нас один наставник у всех.
  - Как у всех?
  - Так. И у вас и у нас наставник Христос.
- Да ведь есть же какие-нибудь там пресвитеры, что ли? Кто же у вас молитвы читает?
- Да кому Бог на душу положит, тот и читает. Кто грамоте умеет, да дело разумеет, всякий читай; у нас запрету нет.
- Да браки, например, ведь должен же кто-нибудь совершать?
- Браки-то совершает Бог; «что Бог сочетал, того человек не разлучает». Браки-то ведь те настоящие, которые по любви да по согласию совершаются. А это дело Божие; разве может человек насильно заставить по любви сойтись да жить в согласии?
  - Это так, да всё-таки без пресвитера-то неловко.
- A кто живёт хорошо да разумение имеет, вот тебе и пресвитер!
- Где же вы собираетесь для молитвы? Дом, что ли, у вас особенный имеется?
- Да где придётся: нынче у меня, завтра у другого; «на всяком месте владычество Его».
  - А собрания у вас бывают в установленные дни?
- Да, собираемся по праздникам да по воскресеньям обязательно.
  - Что же, бывает на собраниях служба?
- Какая служба? Читаем Священное Писание, поём псалмы, а затем, как побольше соберутся помолимся по своему и расходимся.
  - Как же вы молитесь? Ведь у вас икон нет?
- Видимости мы никакой не признаём, а молимся, как Бог научил, как Иисус Христос учил: «истинные поклонники бу-

дут поклоняться Отцу в духе и истине, ибо Господь таких поклонников ищет себе».

- Всё-таки читаете же какие-нибудь молитвы?
- Как же. Только все из Писания: «Отче наш» там и другие.
  - А святых вы призываете на молитвах?
- Мы призываем только одного ходатая и посредника между Богом и человеками Иисуса Христа; других же мы не признаём за ходатаев. Если святые делали хорошо, то надо пример только жизни с них брать; а там дело Божье разбирать, кто свят, кто не свят.
- Ну, расскажите вы мне, пожалуйста, спросил я своего словоохотливого собеседника, вы, наверно, помните, когда вы «отписывались», что вас побудило ходатайствовать, чтобы вас «отписали»? Не притесняли вас тогда за это?
- Нет, благодаренье Богу, ничего нам такого не было; всё обошлось хорошо. А вздумали мы отписаться сообща: что, мол, нам таиться и скрываться? Грех только, - себя да людей обманываем. Давайте, мол, просить милости, чтоб нам дозволили по себе жить, по своей, значит, религии, и от икон чтоб освободили, потому что в домах их хоть тогда и имели, так только для «близиру», а сами на них не молились. Подумали-подумали, да и выбрали тех, кто постарше; подите, мол, просите начальство. Пошли наши ходоки тогда к начальнику губернии. Одинцов был тогда губернатором, Алексей Алексеевич, дай ему Бог доброе здоровье, когда жив, а как помер царство небесное. Пришли. Так и так, говорят, ваше превосходительство, дозвольте нам «отписаться», потому мы давно в убеждении были, и отцы наши такими же были, - так мы не хотим скрываться; чтобы людей не обманывать, хотим начальству открыться. Дозвольте нам самим по своей религии жить, а к православной церкви не касаться. Мы уж и так не имеем с ней ничего общего: делаем голько для виду, а в душе своё убеждение держим.

Поглядел он на них, порасспросил обо всём, как там и что, дескать, вы желаете, да и подходит к стене, указывает: «Вы, – говорит, – в этой стене хотите окно проломить; трудно, – говорит, – братцы». А они ему: «Мы, – говорят, – ваше превосходительство, просим только, чтоб нам дозволили по своему убеждению Богу молиться».

Поговорил это он с ними, усовещивать начал. Стоят на своём старики; просят, кланяются: «Похлопочи, – говорят, – чтоб нам беспрепятственно дозволили по себе моленье совершать». Пообещал он им довести о них куда следует. Умилосердились над нами: отписались мы, иконы попам сдали, а после кладбище нам отвели. С тех пор, слава Тебе, Создателю, живём спокойно; мы никого не трогаем и нас не трогают.

И действительно, за все слишком двадцать лет, как отписались здешние молокане, не было ни одного случая, который бы доказывал враждебное отношение между молоканами и православными; не было ни одного между ними религиозного столкновения, что в свою очередь доказывает молоканское миролюбие. Одной из отличительных черт молокан служит между прочим то, что они не навязывают своих убеждений, как это замечено у некоторых раскольников. Но это не ведёт к тому, чтоб молокане не любили говорить: они очень словоохотливы и откровенны и любят поговорить с тем, кто изъявит желание узнать их убеждения или затронет какие-либо религиозные вопросы.

Молокане отличаются особой честностью и гостеприимством. Свадебные пиры совершаются у них чрезвычайно просто, причём окончательно изгоняется употребление в пиршествах спиртных напитков. За исключением закусок и чая у них на пирах ничего не полагается. Интересно смотреть, как чинно и скромно совершаются у них пиры. Все садятся за длинные столы, причём соблюдается, чтобы старшим было дано самое почётное место; вообще у молокан уважение к старшим сильно развито. Женщины садятся отдельно от мужчин. На видном месте помещаются жених и невеста. Как только все разместятся, начинают обносить всех чаем (любимый напиток молокан); хозяева угощают гостей расставленными по столам закусками и десертом. Но никто ни к чему не притронется, покуда не прочтётся молитва. Вот встаёт один из старших; за ним поднимаются все гости. Старший громко читает молитву, по окончании которой все садятся, и начинается пир.

В продолжение пира гости занимаются разговорами и, между прочим, пением гимнов. Молоканский напев имеет своеобразные, иногда очень приятные, иногда трогательные мотивы. Интересно, что молокане все псалмы, то есть напевы их, знают на память: у них нет нот, а между тем каждый псалом имеет свою, отличительную от прочих, мелодию; сколько мне известно, псалмов с разными напевами у здешних молокан насчитывается чуть не до сотни.

Грамотность среди молокан сильно развита; между ними редко встретишь неграмотного. «Неграмотный – всё одно, что без глаз», – говорят они. Детей они охотно посылают в школы. Любят читать не одни священные книги, которыми они признают лишь Библию, а и светские литературные сочинения. Этим молокане выделяются из среды прочего крестьянского населения, представляя собой даже просвещённый элемент.

Против здешних молокан в настоящее время беседами и поучениями ратует очень ревностно местный священник, престарелый старец, отец Аргентов. Громит он их с своей кафедры, обличая заблуждения; даже издаёт свои брошюры, распространяемые населением. Всё это не столько действует на молокан, сколько на православных; молокане остаются при своих убеждениях. Да вообще молокане не охотники до публичных споров; они говорят, что Бог открывает истину только ищущим её.

ЛЕГЕНДА О ДУДИНЕ МОНАСТЫРЕ (Записана с родного предания со слов Ф.А. Серякова)

Амвросиев Николаевский Дудин монастырь стоит на правом берегу Оки неподалёку от села Подъяблонного Горбатовского уезда в весьма живописной и красивой местности. Монастырь этот был известен ещё с первых лет XV столетия и упразднён в 1764 году, а церковь его обращена в приходскую и приписана к упомянутому селу Подъяблонному.

По «Нижегородскому Летописцу» (изд. 1886 г. А.С. Гацисского) название монастыря «Дудиным» объясняется тем, что процветанию его способствовали помещики Дуденевы, жившие в конце XIV и начале XV в селе Дуденеве Горбатовского уезда поблизости этого монастыря, а потому будто бы и название монастыря Дудиным произошло от фамилии Дуденевых. Насколько это верно, мы, конечно, не можем сказать; но, тем не менее, не лишним считаем привести здесь слышанное нами народное предание по поводу основания этого монастыря и его названия.

Вот что нам привелось слышать об этом... На том месте, где стоит теперь Дудин монастырь и где протекает ручеёк, в один прекрасный день сидел пастух, пасший стадо, и играл что-то на пастушьей свирели (по простонародному – на дуде); в то время, когда он увлёкся игрой, на него нашло какое-то вдохновение, и он вдруг увидел чудесное явление: над ним в воздухе появилась икона Николая Чудотворца; от испуга он бросил свирель, побежал в село и рассказал про это чудесное видение. Молва об этом явлении скоро разошлась в народе, и к тому месту, где оно было, то есть к ручейку, стали собираться массы богомольцев, что и вызвало самое основание монастыря. По народному выражению, на том месте, где основался монастырь, пастух, играя на «дуде», «выдудел» чудесное явление, потому и осталось за монастырём название

Дудина. Народ и теперь ещё указывает то место, где будто бы сидел пастух, когда играл на «дуде» и видел чудесное явление.

Монастырь этот в своё время владел очень обширными имениями; даже и теперь большой район лесов, земель с деревнями по окружности носит название «монастырщины». Во время своего процветания монастырь не пользовался хорошей репутацией; в народе до сего времени сохранились некоторые предания о притеснениях и различного рода неблаговидных деяниях монастырской братии; даже этому молва приписывает и самое упразднение монастыря.

Кроме упомянутых недвижимых имений, Дудин монастырь, как видно из сотной грамоты 1630 года, владел также имуществом и в Нижнем, имея в кремле двор с церковью зачатия св. Иоанна Предтечи, и там же другой – для приезда монастырских крестьян; кроме того, вне кремля, подле кремлёвской стены, – двор и лавки у Дмитровских ворот, а также лавки и амбар близ гостиного двора и двор с садом близ Варварских ворот, подле старого острога.

Некоторые монастырские постройки сохранились и до сего времени. Каждый год в Дудин монастырь, в летний Николин день, стекаются и теперь массы крестьян. Говорят, что под колокольней монастырской церкви есть подвал, и там будто бы хранятся разные старинные рукописи и акты; если это правда, то весьма бы желательно ознакомиться с этим монастырским архивом, который, очень может быть, мог бы отчасти пролить свет на отдалённое историческое прошлое. Предоставляю это вниманию господ археологов.

Нижегородские губернские ведомости, № 8, 1887 г.

3 А Т М Е Н И Е (7-е августа 1887 г.) (Из частного наблюдения)

Я был в это время в Нижнем. Утром на самом восходе солнца мы отправились на откос горы, гордо и величественно возвышавшейся над Волгой. Несмотря на раннюю пору, на улицах были видны толпы любопытных, ожидающих интересного явления - затмения солнца. Нижний просыпался, и утренняя мгла постепенно редела, разгоняемая первыми лучами восходящего солнца. Было около половины шестого, когда мы прибыли на место; прекрасный вид заволжья развернулся перед нашими глазами. Солнце пробуждало жизнь, и во всём была видна эта пробуждающаяся деятельность: и в этих тихо катящихся водах Волги, и в этой всё более и более вырисовывающейся заволжской дали, и в этой зелени, и весёлом щебетанье птиц; всё казалось каким-то радостным, и эта радость сама собой сообщалась душе, как отзвук жизни, как сила и мощь природы. За Волгой виднелись деревни. Раскинутые там и сям по луговой стороне озёра блестели точно зеркало, отражая лучи солнца. К шести часам собралась порядочная толпа любопытных, пришедших подобно нам посмотреть на затмение. Все с нетерпением ожидали начала этого явления и поминутно смотрели на солнце; а оно сияло и весело освещало природу. По небу пошли облака; было опасение, что они закроют солнце. Мы удвоили внимание; на солнце не заметно было никакой перемены. Дул тихий юго-восточный ветер. Прозрачный утренний воздух позволял хорошо рассматривать даль; окрестность заволжья была ровно освещена солнечным светом. Я посмотрел на часы, было пять минут седьмого...

- Господа, началось!.. Началось!.. – проговорил кто-то. Все бросились смотреть в стёкла; чуть-чуть едва заметная тень легла на один край солнца, образуя выемку. Все с на-

пряжённым вниманием стали смотреть, как тень постепенно больше и больше стала надвигаться на солнечный диск. В эту интересную минуту облака закрыли солнце, и мы принуждены были выжидать, когда оно откроется снова. В природе не было заметно пока никакого изменения, всё было в обычном виде. Облака неслись целыми вереницами с небольшими перерывами, и в эти моменты перерывов мы могли следить за затмением; тень закрывала уже солнце более чем на две трети; вслед за этим дневной свет стал гаснуть и принимать совершенно другой оттенок, наступали будто сумерки. В толпе шёл говор; некоторые рассуждали и делали замечания. Тень надвинулась ещё больше, и с этого момента мрак стал надвигаться гуще; за Волгой, вдали, там, где предполагалась центральная полоса затмения, вдруг сделалось темно, как ночью, и эта тьма стояла там стеной, как грозовая туча, совершенно отделяясь от полосы света; там стояла стена мрака, стена полной ночи. Интересно было видеть, как тень бежала по земле и как боролся, точно замирая, свет. Вот ещё момент; тень на солнце настолько надвинулась, что осталась едва заметная светлая полоска нижнего края солнца наподобие миниатюрной ладейки, и вслед за этим всё погрузилось во мрак; небо сделалось тёмно-свинцовым, громады облаков приняли фантастически-мрачное очертание, горизонт на северо-западе подёрнулся желтоватой полосой, и сразу вся природа изменилась и произвела на душу мрачно-гнетущее впечатление: повеяло чем-то могильным, умирающим. Все присмирели, говор замолк; только в момент наступления полноты затмения раздалось несколько восклицаний удизления и страха... Нельзя описать всей полноты впечатления, которое производит на душу эта минута: все, совершенно все изменяет свой обычный пормальный вид; зелень деревьев делается какого-то коричнево-темного цвета; пица подеи зеленовато-трупного оттенка; но бочее всего поражает взор угасающая прелесть природы и оттенки и переливы света,

который, как бы умирая, борется с неведомой силой, заставляющей трепетать последние отблески лучей; вон в облаках полыхает этот отблеск и затем моментально гаснет, погружая всё во мрак и повергая природу в неестественный вид; всё подёрнулось в какой-то новый, невиданный и, вдобавок, нерадостный колорит; сама природа чувствует это: вон всполохнулась стая недавно каркавших ворон; вон стая голубей снялась с места и начала метаться, как бы застигнутая врасплох; даже деревья как бы чувствовали это, сильнее шелестя листьями; и не потому слышен этот явственный шелест дерев, что вокруг воцарилась вдруг могильная тишина и всё как бы притаило дыханье в удивлении и страхе, — а потому, что сразу понизившаяся температура вызвала течение воздуха, повеяло чем-то холодным, руки начали коченеть, дрожь пошла по телу.

Но что же это?.. Это веяние смерти над землёй! В эти минуты всё казалось умирающим; земля разобщилась с источником жизни и света, как разобщается электричество: в эти минуты она трепетала, и всё живое замерло в ожидании и страхе. Гнетущее впечатление отразилось и на присутствующих: на многих лицах видно было волнение и боязнь.

Нет!.. не хватит слов и красок, чтобы воспроизвести вполне эту картину, которая представлялась взору в течение двух-трёх минут, эти минуты показались вечностью... А что как не возвратится свет?.. что как станет ещё темнее?.. Но темнее не было; только переливы света продолжались в облаках. Всё с замиранием сердца ожидало первого проблеска радостного света, могущего воскресить к жизни природу; а жизнь остановилась, человек сосредоточился на одном, всё волнующее жизнь отпало и всё ждало одного, – ждало под тяжёлым гнётом невиданного зрелища.

Я почуял и в себе что-то мрачное, меня охватила какая-то безотрадная тоска и ожидание... Вдруг в облаках заколыхался первый луч солнца: моментально всё потеряло печальную окраску, и после всего виденного этот отблеск источника

жизни озарил природу ещё милее, ещё радостнее. Крик восторга пронёсся в толпе; возобновился говор, у всех будто бы свалилось с плеч тяжёлое; всё ожило, начался живой обмен впечатлений. Жизнь возвратилась!.. Солнце сияло и радостно освещало природу.

Не забуду я никогда те две минуты, которые составляли самое величественное явление затмения. Эти минуты останутся в душе на всю жизнь. Я уверен, что всякий, кто в этот момент успел уловить возможную полноту общей картины, разделит то же мнение. Скажу несколько слов о побочных на-6людениях, имеющих связь с затмением. Во время наступления тени на солнце, при начале затмения, никаких признаков перемены в природе не заметно; по мере перехода половины солнечного диска кажется, что тень надвигается быстрее, и в это время заметно слабеет свет. Когда солнце закрывается на две трети, наступают сумерки, в животных оказывается беспокойство; я видел, что сидевшая стая голубей начала выказывать какую-то тревогу, птицы до этого спокойно летали; заметно также, что перед полным затмением, то есть за несколько минут до наступления полного затмения, вороны сильно каркают; при наступлении полного затмения свет оыстро начинает гаснуть, и, наконец, при полном погружении во мрак сильно понижается температура, ощущается неприятный холод; в это время на животных нападает безотчетный страх. Заметно, что некоторые птицы свёртывают голову под крыло или летят в гнёзда; другие в беспокойстве менутся из стороны в сторону.

Полоса центрального загмения, если ода видна с но загашенности, кажется мрачной грандиозной тучей; выдло, ч о там темнее, чем вне этой полосы.

Кажется, что всё тонет в мраке; здания, особе но жие, принимают какие-то чудовищные формы

На людей во время затмения иногда находи плител и факт: торговки, разложившие гонары и не верение сказание о затмении, до наступ тения полнию затмении.

ялись над глядевшими в стёкла; в момент же полного затмения бросили свой товар и в страхе разбежались. Также персы и татары на ярмарке бросились во время затмения в мечеть, думая, что наступает конец света.

Люди, шутившие при начале затмения, теряли самообладание, когда наступала тьма и, как бы удивляясь, говорили: «Смотрите, смотрите – темнеет, темнеет! Господи!.. Батюшка!..» Иные крестились. За несколько секунд до наступления мрака один стоящий со мной человек говорил: «Что же говорят, что затмение страшно?.. Самое обыкновенное явление!..»

Но едва только стала спускаться тьма и на небе заблистала одна узенькая полоска солнца, он с удивлением и страхом, как бы от неожиданности, растерялся и стал осматриваться в разные стороны, повторяя: «Господи, Господи! Что это?.. Холод какой; темнеет, смотрите, темнеет?..»

Когда начинает сходить тень и показываться узкий серп солнца с правой стороны, — замечается, что луна кажется виднее, так что в простое копчёное стекло заметна вся её окружность наподобие шара; до этого же времени она кажется простою тенью.

В Нижнем при неполноте затмения выступов солнца или его короны вовсе не было видно, и поэтому не было такой величественной картины, какая может быть на центральной линии затмения.

Тень от луны при наступлении затмения довольно хорошо заметна с возвышенности, и видно, как она подвигается быстро по земле.

Заканчивая эти беглые наброски простого наблюдения над затмением, я должен сказать, что общая картина затмения оставляет глубокое впечатление на зрителя, которое едва ли изгладится во всю жизнь.

Нижегородские губернские ведомости, №№ 45-46, 1887 г.

АРХЕОЛОГИЧЕСКИЙ ИНТЕРЕС ГОРБАТОВСКОГО УЕЗДА

Императорское московское археологическое общество озабочивается в настоящее время составлением археологических карт губерний. Для того, чтобы получить более полное и верное понятие о численности и распределении исторических древностей России, оно прибегает к посредству лиц, имеющих сведения о каких-либо интересных предметах этого рода. Так как эти сведения ближе всего получить от самих местных жителей, то общество обращается с просьбой ко всем, кто может доставить эти сведения, ответить хотя бы на несколько вопросов составленной археологическим обществом программы. Программа эта помещена в № 42. Желая с своей стороны содействовать этому делу, мне пришлось собрать несколько сведений, хотя, впрочем, и не особенно значительных, но тем не менее всё-таки представляющих некоторый интерес для археологии.

Собирать эти сведения мне пришлось за весьма короткий период времени, так что я ограничивался только расспросом крестьян, не имея возможности проверить некоторые указания прямо на месте. То, что мне пришлось узнать со слов местных жителей, я не лишним считаю привести здесь независимо от доведения этого до сведения Императорского московского археологического общества.

1

В селе Богородском Горбатовского уезда около 1850 года при рытье канавы для дома крестьянина Вирина на Завражной улице был найден на глубине нескольких аршин зарытый в землю кувшин с серебряною монетой клинообразной формы. На этом же самом месте, как утверждают старожилы, точно такая же находка была сделана много лет ранее упомянутого случая.

Около деревни Мякушки Ворсменской волости Горбатовского уезда одним крестьянином случайно на пашне выкопана железная посудина, которая оказалась с старинными серебряными монетами различной формы. Монеты, говорят, крестьянином утрачены, а посудина будто бы цела. Посудину эту крестьяне почему-то называют «бахилой» — вероятно по некотором сходстве с этим предметом (бахила — это особая обувь, похожая на чулок, шитая из кожи, — её крестьяне носят поверх онуч).

3

Около деревни Баркино Горбатовского уезда назад тому два года одним крестьянином найден был клад: горшок с серебряными монетами. Деньги эти будто бы представлены куда следует.

4

Близ деревни Кудрёшки Горбатовского уезда несколько лет тому назад найден клад: серебряные трёхугольной формы монеты.

5

На самом том месте, где стоит деревня Великосельево, находящаяся недалеко от села Богородского, с некоторого времени крестьяне стали замечать, что стоком воды на улице при въезде в деревню на самой дороге стало из земли размывать человеческие кости; по-видимому, тут было какое-то древнее кладбище. Раскопок крестьяне не делали, при вымываемых костях других вещей не замечали. О том, было ли тут когда кладбище или нет, никто из старожилов не только не помнит, но и не слыхал.

6

В деревне Пантелеево Теряевской волости крестьянин

Степан Павлычев заметил у себя в воротах, ведущих во двор, небольшой обвал. Заинтересовавшись, он начал разрывать это место, причём оказалось что-то вроде подвала с каменным сводом; под сводом ничего не нашли, дальше рыть крестьяне не стали. Свод опять заровняли землёй.

7

В деревне Великосельево Горбатовского уезда на усадьбе крестьянина Всеволода Бакаева случайно был им открыт на глубине одной сажени каменный свод, под которым оказалось что-то вроде горна, выложенного кирпичом. Предметов в нём никаких не нашли.

8

Близ деревни Чудиново Ворсменской волости Горбатовского уезда есть озеро Доскинское, или иначе называемое «Свято-озеро»; недалеко от этого озера по направлению к западу есть гора, представляющая с одной стороны отлогость, с другой – крутизну. Среди крестьян держится до сих пор предание, что гора эта насыпная и что она насыпана когда-то войсками: это предположение оправдывается ещё тем, что среди окрестных жителей ходячее название этой горы «Городок». Раскопок на этом месте никогда не было, как, по крайней мере, передают об этом жители. Около этой горы очень много неправильной формы и не очень глубоких ям, неизвестно от чего образовавшихся, но, по всей вероятности, рытых. Некоторые из ям поросли кустарником. Гора имеет круглую форму размером в поперечнике пятнадцать-двадцать сажен и в вышину восемь-десять сажен.

9

В деревне Пантелеево Горбатовского уезда, в десяти верстах от села Богородского, в двадцати – от Горбатова, есть несколько камней, наподобие могильных, размером около двух аршин в длину и одного в ширину. Камни эти находятся в

лежачем положении в разных местах на самой улице упомянутой деревни. Крестьяне говорят, что будто бы на них когда-то значились надписи, но теперь разобрать ничего нельзя, так как надписи от времени сгладились. Камни лежат наполовину врытыми в землю. Видимо, что камни были тёсаные. Попытки разрывать под ними землю не было, хотя крестьяне об этом и поговаривают. Кем и когда были эти камни положены и с какою целью, никто из крестьян-старожилов не помнит. Были ли они когда в другом положении, не в лежачем, как теперь, никто не знает.

10

В одной версте от Горбатова, на пашне, близ деревни Нисково и городского кладбища, лет двадцать тому назад один крестьянин распахал бугор, давно привлекавший внимание крестьян, в этом бугре оказалось скрытым разное старинное оружие, оклады с икон и сбруя. Куда эти вещи делись – неизвестно.

11

Близ Горбатова же, верстах в четырёх на юг, есть местность, называемая «Бежаново». Местность эта образует из себя почти сплошные овраги, на дне которых есть ровные места, по всему низу разбросаны камни каких-то старинных построек; камни большого размера, каких ныне на стройку не употребляют, и неправильной формы. Народное преданье говорит, что тут ранее было какое-то поселение, но о том, отчего ушли люди с этого места и кем разрушена постройка, неизвестно.

12

В селе Сеславском Владимирского уезда есть насыпь, называемая «Венчаниха», эта насыпь возведена на болотистом месте, весьма порядочной вышины. В настоящее время близ этого места кладбище. Раскопки этой насыпи не было, но в народе держится упорное мнение, что в этой насыпи должно

быть что-нибудь скрытым. Близ села Сеславского (село Сеславское-патриаршее отстоит от Владимира на север в семи верстах) есть и ещё насыпи. Замечательны из них две могилы, которые находятся на пашнях; обыкновенно их в народе называют «могилками». Предание говорит, что в этих могилах зарыто патриаршее добро во времена нашествия Батыя. В десяти верстах от села Сеславского есть другое село – «Батыево», где будто бы останавливался с войсками Батый. В этой местности есть, говорят, много и ещё не исследованных поныне достопримечательных в археологическом отношении мест. Упоминаемые выше могилки, как говорят, никем ещё не были разрываемы; интересно бы, впрочем, проверить справедливость предания и осмотреть содержимое могил и насыпи.

Приводя помещаемые выше записи и имея ввиду по мере возможности продолжать их, желательно было бы, чтобы все, кто имеет какие-либо сведения, представляющие археологический интерес, кто знает что-нибудь о находках, раскопках, курганах и проч., доставляли бы эти сведения или прямо в Императорское московское археологическое общество (Москва, Берсеневка, собств. дом), или в нижегородский губернский статистический комитет. При этом каждый должен помнить, что как бы ни была ничтожна на взгляд неспециалиста какая-либо археологическая находка, она всё-таки может представить интерес для археологии, а потому каждым таким сообщением преподносится услуга весьма важному делу археологических исследований по России, и облегчается труд посвятивших себя на это дело лиц. Желающим ознакомиться с программой вопросов Императорского московского археологического общества указываем, что в № 42 нашей газеты помещена подробная программа, по которой желательно иметь сведения.

Нижегородские губериские ведомости, №№ ~~44-45~~, 1888 г.

ПЕРЕСТАНЕМ ПИТЬ ВИНО И УГОЩАТЬ ИМ (В редакции Л.Н. Толстого)

Разве не знаете, что малая закваска квасит всё тесто? (1-е посл. Коринф. 5 гл., 6 ст.)

Пьянство – великое зло. Никто об этом не спорит. И всякие беды, и нужды, и ссоры, и драки, и судбища, и разврат, и воровство, и убийство, – все от пьянства. Все знают это, и все пьют и угощают.

- Что мне не пить? говорит один. Надо знать меру. Виноват не тот, кто пьёт, а кто не знает меры.
- Если есть на свете пьянство, говорит другой, так ведь я один не искореню его тем, что брошу пить. Что я за выскочка, чтобы других учить.
- Я бы, пожалуй, не стал пить, говорит третий, да как быть с тем, чтобы не угощать? Придёт друг, кум, брат, сват, ну, как не попотчуешь их? А крестины, свадьба, праздник, разве можно без угощения? Засмеют, засрамят люди.

И таких отговорок без числа. И мучаются и гибнут сотни, тысячи, миллионы людей только потому, что одни любят пить вино и умеют пить в меру, а другие не хотят быть выскочкой, а третьи боятся обидеть кума или свата и того, чтобы не осудили люди. Ты говоришь, что не грех и выпить в меру, не грех угостить вином, водкой и пивом людей. А подумал ли ты о том, с чего началась погибель тех людей, которые спились с круга и погубили и себя, и свои семьи? А только оттого, что люди старше их при них пили и их угощали. Евангельское слово говорит: «Горе миру от соблазнов, ибо надо придти соблазнам; но горе тому человеку, через которого соблазн приходит».

Молодой человек, который не пил прежде ничего пьяного, видит, что и в праздник, и в гостях, и на свадьбе – везде * Матф. 18 гл., 7 ст.

HEPEGRAHEM'S HAT'S BUHO и угощать имъ.

He was a second of the second on capes to make the state of t

" Service of property of the same and designate of The property o MACES IT. COLUMNISTS OF THE RESIDENCE OF THE PARTY PARTY.

mayors sounded forms promoter lecutary an-Control of the same of PLANTING REPORTS OF THE PARTY O DESCRIPTION OF STREET STREET, MED BUTL BY SUPY, & SPATIS OF SHERE SAFE, BATTORNAL THE PARTY SHETCH OF RELEVAN gy on man chara it form, who the are organized during In-SPOCTUTE DERIVATE, BOSTON OF answers despeti. A many term AN IN IS SHAPP UP ALL IN water angeless risk go rell, europies contact, en spars w maryfersu is code in case consul? A rotten or-See and the first in the start N- STUSIANOS CHORE говорять: «Горе вірт оть соблановъ, вбо па зо приста columna to no rope your separately, specia morogano courses abarothera.

Хомугь пропиваеть

Manage schools, surround so man speaks navers. Xovens cavents here, to repose the states, store a se specialist, store a security of the specialists, a security of the securi casely and SITE S CREATER HATS THEN, BYO DE MANYS, IS NOTE MADE not a catalog than, and craping system on mason, white course, the course spo toposto, sto Appen, mercensors only poorty, parry m. The state of the s MATE THE SHE SEE S BOOTERS HEVE & STORAGE (PS

uneven man columns Others and moures? How THE PARTY NAME AND TRANSPORT where saves on sofie, was the CHARGE OR RESIDENCE, STATUTE n extenses a sypanismes. Combined States on Combined Stat min aleastmany who was me HALL HAS DESPITE SPRING HARL CHRISTING BL. BARROWS II SPECIFICAL PROPERTY STOR. PETER KAN SOME VICTORIA MITS OF ATTOM THE PA SPRENGETS OF BRIDE, PARE con training, ere a passi-lately to mysteria, Orresto 1975, Rhy., Rese, Phase 2775. AND THE PERSON AND ar 30 - 20 - 30 - 30

P. PLANE

As Alban are no correct II could say for expensive reasoning a second of the could be a control of the could be compared by the could be found to be compared by the could be found to be compared by the could be compared b THE REAL PROPERTY AND PARTY AND PERSONS ASSESSED. francis in arthurs. rara, a negora mara forsa,

A Street

№ 18. БОРЬБА СЪ ПЬЯНСТВОМЪ

Mario Commis

and while A SA STORY BE

старшие пьют, упрашивают других пить и смеются над теми, кто не пьёт, и вот молодой человек, думая, что старшие лучше его знают, что хорошо, что дурно, выпивает одну рюмку, другую, делается пьяным, а потом привыкает к пьянству и делается пьяницей. А кто соблазнил его? Чрез кого соблазн вошёл в этого человека? Чрез кого же, как не чрез тебя, и тебя, и всякого из нас, который знает, что вино зло, и всё-таки пьёт и угощает других людей. А ты знаешь это, и потому великий ответ тебе будет перед Богом. Слово Божие обличит тебя.

Апостол говорит, что не то что вино, но «если пища соблазняет брата моего, не буду есть мяса вовек, чтобы не соблазнить брата моего»". А мы что же? Знаем и говорим о том, какое зло людям от наших пьяных напитков, и тут же при этих разговорах берём в руки рюмку, наливаем, и пьём, и поим людей. «Лучше не есть мяса, не пить вина и не делать ничего такого, от чего брат твой претыкается, или соблазняется, или изнемогает» , - в другом месте говорит апостол. А отчего брат твой претыкается или соблазняется? Отчего изнемогает? Претыкается он на твой пример, глядя на тебя, что ты сидишь за вином, пьёшь, и смеёшься, и куражишься, как будто самое хорошее дело делаешь. Соблазняется он тем, что ты при каждом важном деле, при свадьбе, при крестинах, при празднике, при именинах, при встрече, проводах, считаешь нужным и приличным ставить вино, водку и пиво. А изнемогает он оттого, что ты, зная всё зло, которое происходит от вина, сам ещё угощаешь его и доводишь до пьянства. Отговорок нет. Ясное дело: есть две дороги, выбирай любую; одна - служить врагу, другая - Богу. Хочешь служить врагу пей сам вино, пиво, водку, угощай людей, справляй крестины, свадьбы, похороны с угощением. И заслужишь врагу. Хочешь служить Богу, то первое: брось сам пить пиво, и вино, и водку, ни много и ни мало, а совсем брось для того, чтобы не подавать соблазна людям, и второе: брось обычай угощать

^{** 1-}е посл. Коринф. 8 гл., 13 ст.

^{***} Римл. 14 гл., 21 ст.

других на проводах, свадьбах, крестинах, не бойся того, что осудят тебя за это люди. Бойся не людей, а Бога.

Дело это не шутка. И если мы не на словах только христиане, а хотим на деле служить Христу и Богу, то нельзя нам по-прежнему пить вино и угощать им. Давайте же сделаем так, и помоги нам Бог.

Российский государственный архив литературы и искусства. Ф. 436. Оп. 1. Ед. хр. 2111а. Л. 1.1-1.3.

О НАЧАЛЕ ПРОМЫШЛЕННОСТИ В БОГОРОДСКОМ

Размышляю о днях древних, о летах, давно минувших. Из летописи

Весь Горбатовский уезд и часть Нижегородского, а также и та местность, где расположено Богородское, называлось в старину «Березопольем» по причине большого обилия бывших тогда берёзовых лесов. Первые переселенцы этой местности были пришлые люди с верховьев Оки и Волги, оттеснившие природное население низовьев Оки - мордву, мещеру и другие инородческие элементы, населяющие тогда почти всю область Нижегородской губернии, в юго-восточную её часть. в уезды Арзамасский, Лукояновский и Сергаческий. С занятием Нижнего Новгорода князем Юрием Всеволодовичем в 1221 году местность, где расположено Богородское, получила название «Березопольский стан», местность же, граничащая с рекой Кудьмой - «Закудемский стан». Все эти местности сначала входили во владения Владимиро-Суздальских князей, а потом перешли к Московскому княжеству. В эпоху борьбы русских князей с мордвой, татарами и волжскими болгарами Нижегородская губерния и Нижний Новгород, представлявший тогда окраинный укреплённый город, были оплотом для Руси от нашествия упомянутых инородцев, и местность Горбатовского и Нижегородского уездов делалась иногда ареною военных столкновений. В период расширения владений Московского княжества население Нижегородской губернии, в том числе и Горбатовского уезда, первое вошло в мирные торговые сношения с низовьями Волги и установило первый обмен товаров с Казанской и другими низовыми областями, установив зачаток будущей Нижегородской ярмарки - временное торжище на Арском поле под Казанью. Но в 1524 году, после случившегося столкновения на этом торжище русских с татарами в царствование князя Василия Ивановича, ярмарка эта была переведена к городу Васильсурску к Макарьевскому монастырю и с тех пор получила наименование «Макарьевской».

Промышленность Богородского начала развиваться задолго до этого времени и выделила основным промыслом выделку кожевенного шорного и рукавичного товара. Развитие этого промысла получилось, вероятно, под влиянием торговых сношений и заимствованию этих промыслов из других мест через пришлое население, образовавшее в старину первый посёлок на местности Богородского по удобству кожевенного промысла расположенных нескольких озёр и протоку проходящего через эту местность суходола, наполняющегося периодически весенней водой, в котором кожевники устроили запруды и поставили первые маленькие кожевенные заводы и своё жильё. Есть предположение, что с падением древнего болгарского городка под Казанью, где было сильно развито кожевенное производство, и с занятием этой местности татарами, оттеснившими бывшее там население вверх по Волге, этот момент и мог послужить основанию незначительного посёлка с корнями кожевенной промышленности на месте теперешнего Богородского, именовавшегося тогда по местоположению «Подольцем». И это тем более вероятно, что и прежде волжские полчища болгар при вторжении в русские владения проходили через теперешнюю область Нижегородского и Горбатовского уездов вплоть до Мурома, что подтверждается историческими данными 1088 и 1184 годов. Кроме того, на заселение части Нижегородской губернии, преимущественно расположенной к берегам Оки и Волги, не могли не влиять плававшие гогда по этим рекам новгородцы, которые нападали на местности поселений волжских болгар и их столицу проделована Волге, недалеко от Казани, славящуюся кожевенным произ водством, и уводили оттуда пленных, которых и поссыв и по разным областям своих владении.

Со временем укрепления Нижнего как пограничного города совпадает и разорение местности «Болгары» в половине XIII века. Влияние этого промышленного по кожевенному производству города на развитие в Нижегородской губернии кожевенной промышленности подтверждается удержавшимися до сего времени инородческими древними названиями некоторых сортов кожевенного товара, как например: «булгара», «юфть» и «сафьян», — известных и теперь под этими же наименованиями, а также оставленными следами новых поселений с кожевенной промышленностью кроме Богородского, как-то: Спасское, Тунабаевка, Ватрас, Городец и Катунки, а впоследствии и село Юрино, с которыми население Богородского имеет ясно выраженное племенное и по обычаям жизни родство.

В эпоху смутного времени на Руси Богородское успело уже развиться в порядочное промышленное село, что подтверждается упоминанием о нём в жалованной грамоте Козьме Минину в 1613 году. Нет сомнений, что сношения с Макарьевской ярмаркой, получившей развитие в шестнадцатом столетии около Васильсурска, способствовало установлению и развитию торговых оборотов по продаже кожевенного товара и покупке сырья от скотоводов заволжских степей, выезжавших на ярмарку, но главнейший толчок к расширению местных промыслов дало, во-первых, проведение через Богородское в Екатерининское время грунтового Екатерининского тракта, а во-вторых, в ещё большей степени, - переведение к Нижнему Новгороду в 1817 году от Макарьева ярмарки, поставившей Богородское в близость к этому всероссийскому торжищу, оживившему торговые сношения, сделав Богородское по кожевенной промышленности известностью по многим торговым центрам, установившим потом постоянные сношения с Богородским по вывозу кожевенных товаров местного производства.

Это время для Богородского и надо считать исторически переходным для дальнейшего развития производства. Бли-

зость Нижегородской ярмарки, оживление, за отсутствием тогда железных дорог, торгового тракта, лежащего через село, поставило в выгодное положение местную промышленность и способствовало тому, что местные заводчики и кустари, приобретая знакомство с проезжими на ярмарку и на самой ярмарке покупателями, завязывали с ними сношения и доставляли товары и после ярмарки в течение всего года через периодический приезд покупателей или по высылке по заказам на разные местные ярмарки и для постоянной торговли. С другой же стороны близость ярмарки способствовала выгодной покупке сырья, привозимого с разных мест в больших количествах, и не только крупным заводчикам, но и мелким кустарям, которым также представлялось удобством вывозить поблизости свои товары на ярмарку и продавать их без посредства и зависимости крупных предпринимателей и посредников прямо приезжим торговым фирмам, и тут же затрачивать вырученные деньги на покупку сырья, привозимого из дальних мест Поволжья, закаспийского края и среднеазиатских степей. Таким образом, для местной промышленности удовлетворились обе её стороны: и покупная и продажная; и эти-то условия при предприимчивости промышленников постепенно создали такой крупный центр кожевенной промышленности, каким стало впоследствии Богородское, приобретшее известность не только в России, но и за границей, а из мелко-заводского и кустарного типа преобразовалось уже в фабрично-заводской с техническими усовершенствованиями. Вслед за этим из прежней простой трудовой жизни наравне с рабочими стала выделяться резко отличающаяся жизнь состоятельного класса с городскими прихотями и замашками. Только одна жизнь труженика рабочего осталась до последнего времени, пока не прошлась по лицу земли революционная метла, без изменения и с однообразной унылой песней, которая устами рабочего говорит:

Дивись ты моему труду:
Прикован вечно я к пруду.
Не зная устали и лени,
В воде стою я по колени
И шкуры мну, и мну, и мну,
И чищу за одной одну,
Здесь и зловоние, и холод,
И мучит до заката голод,
Зато моим трудом обут
Всяк, кто живёт и там и тут.

Но надо верить, что в прогрессе жизни должны смениться и песни на бодрые и радостные, как должен быть и радостен всякий человеческий труд.

Искры творчества (Издание Богородского литературного художественного кружка при Богородской художественной студии), № 1, 1922 г. С. 14–16.

ВОСПОМИНАНИЯ

ВОСПОМИНАНИЯ Ф.А. ЖЕЛТОВА О ЗНАКОМСТВЕ С Л.Н. ТОЛСТЫМ

Предлагаемые здесь воспоминания Ф.А. Желтова написаны им в ответ на запросы мои о подробностях, касающихся его знакомства и сношений со Львом Николаевичем Толстым, которые мне понадобились для работы над примечаниями к письмам Льва Николаевича к В.Г. Черткову.

Фёдор Алексеевич Желтов – один из самых видных руководителей старо-молоканской общины. О нём встречаются следующие упоминания в письмах Л.Н. Толстого к Владимиру Григорьевичу:

«Ещё в этот приезд в Москву вошёл в сношения с двумя писателями крестьянами: один молоканин молодой, другой фабричный... очень радостно было сойтись» (М., 25 anp. 1887 г.).

«Посылаю Вам... еще повесть с письмом Желтова. Этому я сейчас пишу. Это молоканин вполне христианского духа по письмам. Таланта художественного нет, но, исправив повесть, сократив длинноты, я думаю, можно напечатать» (О рассказе «На Волге», – Я.П., 21 июля 1887 г.).

«Теперь посылаю Вам статью молоканина Желтова Нижегород. губ. Мне кажется, недурно и может быть напечатано, посылаю Вам и его письмо, чтобы Вы составили себе понятие об этом – как мне кажется – очень серьёзном человеке» (Москва, 8 февр. 1888 г.).

«На днях у меня был Желтов, молоканин Нижегородский. Это молодой человек очень умный и религиозный. Верования их самые разумные и свободные от догматики и суеверия. Он был с матерью. Они проездом были – ездили на ярмарку».

И в том же письме дальше:

«Наше согласие против пьянства распространяется очень медленно – теперь 270 членов, но мне кажется, прочно и твёрдо».

Членом этого согласия был также Желтов.

Позднее в письме к П.И. Бирюкову (15 февраля 1889 г.) Л.Н. пишет, прося его сходить к граф. Ал. Андр. Толстой похлопотать о разрешении «Согласия против пьянства» и «разрешении печатать такие листки и раздавать...». Один из таких листков «Перестанем пить вино и угощать им» был составлен Ф.А. Желтовым.

А. Черткова

^{*} Анна Константиновна (Дитерихс) Черткова (1859 – 1927) - жена Владимира Григорьевича Черткова (1854 – 1931), близкого друга Льва Николаевича Голстого, редактора и издателя его произведений, лидера толстовства как общественного движения. В 1928 г. В.Г. Чертковым было инициировано и здание Полного собрания сочинений Л.Н. Толстого в 90 томах, работа над которым оыла закончена уже восле его смерти.

Относительно переписки с Л.Н. сообщаю, что первое письмо, написанное ему мною, было вызвано прочтением в случайно попавшей мне рукописи перевода некоторых мест Евангелия, заинтересовавших меня потому, что приводимые понятия совпадали с усвоенными сектантскими мировоззрениями духовных христиан (молокан), той среды, в которой я родился и получил воспитание. Это было в 1886 – 1887 гг. Простота изложения, глубина мысли и близкое к жизни освещение вопросов Евангельской истины захватили меня так, что, помню, первое моё обращение к Л.Н. было начато словами: «Господин! дай мне этой воды, чтобы мне не иметь жажды...» (Иоан. 4, 15).

Ответ Л.Н. был самый задушевный, приветствующий содержание письма по единению религиозной мысли, ободривший меня подтверждением правильности направления усвоенных религиозных понятий.

С этого началось с Л.Н. моё знакомство: сначала письменно, а потом и лично. Вскоре после этого я послал ему первую свою рукопись «На Волге», прося отзыва и передачи в печать для народных изданий: это было в 1887 году.

Ответ был – одобрение, но при этом, отвечая по содержанию моего письма, он прибавляет, что писательство целью жизни ставить нельзя, и из этих слов особенно запечатлелась в душе фраза: «Дело не в том, чтобы писать, но чтобы жить истинной христианской жизнью».

После этого я посылал ему статью в 1888 г., в феврале, о значении физического труда в жизни человека, которая была озаглавлена «Как я колол дрова, и что из этого вышло». Статья эта нигде не была напечатана, хотя и одобрена Л.Н., но нуждалась в некотором исправлении и сокращении.

Моё личное знакомство с Л.Н. состоялось, кажется, после этого вскоре, зимой, в доме в Хамовническом переулке. После этого мне приходилось быть у Л.Н. несколько раз и продолжать с ним переписку. Один раз зимой, в феврале, я был у него в Ясной Поляне. По его указанию заезжали к нам в село его друзья, из которых помню П.И. Бирюкова, Е.И. Попова, А.П. Архангельскую, Хохлова, Рахманова, А.Н. Дунаева, И.П. Брошина, док. Шкарвана и мн. др., которые были в Богородском и повторяли посещения проездом.

Из статей о пьянстве я посылал:

- 1. «Перестанем пить вино и угощать им», которая и была издана в виде листка «Посредником», а потом, кажется, помещена в сборнике поучений;
- 2. Статью о пьянстве (не помню, как заглавие), но почему-то неизданную;
- 3. Копию согласия против пьянства, составленного местными сектантами, кажется, в 1858 1860 гг. с подписями членов общества духовных христиан (молокан).

Указанный Вами сборник поучений против пьянства составлен, кажется, П.И. Бирюковым, потому что он говорил мне, что в него вошли некоторые материалы и мной доставленные, а также и статья «Перестанем пить вино...». В «Посреднике» напечатаны с одобрения Л. Н-ча мои рассказы: 1. «На Волге»; 2. «Вдова» (она же первоначально была издана под заглавием «На сходке»); 3. «Перед людьми». Были и ещё посланы, но я взял их для переработки; они и теперь ещё не изданы.

С. Богородское, 17 мая 1918 г.

Российский государственный архив титературы и искусства. Ф. 436. Он. 1. Ед. хр. 2300. Тт. 1-4.

ИЗ ВОСПОМИНАНИЙ О В.Г. КОРОЛЕНКО

Мне приходилось видеться с В[ладимиром] Гал[актионовичем] в Нижнем, когда он был особенно занят известной общественной деятельностью, и потому, к сожалению, свиданья были коротки, т.к. случайно совпадали с намеченными или неотложными делами. Раз пошёл я к нему с моим другом Н.Ф. Биткиным и, не доходя до его квартиры, встретили его идущим в группе близких ему друзей, между которыми был Н.Ф. Анненский. Остановились. Оказалось, что идут на какое-то заседание. В. Гал. выразил сожаление, что не может уделить время, и пообещал зайти сам в указанное нами место - на ярмарке, т.к. дело было в августе. Случайно, на другой день, разговорившись с приехавшим на ярмарку знакомым Л.Н. Толстого, мы решили позвать Вл. Гал. к себе и послали узнать, может ли он побывать у нас. Оказалось, опять неудача: он только что отправился с кем-то из приехавших в ярмарочный театр на спектакль с участием какой-то знаменитости. Ввиду скорого отъезда знакомого Л. Н-ча, пожелавшего повидать В. Г-ча, я с Н.Ф. Биткиным отправился в театр, чтобы во время антракта вызвать В. Г-ча и переговорить с ним. К нашему счастью, мы встретили его при входе в театр. Узнав наше желание, он высказал сожаление.

– Мог бы сейчас же идти с вами, оставив театр, но чувствую недомогание, и друзья меня отпустили; еду домой... вы извините, я обязательно зайду к вам, – обратился он ко мне.

Через несколько дней он ко мне зашёл, но друзья мои уже уехали, и мы с ним провели в беседе часа два.

Нечего и говорить, что В. Г-ч произвёл на меня самое чарующее впечатление: его простота, задушевность, какая-то особая способность легко вовлекать в разговор, отвечая

чувству собеседника, сразу же сближала с ним. Особенно отмечались его лучистые вдумчивые глаза, которые сияли каким-то внутренним огнём; а как луч пробегающая по лицу улыбка делала его лицо особенно привлекательным.

Помню, что разговор коснулся посещения В. Г. Семёновского уезда, тех мест, которые описаны были у П.И. Мельникова, особенно берегов известного озера Светлояра, где раз в год собираются сектанты и раскольники для празднования и религиозных диспутов. Узнав, что я знаком с новыми народившимися там сектантскими течениями рационалистического направления и что я сам принадлежу к такой же группе, отделившейся от православия ещё со времён дедов и отцов, он заинтересовался и попросил меня хотя бы кратко изложить своё мировоззрение. В связи с этим зашёл разговор о времени крепостного права, известного мне по свежим впечатлениям от рассказов моего отца. Отец мой был уполномоченным от общества по жалобе на помещика С.В. Шереметева и имел личное сношение с тогдашним губернатором Муравьёвым.

Расстались мы друг с другом как бы давно знакомыми.

Прощаясь со мной, Вл. Г. с милой улыбкой, держа в руках толстую палку, которую он сначала спрятал от меня почему-то под стол, а теперь держал её головку закрытою обеими руками, сказал:

- Вот эту палку я боюсь показывать, кому не следует, отчего, как видите, и прячу... есть маленький секрет...

Уж после я узнал, что она изображала красноречивый символический жест из пяти пальцев.

Слышал, что палка эта будто бы и доселе хранится у владельца той дачи в Растянине, где проживал некоторое время Вл. Гал.

После отъезда Вл. Гал. из Нижнего мне приходилось обращаться к нему и письменно, но, к сожаленыю, то, что по тучал я от него, случайно утрачено. Уцеле ю то пью последнее письмо от 14/26 февраля 1918 года на мой запрос и сообщение о времени крепостного права, зная, что этим Вл. Гал. интересовался. Вот оно:

«Многоуважаемый Фёдор Алексеевич!

Я не уверен, что приказы Шереметева, относящиеся к 1842 г., могут представлять интерес для общего журнала. Этот сырой исторический материал скорее подошёл бы к какому-нибудь историческому журналу. Однако, не зная их содержания, не могу сказать этого наверное. Поэтому пришлите или мне (Полтава, Владимиру Галактионовичу Короленко) или в «Русское богатство» (Петербург, Баскова ул., 9). Ввиду возможных случайностей на почте, надо послать не подлинники, а копии.

Желаю всего хорошего.

Вл. Короленко.

Мы ведь с вами встречались, когда я жил в Нижнем».

Письмо это было получено мною в Богородском 4 марта 1918 г. из Полтавы.

Это письмо остаётся для меня последним отзвуком непосредственного сношения с этим добрым человеком, человеком-художником и гражданином-мыслителем; и жаль только одного, что так редко и так мало приходилось иметь с ним личного общения.

Пусть его огонёк в темноте житейского пути не угасает и горит, давая свет и тепло!

Нижегородский сборник памяти Вл. Гал. Короленко. -Н. Новгород: Изд-е Нижгубсоюза, 1923. С. 109-111.

ПИСРМУ

Письма Ф.А. Желтова В.И. Срезневскому 1921 - 1933

Конверт письма Ф.А. Желтова В.И. Срезневскому

Всеволод Измаилович Срезневский (1867 – 1936) – историк литературы, археограф, палеограф, библиограф, член-корреспондент АН СССР. Ему принадлежит значительная роль в библиографировании работ Л.Н. Толстого, подготовке и редактировании Полного собрания его сочинений и публикации текстов ряда произведений писателя.

Адрес: Село Богородское Нижегород. губ. Павловск. у., Стрелец. у., 61, Ф.А. Желтову.

Дорогой и уважаемый Всеволод Измаилович!

Получил Ваше письмо и брошюрку и очень рад дать Вам просимые сведения о моих сношениях с Л[ьвом] Н[иколаеви чем, с которым приходилось мне лично несколько раз видеться в Москве и один раз в Ясной Поляне, а также и иметь переписку. Статью «Перестанем пить вино и угощать им» Л. Н-ч предложил написать мне в то время, когда он и его друзья образовывали согласие против пьянства. Я ему, кроме написанной, доставил тогда запись против пьянства сектантской общины молокан села Богородского Нижегор. губ., составленную членами этой общины в 1868 году, и он очень интересовался этим. Кроме этой статьи мною доставлены были ему несколько рассказов литературного содержания, напечатанные с его одобрения в «Посреднике», а одна им же передана была редакт[ору] «Рус[ского] бог[атства]» Л.Е. Оболенскому (Путь литературы – путь жизни), но эта статья не успела появиться в печати. Подробно о всём буду писать Вам особо, пока же только извещаю Вас. Вы очень бы одолжили меня, если бы выслали мне изданные сборники о Л. Н-че, т. к. я их не имею.

С искренним чувством преданности и уважения Ф. Желтов.

8 июня 1921.

Российский государственный архив литературы и искусства. Ф. 436. Оп. 1. Ед. хр. 2695. Л. 1. От души благодарю Вас, глубокоуважаемый Всеволод Измаилович за присланные книжечки, кот. меня очень заинтересовали, оживляя в памяти образ Л. Н-ча, о котором при первой возможности, хотя бы в кратком изложении, напишу воспоминание для Вашего издания. Теперь я занят хозяйст[венной] организацией молоканской сектан[тской] общины, но всё-таки уделю время.

С братск[им] приветом

Ф. Желтов.

Российский государственный архив литературы и искусства. Ф. 436. Оп. 1. Ед. хр. 2695. Л. 2-2 об.

Многоуважаемый Всеволод Измаилович!

Помня Ваш запрос по поводу моих воспоминаний о Л.Н. Толстом и подбирая к тому материалы, я вздумал о Вас и сообщаю Вам, что не забыл Вашу просьбу.

Недавно я получил от Чертковых книгу об уходе Толстого и по поводу этого написал об одной из бесед с Л.Н., бывшей в конце 90-х годов, как раз касающейся вопроса о семейн[ом] положении человека, расходящемся во взглядах на жизнь с семьёй. Если желаете, – могу прислать. Не знаете ли Вы адреса моих прежних друзей: А.М. Калмыковой, Н.А. Рубакина и Г.А. Фальборка.

С сердечным приветом

Ф. Желтов.

1 / XII 1922.

Российский государственный архив литературы и искусства. Ф. 436. Оп. 1. Ед. хр. 2695. Л. 3.

10 Июня 1931 г.

Адрес: п/о Богородское – Горбатовское Нижегородского округа, почтовый ящик 12, Фёдору Алексеевичу Желтову.

Уважаемый Всеволод Измаилович!

По совету некоторых близких мне друзей Л.Н. Толстого обращаюсь к Вам с просьбою сообщить мне, не найдётся ли возможности поместить имеющуюся у меня довольно порядочную по содержанию библиотеку в Музей имени Льва Николаевича, которым, как мне передавали, Вы заведуете.

По стеснённым обстоятельствам я не могу передать все книги бесплатно, но в стоимости вознаграждения не буду очень настаивать. Подбор книг был всё время под влиянием идей близких к вопросам, затронутым Л. Н-м, с которым у меня были и личные свидания, и переписка, копии с которой могу передать тоже музею. В книгах библиотеки найдутся и редкие теперь некоторые сочинения и по религиозно-философским вопросам и по сектантству рационалистического направления, к которому и сам принадлежу по рождению.

В случае надобности могу прислать список имеющихся в библиотеке книг для просмотра. Мне хотелось бы, чтобы собиравшиеся мною книги в течение около 50 лет, не распылились бесследно, а остались бы сохранёнными, как ценность переживаемой эпохи, или при музее имени Толстого, или же при Академической библиотеке.

Будьте добры, не откажите в Вашем любезном ответе на мою просьбу.

Остаюсь в ожидании с уважением к Вам

Ф. Желтов.

Российский государственный архив литературы и искусства. Ф. 436. Оп. 1. Ед. хр. 2695. Л. 4-4 об.

Многоуважаемый Всеволод Измаилович!

Извините меня за такое долгое промедление в ответе на Ваши письма. Всё время я очень беспокоился этим, но случайные причины и состояние здоровья не позволили мне сделать это раньше. Ваши два письма и копию Вашей статьи я своевременно получил и выражаю вам глубокую благодарность за Ваше внимание ко мне. По поводу библиотеки я уже обращался к Толстовскому музею в Москве через Николая Николаевича Гусева, но встретившиеся там перемены в составе заведующих музеем пока не выясняют этого дела, хотя Ник. Ник. и обещал посодействовать. Кроме того, мне советовали ещё предложить Академическому составу при библиотеке имени Ленина, но я не знаю, подходящее ли это дело и к кому там обратиться. Если можете что посоветовать, то не откажите.

Копию Вашей статьи о моём сношении с Л.Н. Толстым я получил и прочитал. По поводу её содержания в переработке Льва Николаевича должен сказать, что всё, что можно было взять ценного из содержания моей первой рукописи, взято Львом Николаевичем и им обработано в том изложении, как она напечатана. Моих поправок было немного. Теперь я не могу восстановить по памяти об этом подробно, но что над рукописью моей много поработал Лев Николаевич, это верно, как пишете и Вы. У меня должен быть уцелевшим первый отпечатанный листок, есть и второй, но я первого не отыскал, но, вероятно, найдётся, но, мне кажется, что и первый печатный листок, пожалуй, был в том же содержании, разве есть какие-либо небольшие исправления, о чём на памяти не удержалось. Я ничего не имею против того, чтобы эту статью приписать по основательной обработке из моей рукописи Льву Николаевичу Толстому, тем более, что и моё-то обращение к этой рукописи было по призыву Льва Николаевича. Поэтому Вашу об этом статью Вы можете вполне использовать в том содержании, как она написана, причём я просил бы только исключить следующие слова о мне: «и, может быть, его следует даже считать главой современного молоканства», – так как я не могу приписывать себе такого значения, но вместо этих слов лучше добавьте: «с более свободным рационалистическим мировоззрением». Это я отметил на копии Вашей рукописи.

Так вот, уважаемый Всеволод Измаилович, спасибо Вам, что вы не забыли меня и не оставили без внимания моё раннее письмо к Вам. Если Вам ещё что будет нужно, то пишите мне, рад буду иметь общение с Вами. Копию Вашей рукописи при сем прилагаю и прошу сообщить, где вы полагаете эту статью поместить. В ожидании Вашего ответа с искренним уважением к Вам и добрыми пожеланиями

Ф. Желтов.

Российский государственный архив литературы и искусства. Ф. 436. Оп. 1. Ед. хр. 2695. Л. 5. 27 авг. 1931.

Уважаемый Всеволод Измаилович!

Привет Вам и лучшие пожелания. Согласно вашей просьбе я дал Вам ответ и возвратил копию Вашей статьи при письме моём от 21 июля, но о получении этого Вами я не имел от Вас сообщения, а потому прошу Вас не отказать сообщить: получено ли Вами посланное мною и удовлетворены ли Вы ответом или нужно дополнение.

Желая Вам всего лучшего, остаюсь с уважением к Вам Ф. Желтов.

Адрес: Гор. Богородск Нижегородск. окр., почт. ящик 12, Фёдору Алексеевичу Желтову.

Российский государственный архив литературы и искусства. Ф. 436. Оп. 1. Ед. хр. 2695. Л. 7.

26. 09. 1931.

Уважаемый Всеволод Измаилович!

Приношу вам благодарность за Ваш любезный ответ. Мне хотелось бы Вашего совета, куда бы мне предложить имеющуюся у меня библиотеку, в которой есть много редких книг. Я предлагал в Толстовский музей в Москве, но там возьмут разве небольшую часть, да и то пока не получил утвердительного ответа. Нет ли в Ленинграде таких учреждений, где бы можно поместить хотя бы выбранные не для общего пользования по содержанию. Всё это было накоплено отчасти и по затронутым Л. Н-м идеям и по своему сектантскому мировоззрению. Очень бы хотелось передать это для сохранности и использования.

С лучшими к Вам пожеланиями остаюсь в ожидании ответа

Ф. Желтов.

Адрес: г. Богородск Нижегор. округа, почт. ящ. 12, Фёдору Алексеевичу Желтову.

Российский государственный архив литературы и искусства. Ф. 436. Оп. 1. Ед. хр. 2695. Л. 8.

Уважаемый Всеволод Измаилович!

Помня Ваше ко мне доброе внимание по поводу моей статьи «Перестанем пить вино», бывшей в некотором исправлении у Льва Николаевича, я не могу оставить без сообщения Вам о случайно попавшей мне заметке с отзывом об учёно-литературной деятельности Вашего родителя Измаила Ивановича, написанной Н.Н. Вакуловским и помещённой в журнале «Живописное обозрение» за 1879 год по случаю 50-летия литературно-учёной деятельности Измаила Ивановича.

Может, Вам это интересно иметь, то могу этот номер или вырезку из него прислать. Это помещено было в № 4 от 27 января 1879 года сказанного журнала. У меня он нашёлся при пересмотре старых журналов библиотечного архива.

Затем напоминаю Вам, что я просил Вашего совета, куда бы мне передать мою библиотеку, в которой есть книги религиозно-философского, научного и исторического содержания. Я не знаю, в каком отношении к этому должна быть академическая библиотека или библиотека при музее имени Л.Н. Толстого? Будьте добры уведомить меня об этом.

С уважением к Вам

Ф. Желтов.

Адрес: Гор. Богородск Нижегородского окр., почт. ящ. 12, Фёдору Алексеевичу Желтову.

> Российский государственный архив литературы и искусства. Ф. 436. Оп. 1. Ед. хр. 2695. Л. 9-9 об.

20.02.1932.

уважаемый ВСЕВОЛОД ИЗМАИЛОВИЧ,

Очень Вам благодарен за Ваш ответ и совет по указанию, куда лучше обратиться по поводу библиотеки. Мне так хочется поместить её в надёжное место, чтобы сохранился подбор книг. По поводу же книг общего пользования – могу передать местной библиотеке. Не откажите мне еще вот в каком совете. У меня раньше печатались некоторые рассказы в газетах «Русском курьере», «Современных известиях» и других. Это было в 90 годах прошлого столетия. Рассказа два-три у меня в копиях не сохранилось. Где мне можно бы найти эти старые газеты, чтобы сделать список печатавшихся рассказов. Год, число и номер газеты могу указать. Будьте добры, посоветуйте.

Остаюсь с лучшими Вам пожеланиями и уважением Ф. Желтов.

Адрес:г. Богородск Нижегородского округа, почт. ящик 12, Фёдору Алексеевичу Желтову.

Российский государственный архив литературы и искусства. Ф. 436. Оп. 1. Ед. хр. 2695. Л. 10.

Уважаемый ВСЕВОЛОД ИЗМАИЛОВИЧ,

На последнее Ваше письмо я ответил тогда же, по получении, но вышла ошибка в адресе, и письмо пришло сегодня обратно, и посылаю этот ответ вторично. Получив от Вас обещанную готовность оказать мне услугу по справке о печатавшемся рассказе, как я писал Вам, я выражаю Вам за это глубокую благодарность и при первой возможности, как отыщу у себя запись время напечатания и названия газеты, я сообщу об этом Вам. В этом мне, пожалуйста, при случае не откажите, за что буду благодарен.

С уважением к Вам

Ф. Желтов.

Адрес: г. Богородск Нижегородского округа, почт. ящ. 12,

Фёдору Алексеевичу Желтову.

Российский государственный архив литературы и искусства. Ф. 436. Он. 1. Ед. хр. 2695. Л. 11-11 об.

Письма Ф.А. Желтова В.Ф. Булгакову 1933 – 1937

Конверт письма Ф.А. Желтова В.Ф. Булгакову

Валентин Фёдорович Булгаков (1886 – 1966) – последователь и последний секретарь Л.Н. Толстого, автор известных книг «Л.Н. Толстой в последний год его жизни», «Жизнеописание Л.Н. Толстого в письмах его секретаря». Хранитель и директор первых музеев Льва Николаевича.

В 1922 году в составе «философского парохода» выслан из РСФСР. В эмиграции жил в Праге (Чехословакия). После оккупации немцами Чехословакии был арестован (1941 г.) и отправлен в концлагерь Вейссенбург, где находился до 1945 года.

В 1948 г. принял советское гражданство и, вернувшись в СССР, до конца жизни был хранителем Дома-музея Л.Н. Толстого в Ясной Поляне.

ВАЛЕНТИНУ ФЁДОРОВИЧУ БУЛГАКОВУ, ПРАГА

Уважаемый Валентин Фёдорович,

Очень рад был получить от Вас письмецо и от души благодарю Вас за Вашу готовность оказать мне просимую мною братскую помощь, на что, при первой возможности, я постараюсь ответить Вам тем же. Попросите Ваших друзей, и хотя бы самую возможную сумму, не стесняясь размером, постарайтесь перевести. Даже в кажущейся незначительности суммы, это будет мне большим пособием при настоящем переживании. Я понимаю, и Ваше положение, как пишете Вы, может быть, не менее стеснено, но тем более я сочту особенно ценным Вашу добрую отзывчивость, и пусть это будет в память общего нашего друга человечества, незабвенного и дорогого по памяти ЛЬВА НИКОЛАЕВИЧА, к которому часто мне приходилось и лично, и письменно обращаться за советами и разъяснениями, что оставило на сердце много неистребимых временем записей. Извиняюсь, дорогой и уважаемый Валентин Фёдорович, что я, может быть, утруждаю Вас своей просьбой, но Вашу услугу я приму с наиглубочайшим сердечным чувством, и как окажется возможность, то не забуду отплатить Вам, чем могу. Пишите мне, пожалуйста, ведь так грустно, что, зная по прежним сношениям близких по убеждению друзей, не сразу восстановишь прежнее общение, хотя бы и через переписку, ввиду отсутствия точных сведений, кто где в настоящее время находится. Даже много близких родных теперь в отъезде в разных местах для приискания заработков на средства семейного существования. Чувство одиночества иногда облегчается тем, что вспомнишь слова Христа, сказанные Им перед Своими страдани-

ями: «Все вы в эту ночь оставите Меня одного, но Я не один, а ОТЕЦ СО МНОЮ». Ободримся духом, воскреснет надежда среди худшего на лучшее, и вновь засияют вокруг лучи света творческой жизни, создающей в процессе творчества что-то незыблемое, вечное в ряде окружающих жизнь несовершенств, и вздумаешь, что ведь и пшеничное зерно растёт прежде через соломку, а жизнь тоже достигает совершенства через опыт переживания, хотя бы и со многими ошибками и уклонениями от сущности истины. Вот почему Христос, устанавливая путь к высшим достижениям, был снисходителен к немощным и страдающим несовершенствами людям, подходя к ним с тем чувством любви, от которого внутренно зажигается в людях тоже пламенное чувство любви, освещающее этой истиной их сознание. Только таким путём воздействия на кажущиеся несовершенства можно поддержать процесс творчества в жизни во благо и пользу всего человечества, что и избрано было Христом. Простите, что я увлёкся этим рассуждением, - так хочется обменяться пережитым не только в мыслях, но и в независимом от нас особом чувстве, присущем каждому человеку. В дополнение к сказанному, желая чем-нибудь ответить на Вашу добрую отзывчивость, посылаю Вам свою книжечку с рассказом под заглавием «Трясина», что в рукописи было у Льва Николаевича, и он одобрил тогда содержание, но советовал поработать над ней для литературного изложения. Написано это было под влиянием встретившихся ещё в моей молодости переживаний. Если у Вас имеются какие-либо издательства, то предложите какому-либо издательству напечатать даже и в переводе, причём я отдаю в полное ваше использование и гонорарную плату за это, если только это возможно.

Могу в случае прислать и ещё кое-что из своих печатав-шихся произведений, а если пожелаете, то есть и в рукописях.

Примите от меня это письмо как задушевное моё к Вам и всей Вашей семье расположение с пожеланиями Вам всех благ жизни при номощи Божией.

Остаюсь с искренним чувством расположения и любви Ф. Желтов.

P.S. Не обессудьте, что перевод назначать чрез Москву, как я писал, но для получения из магазинов гор. Горького, а мне об этом сообщить в Богородск по моему адресу и от Банка и от Вас.

Ф. Желтов.

Российский государственный архив литературы и искусства. Ф. 2226. Оп. 1. Ед. хр. 665. Л. 8-8 об. 8 _{Августа 1933 г.} Адрес: Гор. БОГОРОДСК /ГОРБАТОВСКОГО КРАЯ/, ПОЧТ. ЯЩИК 12, ФЁДОРУ АЛЕКСЕЕВИЧУ ЖЕЛТОВУ

ВАЛЕНТИНУ ФЁДОРОВИЧУ БУЛГАКОВУ, ПРАГА, ЧЕХОСЛОВАКИЯ.

Уважаемый Валентин Фёдорович,

Я очень был тронут Вашим добрым вниманием к моей просьбе и от души благодарю Вас за Вашу готовность исполнить мою просьбу, хотя бы и с некоторой задержкой, как пишете Вы. Ожидание этого будет наполнять моё сердце чувством бодрости среди тех переживаний, которые приходится переносить, и чувство благодарности к Вам будет всё более расти, чтобы заявить его Вам при исполнении Вашего обещания с искренним пожеланием Вам тоже послужить, чем будет возможно. Меня очень порадовало видеть Вас на присланном Вами фотоснимке вместе с уважаемым ЛЬВОМ НИКОЛАЕВИЧЕМ ТОЛСТЫМ, и от души благодарю Вас за это.

Получили ли Вы посланную прошлый раз при моём к Вам письме книжечку с моим рассказом, и как Вы нашли изложение и затронутые в ней мысли? Вам, вероятно, известны некоторые печатавшиеся в «Посреднике» мои рассказы? Если желаете, могу прислать. Напишите мне, пожалуйста, нет ли у Вас известий о жизни духоборов в Америке, а если есть там у Вас знакомые, то сообщите их адреса, – хотелось бы узнать, как они там проживают, так как я слышал, что есть какие-то между ними осложнения и даже преследования от Канадского правительства.

Буду ожидать дальнейших Ваших сообщений. Шлю Вам привет и лучшие пожелания при добром здоровье и благополучии. Уважающий Вас

Ф. Желтов.

Российский государственный архив литературы и искусства. Ф. 2226. Оп. 1. Ед. хр. 665. Л. 4. 27 Ноября 1933 г. Адрес: г. Богородск /Горбатовский/ Горьковского Края, почт. ящ. 12, Фёдору Алексеевичу Желтову.

Уважаемый дорогой друг Валентин Фёдорович,

Меня очень обрадовало Ваше доброе письмо от 13 с/м и спешу Вам высказать свою глубокую благодарность за Ващу готовность исполнить мою просьбу, чем Вы мне много поможете в тех переживаниях, которые приходится переносить, и я прошу извинить меня, что Вам этим, быть может, приношу беспокойство, но поверьте, дорогой друг, что я обратился к Вам с этим с полным доверием, что Вы не осудите меня за это, и я не останусь в долгу за Вашу услугу. Спасибо отозвавшимся по Вашему предложению Вашим знакомым из Голландии, и я очень бы желал, чтобы Вы им передали мою благодарность, а если можно, сообщили бы адреса, чтобы я мог выразить это и непосредственно. Кстати, сообщаю, если это нужно, адреса Банков, которые, согласно объявлению, принимают переводы на «Торгсин» из Голландии. Затем, тоже по объявлению, кроме Банков, принимает и делает такие переводы одна учреждённая для этого частная фирма в Берлине, адрес которой на случай надобности я тоже ниже сего сообщаю.

Пожалуйста, не стесняйтесь размером суммы для перевода, для меня и то, что Вы обещаете перевести лично от себя, будет мне большой помощью, так как магазины «Торгсина» отпускают продукты по заграничным переводам с значительно большим понижением против обычных рыночных цен.

Спасибо за сообщение о кончине Д-ра Шкарвана. Очень жаль его. Сообщите, жив ли доктор Маковицкий? Читаю изданный в 1918 году Ваш дневник «Лев Толстой в последний год его жизни» и встречаю там многих и мне знакомых лиц. У меня также хранится Ваш доклад, который Вы читали

в Москве в зале Политехнического О-ва, и много нахожу в нём здравых основательных мыслей. Спасибо Вам за все эти труды.

Хотелось бы мне посоветоваться с Вами, куда направить для сохранения, если нельзя теперь пока напечатать, имеющийся у меня дневник из всех переживаний за много лет, и в котором изложены более всего религиозно-философские мысли, вызываемые из прочитанного и из личных бесед со многими, с кем приходилось иметь общение, в особенности с Льв. Николаевичем и близкими к нему его друзьями. Прилагаю копию написанного мною к этому дневнику предисловия в то время, когда я был сильно болен и хотел направить его или к Льву Николаевичу, или к Владимиру Григорьевичу, но по некотором времени, освободившись от постигшей меня тогда болезни, я оставил это и с тех пор ни к кому за этим не обращался и даже никому не сообщал и содержания написанного. Теперь же дневник этот с дальнейшим дополнением хотелось бы сохранить или передать куда-либо для этого. Вот это меня очень беспокоит, и я обращаюсь к Вашему совету: что мне с ним сделать? Посоветуйте, пожалуйста. Я бы даже Вам вручил бы его для использования и, может быть, для перевода, если можете передать кому-либо для издания.

У меня есть ещё некоторые статьи, печатавшиеся с 1925 по 1928 год в нашем издававшемся в это время сектантском журнале, в котором есть переписка с известным сторонником монизма П.П. Николаевым, который проживал за границей и там за последнее время скончался. Может быть, я добуду эти книжечки журнала и пришлю Вам, если пожелаете. Мне так хочется иметь общение с друзьями Льва Николаевича, как это было при нём. Буду ожидать от Вас сообщений и остаюсь в ожидании с моим к Вам уважением и добрыми пожеланиями Ваш всегдашний доброжелатель

Ф.А. Желгов.

Принимают переводы:

- 1. В Амстердаме: Rotterdmsche Bankvereinigung и Hollandsche Bank vour de Middelandsche Zee N.V.
- 2. В Берлине Gesellschaft fur Paketversand nah U.d.S.S.R Fast & Co Berlin, Wittenbergplatz, 1.

Российский государственный архив литературы и искусства. Ф. 2226. Оп. 1. Ед. хр. 665. Л. 6-6 об. 19 Декабря 1933 г.

Адрес: г. Богородск /Горбатовский/, Горьковского Края, почт. ящик 12, Фёдору Алексеевичу Желтову.

Дружески и сердечно уважаемый ВАЛЕНТИН ФЁДОРОВИЧ,

Не могу вполне высказать Вам того чувства благодарности, которое отразилось на моём сердце за Ваше доброе ко мне внимание присылом пособия, как я просил Вас, и что Вы с такой сердечностью исполнили. Поверьте, что это тронуло меня до глубины души, и рад и тому, что моя уверенность в Вашей такой отзывчивости получила подтверждение тому, что, заявляя Вам свою просьбу, я вполне надеялся на это, а если бы не было у меня этой уверенности в чувстве в Вас такой отзывчивости, то я не посмел бы просить Вас. Спасибо Вам, большое спасибо! Передайте мою глубокую благодарность и всем Вашим друзьям, которые также проявили свою отзывчивость по Вашему предложению.

Я бы очень желал, если можно, сообщить мне адреса этих друзей, чтобы и им я мог написать свой сердечный отклик на их такую святую отзывчивость.

На днях я уже получил извещение от кассы «Торгсин» при Банке о получении ими сообщения о переводе, и на днях постараюсь получить что можно из продуктов продовольствия, что очень, очень поможет мне в переживании при моих годах престарелости и при тех занятиях, которыми при этой братской помощи я хотел бы посвятить конечные дни своей плотской жизни. Мне хотелось бы описать все переживания и воспоминания, так как в течение своей жизни я со многими значительными по высшим нравственным стремлениям лицами имел и свидания и переписку, в том числе и с дорогим для моей памяти Львом Николаевичем, беседы которого много отложили на моё сердце истинно ценного.

Есть у меня заметки мыслей под влиянием этого, накопившиеся за многие годы, и собрание их я назвал просто: «К а п е л ь к и», – это как крупицы, падающие в сознание от вечного источника жизни, Того Космического Мирового Сознания, Которое объединяет всё, и путём переживаний из несовершенного создаёт СОВЕРШЕННОЕ, в том числе и человека, КАК НОВУЮ ТВАРЬ ВО ХРИСТЕ.

Вот мне хотелось бы эти записи или издать, что теперь, не знаю, возможно ли, или хоть передать их куда, где они были бы сохранены до времени использования. Не можете ли Вы посоветовать мне об этом? Кроме того, у меня есть порядочное собрание особенно ценных по содержанию книг, и их бы хотелось передать, что я и предлагал раз Музею Толстого через Н.Н. Гусева и Шохор-Троцкого, что они сочувственно приняли, но управление Музеем не выяснило окончательно этого. Теперь же недавно открылся в Москве особый Литературный музей, куда собираются все материалы старой и новой литературы, а также рукописи и переписка. Музеем этим заведует давно мне знакомый исследователь сектантства Вл. Дм. Бонч-Бруевич. Не туда ли всё, о чём я пишу, передать? Посоветуйте, пожалуйста. Мне так хочется получить об этом советы от друзей Льва Николаевича по доброй памяти о нём, как он раньше и мне не отказывал в своих советах и даже помогал в некоторых случаях некоторым из братьев сектантов, преследуемых тогда, как это было после миссионерского Съезда в Казани с некоторыми семьями молокан в Самарской губернии.

Буду ждать от Вас доброго ответа, надеюсь, Ваша совесть на это так же отзовётся, как у Вас замечено в словах Льва Николаевича, упоминаемых в Ваших воспоминаниях о нём, сказавшего при таком же случае о себе, что «совесть в нём говорит, что нужно отвечать на письма».

Примите всё сказанное от меня как искреннее желание иметь общение с Вами, как продолжение общения с Львом

Николаевичем, с которым Вы были так близки и многое, наверно, почерпнули из этого любвеобильного сердца.

С братским к Вам расположением и приветом остаюсь в ожидании и с добрыми Вам пожеланиями

Ф.А. Желтов.

Российский государственный архив литературы и искусства. Ф. 2226. Оп. 1. Ед. хр. 665. Л. 8-8 об. 21 Января 1937 г.

Адрес: Гор. Богородск 1-й, Горьковского Края, почт. ящик 12, Фёдору Алексеевичу Желтову. – U. S. S. R.

Уважаемый Валентин Фёдорович!

Помня Ваше отзывчивое отношение к моим запросам, обращаюсь к Вам по одной нужной мне справке.

Мне случайно пришлось узнать, что в Праге вырабатывается недавно изобретённый новый слуховой аппарат для тугоухих под названием «Vibraphon».

Адрес фирмы, имеющий его для продажи, следующий: «Prag H. Spalena 20, «Vibraphon-Apparate». (Дер. 214.)

Справьтесь, пожалуйста, насколько он улучшает слух, и как им пользоваться, и какая его стоимость, и могут ли выслать в случае заказа. Может – имеется проспект или описание для ознакомления, то возьмите и пришлите мне, и я с благодарностью Вам уплачу. Пожалуйста, исполните эту мою просьбу, за что буду очень благодарен Вам, тем более что это нужно лично для меня ввиду некоторого частичного понижения слуха при моей престарелости (мне 78 лет), а мне приходится часто участвовать на свободно-религиозных беседах нашей местной общины братства сектантов-молокан. Слух у меня понизился не в очень большой степени, так что иногда не каждое слово разберёшь в зависимости от звуковых оттенков речи. Узнайте, имеется ли при аппарате регулятор для установления норм восприятия слуха.

В ожидании и с уважением к Вам

Ф. Желтов.

Российский государственный архив литературы и искусства. Ф. 2226. Оп. 1. Ед. хр. 665. Л. 11-11 об.

ЭПИЛОГ

ВЫПИСЬ ПРЕДИСЛОВИЯ, НАПИСАННОГО К ЗАПИСЯМ ФЁДОРА АЛЕКСЕЕВИЧА ЖЕЛТОВА

В эту книгу я вписал свои накопившиеся заметки с 1889 года и решил продолжать эти записи.

Ряд мыслей, которые иногда проскальзывают в уме среди обыденных занятий, заставляли меня глубже вникать в свою сущность и сущность вещей и вызывали те заключения, которые изложены в этой книге.

Я ничего не желал бы, чтобы всё то, что читатель найдёт хорошим в этой книге, послужило бы людям на их пользу, на пользу познания и разумения самих себя, жизни и Бога, и чтобы всё это помогло им освободиться от многих обманов и соблазнов, окружающих человеческую жизнь. Мысли, изложенные в этой книге, падали в мою жизнь как чистые капельки моего внутреннего существа, свободного от прихотей личности и оживляли меня, давая силы пользоваться благами истинной жизни. И если бы кому пришлось издать впоследствии эти записи в печати, то пусть заглавием их останется это слово «КАПЕЛЬКИ», и если бы кому пришлось перечитывать их, то пусть читатель не судит меня строго за неясность и неполноту изложения, а пусть только постарается вникнуть поглубже в свою внутреннюю разумную сущность и пусть посвободнее откроет доступ к себе и своему сердцу, и тогда откроется перед ним новый мир, новая жизнь, которыми также и моя личность стремилась жить в своём плотском существе.

Я писал эти строки не ради литературного тщеславия, я писал их потому, что этого требовала душа, и я думаю, что если человек будет писать не ради только печатания при

^{*} Здесь «чтобы» - в значении «лишь бы».

жизни, то он всегда напишет правдиво и искренно, и наиболее близко к тому, что и для него, и для людей будет нужно.

Фёдор Желтов.

1893 года 9 Марта. С. Богородское Нижегородской губ.

> Российский государственный архив литературы и искусства. Ф. 2226. Оп. 1. Ед. хр. 665. Л. 9.

> > Hopere

SURSES RY MERICANA RANGARROPO A CARAGES PAJORA AL-ROCAMETA PALTORA.

a per surery a mercan seem narrowensees bearing o 198 o on a poster spec TANKER OTH SATESME.

PAY MIGRAE, ROTOPES EXOCUS TOUGHALD MORE O THE COURS WHEEL COURS DANSETED particulate manu rays a amunita a case of sooth is a sy sooth to all a millioner

DA BEKERGORRE, METOPES BASO SER O STOT MENTS.

I RETURN HE THERE OF THE OR DOS TO, WE WERE LED BURERS SPROUGH & STORE BURE, BOOLY RIO OR ARES HE AR BRIDER, THE WORLD'S BROWNING IN THE PROPERTY COURSE DON' STAM H BORD, H TTO OH DO! OND RESERVE HE ORSOGRAPHOS DE SENERE COLUMN H-code at mos capy as an entered capy comm. Backs made state a most state ma AND I HER . HIM ONE WHOTHE BREADER HE HELP MIST CHEEK CO. . CO. . C. . CO. . C. . CO. . C. THE OF SPREET AND POST IS COMMAND NAME AND ADDRESS OF THE PROPERTY OF THE RE-RESERVED THE REAL PORTS OF REAL SPACE SHOULD BE REAL ASSESSED FOR PARENTE O BOME. HE TO BYOTH BATTHEMON HE COLST O'CH MIN HAND "MARWALL," & CAR OR NOWY SPEED HOLD CONSTRUCTS BY. TO SYOTE THE STATE OF CHEST AND CONTROL OF THE PROPERTY IS THE PROPERTY OF RECORD IN STATE TO SECONDARY. . VERY ME ANDRES & C.C. & COMP. MY CAPLAY IS TOTAL OUTPOWER BAJOR HAN STAND MAY, HOULD HAVE MANUEL TORSE IS HES PROMOTE GENERALISE THE B OSS-H EXCERNAL SY COURSE.

В дисан ота очнами по раки ни ратурного чествания, в повы из питему the mare \$2,000000 Aire a alema, we seem theese office attents as path Torses REVERTERS THE CARRESTS OF SO-SEE BARREST SPRINGERS IS SUSPENSE & PRINCE-

две бытано и тому, что и для него и даз видей отдет ду по-

BLAUS BEATUR.

1505 ress 9 46748. W. Espaparene. RE-proposess rys.

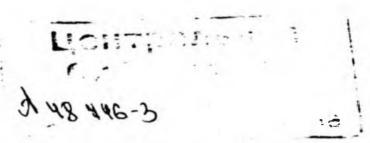
Копия авторского предисловия Ф.А. Желтова к своим записям под общим названием «Капельки». Была отослана В.Ф. Булгакову в Прагу, благодаря чему сохранилась; судьба самой рукописи иеизвестна...

СОДЕРЖАНИЕ

Виктор Гурьев. Он сеял свет	
(Фёдор Алексеевич Желтов: жизнь, творчество, судьба)	5
ХУДОЖЕСТВЕННАЯ ПРОЗА	
Трясина	29
На сходке (Вдова)	49
Кость и золото (Древнее сказание)	71
Перед людьми	87
На Волге, или Злом горю не поможешь	
из философско-религиозных трактатов	
О зелёной палочке	.139
СТАТЬИ	
Крестьянский недут	.147
19 февраля 1886 года в селе Богородском	
(Нижегородской губернии)	.152
Молокане в с. Богородском (Нижегородской губернии)	.164
Затмение (7-е августа 1887 г.)	
Археологический интерес Горбатовского уезда	.179
Перестанем пить вино и угощать им	
О начале промышленности в Богородском	
воспоминания	
Воспоминания Ф.А. Желтова о знакомстве с	
Л.Н. Толстым	.195
Из воспоминаний о В.Г. Короленко	

письма

Письма Ф.А. Желтова В.И. Срезневскому	203
Письма Ф.А. Желтова В.Ф. Булгакову	215
эпилог	
Выпись предисловия, написанного к записям	
Фёдора Алексеевича Желтова	228

Литературно-художественное издание

ФЁДОР АЛЕКСЕЕВИЧ ЖЕЛТОВ

ПЕРЕД ЛЮДЬМИ

ИЗБРАННОЕ

Редактор – В.А. Гурьев Корректор – Е.И. Шубаева Верстка – А.В. Гурьев

Отпечатано в типографии «Печатный дом «Вариант». Нижегородская область, г. Богородск, тел. (83170) 2-49-97 моб. 8-910-874-52-44

